

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

4
2020

VESTNIK RGGU. Seriya «Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya»
RSUH/RGGU BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series
Academic Journal
Quarterly issues.
Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing Ph.D. research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

07.00.00 History and archeology:

07.00.02 Russian history

07.00.03 World history

07.03.09 Historiography, source study and methods of historical research

07.00.15 History of international relations and foreign policy

23.00.00 Political studies:

23.00.01 Theory and philosophy of politics, history and methodology of political science

23.00.02 Political institutions, processes and technologies

23.00.04 Political problems of international relations, global and regional development

23.00.05 Political regionalism. Ethnopolitics

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. “Political Science. History. International Relations” Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, 25.05.2015, reg. No. FS77-61886

Editorial staff office: 6, Miusskaya, Moscow, 125993

e-mail: panov.a@rggu.ru

zhuravlevavic@mail.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»
Научный журнал
Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

07.00.00 История и археология:

07.00.02 Отечественная история

07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

07.00.15 История международных отношений и внешней политики

23.00.00 Политология:

23.00.01 Теория и философия политики, история и методология политической науки

23.00.02 Политические институты, процессы и технологии

23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

23.00.05 Политическая регионалистика. Этнополитика

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический, рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерении.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 07.08.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6
электронный адрес: panov.a@rggu.ru
zhuravlevavic@mail.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

A.P. Logunov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Medushevsky, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A. Filler, Ph.D., associate professor, University Paris VIII, France

D. Foglesong, Ph.D., professor, Rutgers University, USA

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), Cand. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Gushchin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.L. Iurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

I. Klyukanov, Ph.D., professor of Communication, Eastern Washington University, USA

M. Kramer, Ph.D., professor, Harvard University, USA

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.S. Mirzekhanov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P. Ruggenthaler, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz–Vienna, Austria

E.Yu. Sergeev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- T.A. Shakleina*, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs (Russia), Moscow, Russian Federation
- B. Shteltzel-Marks*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz–Vienna, Austria, vice-president of Austrian Commission, UNESCO, Vienna, Austria
- A.D. Voskressenskii*, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Ph.D. (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs (Russia), Moscow, Russian Federation
- I.B. Antonova*, Cand. of Sci. (Pedagogy), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*English texts editor*)
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*English texts editor*)
- A.A. Novikova*, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)
- A.S. Panov*, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

Executive editors:

E.A. Alekseeva

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor (RSUH)

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor (RSUH)

A.S. Panov (RSUH)

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.П. Логунов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
О.В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Медушевский, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Ph.D. (Манчестерский университет), Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, кандидат философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Гуцин, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.С. Мелкумян, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И. Ключанов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, США

М. Крэмер, Ph.D., профессор, Гарвардский университет, США

В.С. Мирзеханов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П. Руггенталер, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац–Вена, Австрия

Е.Ю. Сергеев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А. Филлер, Ph.D., доцент, Университет Париж VIII, Франция

Д. Фоглесонг, Ph.D., профессор, Университет Ратгерс, США

Т.А. Шаклеина, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

Б. Штельцель-Маркс, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац–Вена, вице-президент Австрийской комиссии ЮНЕСКО, Вена, Австрия

А.Л. Юрганов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

И.Б. Антонова, кандидат педагогических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор текстов на английском языке*)

Л.А. Халилова, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор текстов на английском языке*)

А.А. Новикова, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

А.С. Панов, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Ответственные за выпуск:

Е.А. Алексеева

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор (РГГУ)

Л.А. Халилова, кандидат филологических наук, профессор (РГГУ)

А.С. Панов (РГГУ)

CONTENTS

Contemporary International Relations

Tatiana A. Shakleina

American policy towards Russia:
competition, deterrence and governing control 10

Natal'ya A. Tsvetkova, Nikita M. Kuznetsov

Phenomenon of Big Data Diplomacy in World Politics 27

Countries and Regions of the World: Development Dynamics and Models of Cooperation

Ali Ebrahimitorkaman

Iran's accession to the SCO: energy and socio-political aspects 45

Denis O. Vakarchuk

Differences among the member states
of the European Union and its influence on their
relations with the Russian Federation: 2014–2019 57

Pavel A. Anisimov

National Security Challenges of the Russian Federation
in the Arctic Region 74

Sociopolitical Processes in the Past and in the Present

Lyudmila A. Khalilova

Battle of Britain: London in Londoners' Commemorations 84

Iana V. Shchetinskaia

The Development of think tanks in the U.S. in the first half
of the twentieth century: the political and socioeconomic context 99

Mariya E. Gorokhova

The problem of adaptation of the Russian emigrants
of the first wave in Czechoslovakia: the language aspect 110

СОДЕРЖАНИЕ

Современные международные отношения

- Татьяна А. Шаклеина*
Политика США в отношении России:
конкуренция, сдерживание и управление 10
- Наталья А. Цветкова, Никита М. Кузнецов*
Феномен дипломатии больших данных в мировой политике 27

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

- Али Эбрахимиторкаман*
Вступление Ирана в ШОС:
энергетические и социально-политические аспекты 45
- Денис О. Вакарчук*
Влияние различий между государствами –
членами ЕС на их отношения
с Российской Федерацией: 2014–2019 гг. 57
- Павел А. Анисимов*
Вызовы национальной безопасности РФ в Арктическом регионе 74

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

- Людмила А. Халилова*
Борьба за Британию: Лондон в коммеморациях его жителей 84
- Яна В. Щетинская*
Экспертно-аналитические центры в США
в первой половине XX в.: политические
и социально-экономические контексты развития 99
- Мария Е. Горохова*
Проблема адаптации русских эмигрантов первой волны
в Чехословакии: языковой аспект 110

Современные международные отношения

УДК 327

DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-10-26

Политика США в отношении России: конкуренция, сдерживание и управление

Татьяна А. Шаклеина

*Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, Москва, Россия, shakleina-tania@yandex.ru*

Аннотация. Глобальная стратегия США, хотя и претерпевает изменения, в том числе при изменении правящих администраций, характеризуется преемственностью основных идейных составляющих, цели и задач, методов их реализации. Аналогичная ситуация прослеживается и в политике США в отношении России. Гипотеза автора состоит в том, что политика Америки на российском направлении развивается в рамках конфронтационно-конкурентной парадигмы, которая не меняется и не зависит от того, в какой ипостаси находится Российское государство. Определяющим фактором является его роль в мировом развитии и формировании основ мирового порядка, которая не совпадает с американским видением мирового развития, мешает США выстраивать моноцентричный (американоцентричный/западоцентричный) либеральный мировой порядок.

Восстановление великодержавного статуса России после роспуска СССР неприемлемо для США, прежде всего для правящей элиты. Именно поэтому противостояние и сдерживание Российской Федерации нарастало начиная с 1995 г. и привело в 2010-е гг. к новой холодной войне, что особенно ярко проявилось при администрации Трампа. Наблюдается консенсус между всеми институтами американской политической системы – Конгрессом, политическими партиями, СМИ, «мозговыми центрами», группами интереса, разведсообществом и другими ведомствами – как по вопросу общей стратегии, так и в отношении России. Статья предлагает анализ подходов и рекомендаций американских экспертов, на основании которых и будет выстраиваться российская политика в среднесрочной и долгосрочной перспективах. При анализе автор придерживается структурно-реалистского подхода.

Ключевые слова: Россия, США, международные отношения, российско-американские отношения, либеральный мировой порядок, «мозговые центры»

© Шаклеина Т.А., 2020

Для цитирования: Шаклеина Т.А. Политика в отношении России: конкуренция, сдерживание и управление // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 10–26. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-10-26

American policy towards Russia: competition, deterrence and governing control

Tatiana A. Shakleina

*Moscow State Institute of International Relations (University),
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia,
shakleina-tania@yandex.ru*

Abstract. The global strategy of the United States is characterized by a great degree of continuity, adherence to basic ideas of American ideology, aims, tasks, and the methods of realization of national American interests, though different administrations bring tactical minor changes to the real policy and official rhetoric. Similar trend is seen when we describe and analyze the US strategy towards Russia. The hypothesis of the author is the following: American policy towards Russia has been developing within a quite clear historical paradigm of confrontational competition; American actions do not depend on whether the Russian State exists as the USSR or the Russian Federation. The dominant factor defining this kind of confrontational strategy is that Russia remains one of the leading world powers that is playing a very influential role in international relations and the world order formation, demonstrates an opposite to American view of global governance and world development. In the US, it is seen as a serious obstacle to the realization of the American concept of world liberal order – a monocentric /US centric world order.

Restoration by Russia of a great power status after the dissolution of the Soviet Union has not been fully predicted and is unacceptable to the US, and first of all, to the ruling political elite. Opposition and criticism of Russia has been growing since 1995, and in the 2010s the deterrence of Russia evolved into a new cold war. Cold war confrontation between the US and Russia during the Trump administration became large scale and multifaceted, and could be characterized as a political, economic, and information war. There is a quite clear consensus on the Russia issue between the representatives of Congress, political parties and the groups of interest, mass media and think tanks, the representatives of intelligence community and some federal agencies. The article suggests the analysis of the views and recommendations of the leading think tanks as their influence on the policy towards Russia has been quite visible during all administrations. Though the Trump administration is in opposition to practically all liberal media

(the majority of all mass media) and think tanks, the policy of the United States towards Russia is being formulated within the traditional paradigm. The author suggests a structural realist school of thinking as the most relevant for the better understanding of the situation in the Russian-American relations.

Keywords: Russia, United States, international relations, Russian-American relations, liberal world order, think-tanks

For citation: Shakleina, T.A. (2020), "American policy towards Russia: competition, deterrence and governing control", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 10–26, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-10-26

Разгоревшаяся в США в период президентских выборов 2016 г. антироссийская кампания была продолжением нарастающей в течение 2000-х и 2010-х гг. линии на закрепление непримиримо-наступательной стратегии в целом и в отношении России в частности. Политика в отношении России приобрела характер войны по нескольким направлениям: экономическому, политическому, идеологическому, информационно-пропагандистскому. Были мобилизованы почти все страны Центральной и Восточной Европы, отдельные постсоветские государства, ставшие активными исполнителями масштабной антироссийской кампании. Двусторонние отношения полностью вернулись в конфронтационно-конкурентный формат, более масштабный, диверсифицированный и жесткий, чем холодная война XX в.

«Российский вызов» американскому могуществу

Исторически в отношениях России и США сформировалась парадигма, которую можно называть «холодновоенной» или «конфронтационно-конкурентной». На разных этапах взаимодействия двух держав отношения между ними имели разную степень остроты и противостояния, случались и непродолжительные «разрядки», которые все-таки оставались очень важными событиями, вносящими некоторое ослабление международной напряженности.

Надежды на то, что возможно изменение конфронтационной парадигмы в российско-американских отношениях, начали меркнуть начиная с 1995 г. Происходило постепенное, но неуклонное нарастание противоречий, и уже при администрации Обамы мож-

но было говорить о начале новой холодной войны¹ [Legvold 2016; Шаклеина 2017, с. 178–301]. Россия никогда не идеализировалась американскими аналитиками, историками и политологами, однако в большинстве работ все-таки соблюдалось правило политической корректности, хотя и нарушалось оно также нередко (с обеих сторон). С середины 2010-х гг. американские политологи, прежде всего либеральной школы, полностью отошли от аналитической корректности, и их выступления и писания утратили какую-либо научную оригинальность, превратившись в набор клише и стереотипных высказываний. Уже во время второго срока администрации Обамы полностью победила безальтернативность в суждениях о России, а к 2020 г. мощная антироссийская волна «вымыла» из ведущих центров почти всех аналитиков, которые придерживались альтернативных мейнстримовскому суждений [Drezner 2017].

После выборов Д. Трамп не смог (или уже не желал?) реализовать свое намерение наладить отношения с Россией. Политика США начала выстраиваться почти в полном соответствии с тем, что говорили и писали большинство внешнеполитических экспертов и аналитиков. В Стратегии национальной безопасности 2017 г. было заявлено, что Россия и Китай бросают вызов Америке, ее влиянию и интересам, нанося ущерб ее безопасности и процветанию, так как они стремятся сделать экономику менее свободной и менее справедливой, наращивают свою военную мощь, усиливают контроль над информацией для расширения своего влияния в американском обществе².

Этот постулат получил дальнейшее развитие в Оборонной стратегии 2018 г., где было заявлено, что после периода ослабления внимания к стратегическим вопросам стало заметным снижение конкурентного потенциала США, в результате чего усиливается глобальный беспорядок и упадок международных норм. Указывалось на то, что на первый план выступает не борьба с терроризмом, а конкуренция между государствами, поэтому именно исходя из

¹Подробно о ситуации в отношениях России и США в 1990–2000-е гг., о том, как постепенно набирала силу антироссийская критическая кампания и закреплялся образ агрессивной России, см.: *Шаклеина Т.А.* Россия и США в новом мировом порядке: Дискуссии в политико-академических сообществах России и США: 1991–2002. М.: Ин-т США и Канады РАН, 2002. 445 с.

²National Security Strategy of the United States of America. December 2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения 17 апр. 2020).

этого должна строиться национальная стратегия США. Акцент был сделан на том, что один из стратегических конкурентов – Китай – проводит хищническую экономическую политику, пытается подорвать существующий порядок в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и выстроить новый порядок в соответствии со своими интересами, стремится к региональной гегемонии в АТР, модернизируя свои вооруженные силы, и в перспективе – к достижению глобального преобладания над США.

России отводится роль дестабилизатора в сфере безопасности. В документе указывается, что второй стратегический конкурент – Россия – хочет перестроить мировой порядок в своих интересах; нарушает границы соседних государств и использует право вето для блокирования инициатив соседних стран; стремится подорвать Североатлантический альянс, изменить систему безопасности в Европе и на Ближнем Востоке, подорвать демократические процессы в Грузии, Восточной Украине, Крыму; наращивает и модернизирует вооружения³. Авторы документа преувеличивают вызовы США, которые остаются самой мощной военной державой с колоссальными военными расходами и постоянным процессом разработки все новых и новых видов оружия массового поражения (ОМП). Это делается не только для сохранения могущества военно-промышленного комплекса (ВПК) и получения огромных военных заказов, но и для обоснования воинственного внешнеполитического курса, очень затратного и необязательно нужного для американского общества, в котором назрело немало внутренних социально-экономических проблем [Mandelbaum 2010].

Поворот к военно-политической конфронтации глобального характера и началу нового этапа великодержавной конкуренции требовал более детального научного обоснования, чем занялись «мозговые центры». Произошел поворот от неолиберализма с фокусом на институтах к неореализму с акцентом на ведущих мировых державах и конкуренции между ними. Особенно заметным поворот к структурному реализму был в работах «РЭНД корпорейшн», Института Брукингса, Центра стратегических и междуна-

³Nuclear Posture Review Report. U.S. Department of Defense, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (дата обращения 17 апр. 2020); 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Sharpening the American Military's Competitive Edge [Электронный ресурс]. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения 17 апр. 2020).

родных исследований, хотя последний продолжает основное внимание уделять идеологическим вопросам. В работах американских аналитиков, как и в основных внешнеполитических документах, когда речь идет о России и Китае как равных по силе соперниках/конкурентах Соединенным Штатам, в отношении России акцент делается на геополитике – установлении преобладающего влияния на территориях постсоветских стран и на военной мощи, которая может быть использована РФ для продвижения своих интересов. На основании такого видения места России в формирующемся порядке экспертный анализ концентрируется на проблемах безопасности как регионального, так и глобального уровня.

Одной из главных задач политики США и НАТО считается защита стран Балтии и стран Восточной Европы – бывших республик СССР (Грузия, Молдавия, Украина), для чего разрабатывается новая стратегия сдерживания России с возможностью использования военных методов, включая военные действия с использованием ядерного оружия в случае необходимости. Отмечается, что Москва должна заплатить за свои военные действия по захвату Крыма, так как это важно для европейской безопасности и предотвратит возможные действия России в отношении других территорий⁴.

О необходимости разработки более жесткой стратегии в отношении России говорилось и в докладе, подготовленном под эгидой Центра стратегических и международных исследований «Противостоя российскому и китайскому влиянию». Авторы доклада заявили, что пандемия 2020 г. создала более благоприятные условия для России и Китая для продвижения их геополитических интересов посредством дезинформации и других информационных технологий. «Пагубное влияние» этих стран определяется как направленное на «подрыв, давление, коррумпирование» демократических политических процессов в разных странах, прежде всего США и их союзников (например, Великобритании, Японии, Германии и т. д.). Указывается, что действия России и Китая ведут к подрыву общественной жизни, электоральной системы, политического развития и функционирования системы рыночной экономики. Делается акцент на том, что Россия стремится подорвать мощь своих конкурентов/оппонентов, создавая разделительные линии внутри демократических стран и между демократическими странами, используя информационные технологии, незаконное

⁴*Pifer St.* Crimea: Six Years after Illegal Annexation [Электронный ресурс] // Brookings. 2020. March 17. URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/03/17/crimea-six-years-after-illegal-annexation/> (дата обращения 17 апр. 2020).

финансирование и коррупционные схемы. В докладе не приведены какие-либо конкретные примеры таких действий России, которые позволили бы предметно говорить как о самой политике, так и о ее результатах⁵, звучат призывы сдерживать Россию, блокировать любые ее действия. Такие предложения звучат в выступлениях как американцев, так и представителей стран Восточной Европы, Балтии, Грузии и Молдовы. Любые действия России на любых направлениях характеризуются как агрессивные, хотя российская политика направлена на достижение целей, призванных удовлетворить политические и экономические интересы и потребности страны, интересы обеспечения безопасности.

Американские либералы упорно не хотят признать, что мировое развитие имеет жестко конкурентный характер, масштабы и формат которого после окончания биполярного порядка были определены как субъективным фактором – политикой Соединенных Штатов, так и объективными факторами – увеличением числа ведущих мировых держав и усложнением международной среды в целом, что было обусловлено изменением роли стран среднего уровня [Богатуров 2017; Mearsheimer 2018]. Все участники международных отношений стремятся изменить расстановку сил, распределение влияния. Ни один из них не останавливается в стремлении получить как можно больше в процессе становления мирового порядка. Наступательное (часто агрессивное) поведение в отстаивании своих интересов демонстрируют как крупные державы (США, Турция, Китай, Япония), так и так называемые малые и средние страны (например, Польша, страны Балтии и др.). Развивается тренд по переконфигурации мира, в котором Россия также старается не утратить влияния и возможностей развития [Мегатренды 2014, с. 73–88].

Российское государство на протяжении всей истории боролось за выход к морям и обеспечение своей морской мощи. Черное море занимало особое место в истории России. Черноморская стратегия РФ была очень негативно оценена в США (не говоря о странах Европы). В специальном докладе «Южная стратегия России» было сказано, что Россия рассматривает Каспийско-Черноморский макрорегион как жизненно важный, открывающий путь и возможности в Южной Европе, на Ближнем Востоке и в Северной Африке. По оценке автора доклада политолога Н. Гвоздева, эта стратегия

⁵Conley H., Newlin C., and Kostelancik T. Countering Russian & Chinese Influence Activities [Электронный ресурс] // CCIS. 2020. July 15. URL: <https://www.csis.org/analysis/countering-russian-chinese-influence-activities> (дата обращения 8 авг. 2020).

препятствовала политике НАТО в этом регионе, защищала южный фланг России, позволяла ей поддерживать существовавших и будущих стран-клиентов в регионе. Кроме того, открывала новые возможности для бизнеса, инвестиций и торговли, что позволило России смягчить последствия санкций. Верная оценка того, чему США должны противостоять.

Отмечается, что Южная стратегия России преследовала как глобальные геополитические, так и внутривосточные и экономические цели. Как и Арктическая стратегия, она позволяла РФ остаться региональным гегемоном, одной из великих держав, которая могла бы выполнять те же задачи в сфере безопасности, что и НАТО, продвигавшая мир и безопасность. И хотя Россия, как заявил Н. Гвоздев, не может конкурировать с США и КНР на глобальном уровне, две макрорегиональные стратегии позволяют ей сохранить высокий статус в мировой политике, в том числе стать своего рода «мостом» между Китаем и Европой, а также укрепить связи со странами Персидского залива и Индийского океана⁶. Это действительно так, но это мешает и не нравится США и Европе, не позволяет им и дальше продвигать концепцию либерального мирового порядка.

В Южной стратегии РФ особое место занимает проблема Крыма. Воссоединение Крыма с Россией стало главным оправданием в закреплении и масштабной активизации политики новой холодной войны. Именно в Стратегии национальной безопасности США 2015 г. Россия была классифицирована как страновая «угроза № 1»⁷. Две другие – Эбола и терроризм – менее конкретны и имеют совсем другую природу: с ними гонкой ядерного оружия и ростом центров НАТО по информационно-пропагандистской войне с конкретной страной не борются.

Отдельные политологи предлагали, не исключая тему Крыма из перечня вопросов, которые следует прорабатывать, не ставить решение всех остальных вопросов в отношении двух держав в зависимость от крымской проблемы. И действительно, тема Крыма не выносилась постоянно на первый план, хотя все «мозговые центры» Вашингтона в ходе всех семинаров и конференций, где так или иначе обсуждалась Россия, тезис о возврате Крыма под-

⁶*Gvosdev N.K.* Russia's Southern Strategy [Электронный ресурс] // FPRI. 2019. November 12. URL: <https://www.fpri.org/article/2019/11/russias-southern-strategy/> (дата обращения 30 июля 2020).

⁷National Security Strategy of the United States of America (2015) [Электронный ресурс]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf (дата обращения 30 июля 2020).

нимали. Так, политолог С. Пайфер пишет, что жесткие действия США «важны для Украины и европейской системы безопасности и для того, чтобы у России впредь не возникло желания захватить чужие земли в будущем»⁸.

Главным посылом в аналитических материалах американских экспертов является мысль о том, что макрорегион Черного моря должен стать таким же жизненно важным объектом более активной политики США, каким он является для России, с тем чтобы не позволить ей реализовать амбициозные планы. Аналогичная рекомендация давалась и в отношении Арктического региона, где уже с середины 2000-х гг. США и другие державы вели наступление на позиции РФ и пытались вытеснить или сократить ее возможности в этом макрорегионе. В 2010-е гг. в конкурентную борьбу в Арктике включились Китай, Япония, Индия, Республика Корея, а США и их союзники в Северной Европе лишь усиливали давление, в том числе используя базы НАТО [Ситуационные анализы. Выпуск 5, 2017, с. 295–318; Россия и США в XXI веке 2020, с. 140–167].

Как отмечалось выше, внешнеполитический курс США еще до прихода к власти Д. Трампа имел милитаризованный, или воинственный, характер, никто в администрациях и экспертном сообществе не задавался вопросом о легитимности использования военной силы против суверенных стран и об ответственности за это. Право США на военные действия в любом уголке мира считалось неотъемлемой частью «американской общемировой миссии», и никакой платы за нанесенный ущерб не предусматривалось, так как даже военные действия США считались «благожелательными», «судьбоносными», «справедливыми». Отработка идеи относительно возможности использования ОМП малой мощности в локальных конфликтах и «малых войнах» также началась до администрации Трампа, однако в годы его администрации теоретическая и техническая отработка различных подобных сценариев получила новый импульс и масштаб.

Именно военные возможности США и НАТО оказались в фокусе разработок для формирования политики в отношении России, для ее сдерживания на постсоветском пространстве. Использовался проверенный тезис о технологическом отставании. Отмечалось, что НАТО уступает России в обычных видах вооружений, поэтому в случае проведения РФ военной операции по вторжению и захвату стран Балтии российские вооруженные силы в считанные дни могут захватить столицы этих стран, поставив НАТО перед свершившимся фактом. Исходя из этого, предлагается разработать стратегию

⁸*Pifer St.* Op. cit.

сдерживания, которая предусматривает возможность использования ядерного оружия (ЯО) для сдерживания России на балтийском направлении. В более широком плане предлагались следующие действия: 1) усовершенствовать оборонные возможности стран Балтии с помощью обычных видов вооружений (ОВВ); 2) усовершенствовать боевые возможности НАТО в применении ЯО, используя имеющиеся и создавая новые платформы для запуска оружия дальнего и малого радиуса действия; 3) усовершенствовать планирование, доктринальное обеспечение и проведение учений по отработке готовности к использованию ЯО; 4) улучшить военную инфраструктуру НАТО, в том числе расширяя военные базы; 5) улучшить возможности горизонтальной эскалации на другие театры действий, где Россия имеет худшие возможности действий⁹.

Планы ведения военных операций разного масштаба и разного рода войн прорабатывались в недрах «мозговых центров» и в XX в. Многие разработки оставались конфиденциальными, как и сейчас, но те предложения экспертов, которые появляются в открытой печати, на сайтах центров, по всей видимости, выполняют роль фактора сдерживания потенциального противника, убеждения союзников в необходимости усилить оборонительные действия и имеют большое значение для укрепления образа «России-врага», против которого НАТО ведет активную борьбу и готова пойти на крайние меры. Такие публикации придают силу странам-союзницам США из Восточной Европы в ведении информационно-пропагандистской войны против России, их действия представляются им безнаказанными и закономерными, раз за их спиной стоят США.

По признанию американских политиков и политологов, политика РФ после 2000 г. сузила рамки для маневра НАТО в отношении ряда постсоветских стран. Они объясняли действия России стремлением воссоздать Советский Союз, хотя Евразийский проект России имел целью сформировать региональную подсистему, важной частью которой станет интеграционное объединение Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и другие усиленные в 2000-е гг. институты, такие как Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) [Россия и США в XXI веке 2020, с. 199–255]. Одновременно России пришлось столкнуться с результатами действий США в

⁹*Davis P., Gilmore M., Frelinger D., Geist Ed., Gilmore Ch., Oberholtzer J., Tarraf D.* Exploring the Role Nuclear Weapons Could Play in Detering Russian Threats to the Baltic States [Электронный ресурс] // RAND. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2781.html (дата обращения 12 апр. 2020).

разных странах постсоветского ареала – «цветными революциями», межэтническими конфликтами, стремлением отдельных народов и территорий к независимости. Соединенные Штаты занимают доминирующую позицию в этом вопросе: они поддерживали распад Югославии на отдельные небольшие страны, зависимые от Европы и США, как результат стремления отдельных субъектов к независимости, в постсоветских странах они называли сепаратизмом все устремления к автономии или отделению (за исключением Чечни). Сепаратизм заслуживал, по их определению, наказания и сдерживания (Абхазия и Южная Осетия, Приднестровская Молдавская Республика, Республика Крым, Донецкая и Луганская Народные Республики). Любые попытки участия отдельных постсоветских стран в российских структурных и интеграционных проектах определяются только как действия, совершаемые «под давлением» со стороны России-гегемона. При этом о политизации практически всех структурных проектов ЕС и США не говорится, хотя это имеет место [Введение в прикладной анализ 2017, с. 198–232].

Аналитики «РЭНД корпорейшн» стремятся в очередной раз «затуманить» реальное положение дел в постсоветских странах. Они предлагают концепцию «промежуточных стран» (in-between-states). В прошлом по старой терминологии это буферные страны, в которых сталкиваются интересы ЕС, США и России. К таким странам относят Украину, Белоруссию, Молдавию, Грузию, Азербайджан, Армению. Главная идея концепции «промежуточных стран» почти такая же, как в концепции «перезагрузки»: не отказываясь от цели их вовлечения в орбиту НАТО и ЕС, начать переговоры по всему спектру проблем экономики, безопасности, идеологии с Россией. Один из участников разработки этой концепции – С. Шарап, в 2000-е гг. работавший в продемократическом прогрессистском Центре за национальный прогресс, который научно обеспечивал предвыборную кампанию Б. Обамы и затем деятельность администрации. О результатах использования такого формата переговоров можно судить по деятельности Минской группы по урегулированию украинской ситуации: она ни к чему не привела, так как ни ЕС, ни США не отказываются от идеи и цели вытеснения России, что позволит им по-своему работать на территории Украины. *Иными словами, сохраняется тактика двух треков: с одной стороны, декларативного официального, направленного на диалог и поиск удобного для всех сторон выхода из ситуации, а с другой – неофициального, предусматривающего постепенное лишение России тех преимуществ в указанных странах, которых у США и ЕС нет.*

Американские политологи признали, что в обозримой перспективе осуществить расширение НАТО и ЕС за счет указанных пост-

советских стран не представляется возможным, а значит, нужно изменить тактику и все-таки не позволить им найти альтернативные пути своего развития, т. е. глубже войти в евразийские институты. К 2020 г. переиграть Россию в так называемых промежуточных странах ни ЕС, ни США не удалось, поэтому вбрасывается не совсем четкая терминология, возвращается категория региональных порядков, так как, пока усилия США и их союзников по формированию либерального мирового порядка не увенчались успехом, действовать на отдельных направлениях легче¹⁰. США и ЕС вложили много средств и усилий в политическое и экономическое реформирование «промежуточных стран», не заботясь серьезно об их стабильности и урегулировании существовавших проблем¹¹.

Эксперты РЭНД предлагают формат бесконечных переговоров, которые будут вносить сложность в реализацию Евразийского структурного проекта. Это не означает, что нужно отказываться от диалога с США и ЕС, но вести его следует на своих условиях и на основе хорошо продуманных российских рекомендаций. «Перезагрузка», по оценкам американских политологов, закончилась, не начавшись. Это произошло потому, что ее реальной целью было не возведение двусторонних отношений на отличный от предшествующего формата уровень, не качественное изменение взаимодействия, не уважение интересов России, а стремление под прикрытием диалога осуществлять политику воздействия на российское общество. Имелось в виду то самое вмешательство во внутренние дела страны, против чего так рьяно выступали в Вашингтоне представители всех ветвей власти, СМИ и «мозговые центры» начиная с 2016 г., когда речь зашла о США.

Странам постсоветской Восточной Европы не нужен никакой отдельный региональный порядок. Они будут так или иначе существовать с ориентацией и разной степенью вовлеченности в два проекта – Европейский и Евразийский, к которым может еще прибавиться китайский проект. А порядок в сильно глобализованном мире формируется сложно под влиянием трех центров – США,

¹⁰ A Consensus Proposal for a Revised Regional Order in Post-Soviet Europe and Eurasia / Ed. by Sharap S., Drennan J., Chalyi., Krumm R., Nikitina Y., and Sasse G. [Электронный ресурс] // RAND. URL: https://www.rand.org/pubs/conf_proceedings/CF410.html (дата обращения 12 апр. 2020).

¹¹ Автор придерживается концепции региональных подсистем (а не региональных порядков) как структурных самостоятельных единиц в формировании мирового порядка, определяющих ситуацию больших пространств. Об определении региональной подсистемы см.: [Мегатренды 2014, с. 73–88].

Китая, России, так как ЕС не стал идеальной моделью интеграции для всего мира, более того, испытывает трудности из-за того, что его разрывает между американским трансатлантическим проектом и собственным европейским проектом, а, как известно, на двух стульях сидеть трудно [Системная история международных отношений 2019, с. 291–327].

Хотя отдельные аналитики видят в Евросоюзе третий центр глобального управления, большинство американских политологов и политиков все-таки хотели бы сохранения ЕС как реализатора трансатлантических интересов и планов, формулируемых в Вашингтоне. Отмечается, что Европа довольно успешно играет против Москвы в рамках трансатлантической стратегии сдерживания России, однако в решении других важных проблем (например, подъем Китая, конфликт в Сирии и др.) ЕС не может сформулировать внятной позиции и практически ничего не делает, что снижает роль Европы в стратегии США и вынуждает Вашингтон принимать отдельные меры по перегруппировке своего взаимодействия (использование стран Восточной Европы и Балтии)¹².

Важной сферой взаимодействия России и США был контроль над вооружениями, прежде всего ядерными. В XXI в. проблема распространения и контроля над ЯО приобрела особое значение из-за изменения политики США в сфере безопасности, нежелания новых ядерных стран действовать в рамках существующей системы контроля – Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). Устремления к разрушению действовавшей в годы биполярного порядка системы контроля демонстрировали все американские администрации, хотя именно республиканцы предприняли конкретные шаги: при администрации Дж. Буша-мл. США вышли из Договора об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) в 2002 г., администрация Д. Трампа объявила о выходе из Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ) в 2016 г., судьба Договора о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ) осталась под вопросом. Американские политики неоднократно заявляли о том, что договоры XX в. устарели, необходимо их пересмотреть, включив в договорный процесс КНР. При этом США не говорят о том, что они вывели из международного договорного процесса Индию, связав ее двусторонним договором, не упоминают об обязатель-

¹²*De Weck J.* Europe as a Neutral Giant? [Электронный ресурс] // RAND. 2020. June 15. URL: <https://www.fpri.org/article/2020/06/europe-as-a-neutral-giant/> (дата обращения 30 июля 2020).

ствах Пакистана и Израиля, которые также не участвуют в режиме контроля ЯО. Вместо того чтобы вместе с ведущими ядерными державами усилить режим контроля, США пошли по пути полного разрушения институциональной базы сферы обеспечения международной безопасности, что вряд ли будет способствовать стабилизации мирового развития.

Когда речь заходит о характеристике отношений российского и американского государств, то часто встает вопрос о том, чем закончилась холодная война XX в. В обеих странах часть политиков и политологов полагают, что она завершилась победой США – Запада, другие считают, что простого ответа на этот вопрос не существует и о поражении СССР говорить не следует. Интересно, что новое поколение американских экспертов предпочитает рассматривать развивающиеся и будущие отношения США и РФ без апеллирования к категории «победы или поражения». Они предлагают описывать современное состояние международных отношений как «сочетание соревнования, конкуренции и кооперации». По их мнению, принимая во внимание характер политической власти в РФ и КНР, вряд ли стоит рассчитывать на скорую победу, похожую на окончание холодной войны XX в. Предлагается действовать в «управляющем формате», т. е. просчитывать и управлять развитием событий в мире, регионах и странах. Указывается, что стратегия США в отношении России и Китая должна быть долгосрочной и создать такие внешние условия, которые способствовали бы развитию внутривнутриполитических ситуаций в этих странах в нужном направлении, т. е. вели бы к политическому ослаблению стран и сужению возможностей для их маневра и развития¹³. Сходную мысль высказывает А. Стент, которая является одним из ведущих специалистов по России. Она полагает, что необходимо уделить особое внимание взаимоотношениям Китая и России, эксплуатировать существующие между ними противоречия, не допустить дальнейшего сближения: «Хотя США не могут полностью развести две державы, американская политика не должна способствовать дальнейшему сближению КНР и РФ и развитию партнерских отношений»¹⁴.

¹³ *Mazarr M., Blake J., Casey A., McDonald T., Pezard S., Spirtas M.* Understanding the Emerging Era of International Competition Theoretical and Historical Perspectives [Электронный ресурс] // RAND. 2018. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2726.html (дата обращения 12 апр. 2020).

¹⁴ *Stent A.* Russia and China: Axis of Revisionists? [Электронный ресурс] // Brookings. 2020. February. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2020/02/FP_202002_russia_china_stent.pdf (дата обращения 17 апр. 2020). См. также [Stent 2019].

В конце правления администрации Д. Трампа российско-американские отношения сохраняли стабильно конфронтационный формат, которые отдельные политологи определяли как «новая холодная война» (Р. Легволд); «странная холодная война» (А. Безруков и А. Сушенцов); холодная война с маленькой буквы в сравнении с «Холодной войной» XX в. с Советским Союзом, так как Россия не является аналогом СССР и противостояние между державами не так грандиозно по масштабам, как советско-американское (Дж. Миршаймер); «холодная война как исторически сложившаяся парадигма двусторонних отношений» (Т.А. Шаклеина) [Russia and the United States in the Evolving World Order 2018]. Политологи из ведущих американских «мозговых центров», конгрессмены и представители СМИ и академического сообщества в своем большинстве не заботятся о терминологической точности, но холодновоевропейский формат сохраняют, используют сформированные в прошлом стереотипы и технологии, ужесточая контент и полностью отбросив политическую корректность, которая в XX в. все-таки сохранялась [Shakleina 2016].

Литература

- Богатуров 2017 – *Богатуров А.Д.* Международные отношения и внешняя политика России. М.: Аспект Пресс, 2017. 480 с.
- Введение в прикладной анализ 2017 – Введение в прикладной анализ международных ситуаций / Под ред. Т.А. Шаклеиной. 2-е изд. М.: Аспект Пресс, 2017. 256 с.
- Мегатренды 2014 – Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Аспект Пресс, 2014. 448 с.
- Россия и США в XXI веке 2020 – Россия и США в XXI веке: Особенности отношений / Под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: Аспект Пресс, 2020. 349 с.
- Системная история международных отношений 2019 – Системная история международных отношений. Опять разделенный мир. 1980–2018 / Под ред. А.Д. Богатурова. М.: Юрайт, 2019. 362 с.
- Ситуационные анализы. Выпуск 5 2017 – Ситуационные анализы. Вып. 5: Международные институты в современной мировой политике / Под ред. Т.А. Шаклеиной. М.: МГИМО (Университет), 2017. 482 с.
- Шаклеина 2017 – *Шаклеина Т.А.* Россия и США в мировой политике. М.: Аспект Пресс, 2017. 272 с.
- Drezner 2017 – *Drezner D.W.* The Ideas Industry. How Pessimists, Partisans, and Plutocrats are Transforming the Marketplace of Ideas. NY: Oxford University Press, 2017. 360 p.

- Legvold 2016 – *Legvold R.* Return to Cold War. Malden, Mass.: Polity Press, 2016. 187 p.
- Mandelbaum 2010 – *Mandelbaum M.* The Frugal Superpower. America's Global Leadership in a Cash-Strapped Era. NY: PublicAffairs, 2010. 212 p.
- Mearsheimer 2018 – *Mearsheimer J.J.* The Great Delusion. Liberal Dreams and International Realities. New Haven: Yale University Press, 2018. 313 p.
- Russia and the United States in the Evolving World Order 2018 – Russia and the United States in the Evolving World Order / Ed. by A. Torkunov, N. Noonan, T. Shakleina. Moscow: MGIMO University, 2018. 414 p.
- Shakleina 2016 – *Shakleina T.* Cold War as Part of American Global Strategy // International Trends. 2016. Vol. 14. № 1 (January – March). P. 39–46.
- Stent 2019 – *Stent A.E.* Putin's World. Russia Against the West and with the Rest. NY: Hachette Book Group, Inc., 2019. 447 p.

References

- Bogaturov, A. (2017), *Mezhdunarodnye otnosheniya i vneshnyaya politika Rossii* [Contemporary International Relations and Russian Foreign Policy], Aspect Press, Moscow, Russia.
- Bogaturov, A., ed. (2019), *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii. Opyat' razdelenyi mir. 1980–2018* [Systemic History of International Relations. Again a Divided World. 1980–2018], Yurait, Moscow, Russia.
- Drezner, D.W. (2017), *The Ideas Industry. How Pessimists, Partisans, and Plutocrats are Transforming the Marketplace of Ideas*, Oxford University Press, New York, US.
- Legvold, R. (2016), *Return to Cold War*, Polity Press, Malden, Mass., US.
- Mandelbaum, M. (2010), *The Frugal Superpower. America's Global Leadership in a Cash-Strapped Era*, PublicAffairs, N.Y, US.
- Mearsheimer, J.J. (2018), *The Great Delusion. Liberal Dreams and International Realities*, New Haven, Yale University Press, US.
- Shakleina, T., ed. (2017), *Situatsionnye analizy. Vypusk 5: Mezhdunarodnye instituty v sovremennoi mirovoi politike* [Situational Analyses. Issue 5: International Institutions in Contemporary World Politics], MGIMO University Press, Moscow, Russia.
- Shakleina, T., ed. (2017), *Vvedenie v prikladnoi analiz mezhdunarodnykh situatsii* [Introduction to international analysis], Aspekt Press, Moscow, Russia.
- Shakleina, T. (2016), “Cold War as Part of American Global Strategy”, *International Trends*, vol. 14, no. 1 (January – March), pp. 39–46.
- Shakleina, T. (2017), *Rossiya i SShA v mirovoi politike* [Russia and the United States in World Politics], Aspect Press, Moscow, Russia. 336 p.
- Shakleina, T., ed. (2020), *Rossiya i SShA v XXI veke. Osobennosti otnoshenii* [Russia and the United States in the 21st Century. Relations of Discontent], Aspekt Press, Moscow, Russia.

- Shakleina, T. and Baykov, A., eds. (2014), *Megatrendy. Osnovniye traektorii evolutsii mirovogo poriadka v XXI veke* [Megatrends. Global Trajectories of the Evolution of World Order], Aspekt Press, Moscow, Russia.
- Stent, A.E. (2019), *Putin's World. Russia Against the West and with the Rest*, Hachette Book Group, Inc., N.Y, US.
- Torkunov, A., Noonan, N. and Shakleina, T., eds. (2018), *Russia and the United States in the Evolving World Order*, MGIMO University, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Татьяна А. Шаклеина, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, д. 76; shakleina-tania@yandex.ru

Information about the author

Tatiana A. Shakleina, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 76, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119454; shakleina-tania@yandex.ru

Феномен дипломатии больших данных в мировой политике

Наталья А. Цветкова

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, n.tsvetkova@spbu.ru*

Никита М. Кузнецов

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, nmkuznetsov@list.ru*

Аннотация. В 2015 г. американский антрополог Тимоти Дай охарактеризовал анализ «больших данных» (Big Data) как неопенимый ресурс для внешнеполитической деятельности государств. Эта концепция привлекла особое внимание многих западных исследователей. Ее актуальность объясняется тем, что в 2020 г. методы сбора интернет-данных, их обработки и применения для проектов цифровой дипломатии уже успешно используются руководством США, России, Китая, Ирана, Венесуэлы, Бразилии и других стран. Учитывая заинтересованность большинства государств Северной и Южной Америки, Азии и Европы в развитии искусственного интеллекта (ИИ), данная тенденция скоро примет мировой характер. Одни авторы считают подобный этап развития цифровой дипломатии многообещающим рывком в будущее, другие – огромной опасностью для кибербезопасности всего мира. Цель данной статьи – выявление новой технологии развития внешнеполитического влияния под названием (Big) Data Diplomacy («дипломатия данных», реже – «дипломатия больших данных» или «дата-дипломатия») через анализ публикаций авторитетных ученых и экспертов США. Именно американские эксперты заложили основы использования больших данных в мировой политике. Нами рассматриваются взгляды американских исследователей на определение дипломатии данных, ее сущность и структуру, главные функции, методы и основные угрозы, исходящие от ее развития. В заключении авторами сформулированы общие итоги относительно концепции дата-дипломатии и ее влияния на мировую политику.

Ключевые слова: дипломатия данных, дата-дипломатия, анализ больших данных, киберпространство, цифровая дипломатия, публичная дипломатия, внешняя политика США

© Цветкова Н.А., Кузнецов Н.М., 2020

Для цитирования: Цветкова Н.А., Кузнецов Н.М. Феномен дипломатии больших данных в мировой политике // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 27–44. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-27-44

Phenomenon of Big Data Diplomacy in World Politics

Natal'ya A. Tsvetkova
*Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia, n.tsvetkova@spbu.ru*

Nikita M. Kuznetsov
*Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia, nmkuznetsov@list.ru*

Abstract. In 2015, the attention of Western researchers was attracted by the concept introduced by Timothy Dye, the American political scientist, who described Big Data analysis as an invaluable resource for the foreign policy of states. Its relevance is evident as in 2020 the methods of data collection, processing, and usage in the projects of digital diplomacy were successfully implemented by the governing bodies in the United States, Russia, China, Iran, Brazil, and others. Thanks to the interest of the countries in Western Hemisphere, Asia, and Europe in the development of artificial intelligence (AI), this trend is sure to take a global character. Some authors consider this advancement of digital diplomacy to be a promising leap into the future, but others – a huge threat to cybersecurity around the world. The purpose of this article is to study a new technology for the development of foreign policy influence called (Big) Data Diplomacy through the analysis of the publications of authoritative scholars and experts from the United States. The American experts are the first drivers for the introduction of the Big Data Diplomacy to world politics. Therefore, the present paper examines the expert community's views on the Data Diplomacy and reveals the essence, functions, qualitative characteristics, and the main challenges emanating from this new digital instrument in relation to the foreign policy of various countries. In conclusion, we have formulated the general conclusions regarding the vision of the concept of Data Diplomacy and its impact on world politics.

Keywords: data diplomacy, big data analysis, cyberspace, digital diplomacy, public diplomacy, U.S. foreign policy

For citation: Tsvetkova, N.A., Kuznetsov, N.M. (2020), "Phenomenon of Big Data Diplomacy in World Politics", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 27–44, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-27-44

От цифровой дипломатии к дипломатии больших данных

Цифровая дипломатия, правительственный механизм воздействия на зарубежную аудиторию посредством социальных сетей, блогов и иных интернет-ресурсов, зародилась в США примерно в 2009–2010 гг. и именуется экспертами как «цифровое наследие» президента Барака Обамы (2009–2016 гг.) [Tsvetkova, Rushchin, Shiryaev, Yarygin, Tsvetkov 2020]. Российские и зарубежные исследователи отмечают, что Госдепартамент США использует более 2 тыс. официальных аккаунтов в социальных медиа с совокупным числом подписчиков, превышающим 89 млн человек [Петров 2019]. Подобная активность стала мировым трендом. Создание официальных учетных профилей (аккаунтов) в социальных сетях и запуск цифровых каналов вещания международных СМИ является неотъемлемой частью публичной дипломатии всех развитых государств¹.

Успешно реализованные цифровые информационные кампании по продвижению собственной «мягкой силы», критике других стран и правительств, организации протестных настроений и пропаганде вывели цифровую дипломатию США на принципиально новый уровень.

Многие государства, в частности Латинской Америки, последовали за примером США. Так, в 2018–2020 гг. цифровая дипломатия активно использовалась оппозицией и правительством Венесуэлы во время политического кризиса для влияния на общественное мнение. Наш анализ показал, что проправительственные аккаунты и СМИ не отставали по масштабам воздействия на общественное мнение от цифровой дипломатии оппозиции. Цифровая дипломатия обеспечивала поддержку правительства Н. Мадуро и не позволяла растерять политический рейтинг оппозиции в лице Х. Гуайдо [Tsvetkova, Kheifets, Sytnik, Tsvetkov 2019].

Широкое использование цифровой дипломатии стало одним из факторов успеха боливийской оппозиции, сумевшей осенью 2019 г. сместить правительство Э. Моралеса. Еще ранее активное задействование социальных сетей стало одним из факторов победы Ж. Больсонару на президентских выборах в Бразилии в 2018 г.

Руководство Соединенных Штатов задумалось над возможностью прогнозирования эффективности внешнеполитической

¹Digital Diplomacy: Changing the world through communication [Электронный ресурс] // School of Communication News. 2016. Feb. 12. URL: <https://www.american.edu/soc/news/digital-diplomacy-q-a.cfm> (дата обращения 21 сент. 2020).

пропаганды. В качестве источника информации были выбраны аккаунты интернет-пользователей. Таким образом, специалистами Госдепартамента США началось тщательное изучение своей целевой аудитории на основе «аналитики больших данных» – методов обработки непрерывно увеличивающихся объемов информации об интернет-активности пользователей социальных сетей, на которых было направлено (или должно было быть направлено в будущем) американское влияние.

Термин «*дипломатия больших данных*» (*Big Data Diplomacy*) был предложен профессором Рочестерского университета Тимоти Даем в 2015 г. и описывался как развивающийся феномен, «связывающий концепции обработки и анализа данных, технологии и науку о вычислениях с социологией, международными отношениями и дипломатическими переговорами» [Dye 2015]. Популяризация концепции Дая произошла в 2016–2017 гг., когда внимание западных исследователей было приковано к прошедшим президентским выборам в США. Американские государственные деятели, политологи и журналисты заговорили о зарубежном вмешательстве в избирательный процесс США, об активности «интернет-троллей» в социальных сетях и киберпреступлениях России и Китая как новом факторе внутривнутриполитической дестабилизации Соединенных Штатов². Опубликованная в 2017 г. Стратегия национальной безопасности, подготовленная администрацией избранного президента Дональда Трампа, провозгласила начало борьбы с киберпреступностью посредством «серьезных санкций» в отношении иностранных правительств, осуществляющих вредоносную деятельность в американском интернет-сегменте³. Эксперты отмечают, что в стратегии впервые

²Courtney W., Libicki M. How to Counter Putin's Subversive War on the West [Электронный ресурс] // RAND. 2016. Aug. 01. URL: <https://www.rand.org/blog/2016/08/how-to-counter-putins-subversive-war-on-the-west.html> (дата обращения 21 сент. 2020); Walker C., Ludwig J. The Meaning of Sharp Power. How Authoritarian States Project Influence [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. 2017. Nov. 16. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-16/meaning-sharp-power?cid=nlcfa_fatoday-20171221 (дата обращения 21 сент. 2020); Nye J. How Sharp Power Threatens Soft Power [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. 2018. Jan. 24. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power> (дата обращения 21 сент. 2020).

³National Security Strategy [Электронный ресурс] // The White House. 2017. Dec. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения 21 сент. 2020).

упоминается «информационная война» как угроза нормальному функционированию демократических институтов [Стадник, Цветкова 2018].

В 2018–2020 гг. США активизировали проекты цифровой дипломатии, использование которых ранее осуждали⁴. Обработка больших данных и применение искусственного интеллекта для подготовки моментальных эффективных постов и «контрмесседжей», убедительных ответов на комментарии пользователей, поиска источников фейковой информации и «интернет-троллей» являются бесценным оружием информационных войн и «трендами 2020-х гг.» [Цветкова 2020]. Например, началась активизация таргетинговой рекламы в российском сегменте социальных сетей. Федеральное бюро расследований (ФБР) стало публиковать баннеры с призывами помочь руководству США «полезной информацией». Реклама сопровождается популярными для жителей России изображениями, будь то образы советского артиста Владимира Высоцкого, цитаты из произведений Ильи Ильфа и Евгения Петрова или фотографии счастливой традиционной семьи [Кузнецов 2020].

Обработкой получаемых данных от всей интернет-активности целевой аудитории занимаются специалисты Центра глобального взаимодействия (Global Engagement Centre), созданного Госдепартаментом США для борьбы с пропагандой и дезинформацией иностранных государств. Центр аккумулирует данные о масштабах информационной деятельности России, Китая, Ирана и других стратегических противников США, формирует стратегию американской цифровой дипломатии и осуществляет поиск компаний–поставщиков компьютерного софта для формирования проектов по уничтожению пропаганды конкурентов в социальных сетях⁵.

Именно такая активность и вызывает особый научный интерес к мнению американских специалистов о феномене дата-дипломатии, ее потенциале, возможностях и вызовах.

⁴United States Efforts to Counter Russian Disinformation and Malign Influence. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://appropriations.house.gov/events/hearings/united-states-efforts-to-counter-russian-disinformation-and-malign-influence> (дата обращения 21 сент. 2020).

⁵Can Public Diplomacy Survive the Internet? [Электронный ресурс] // The Department of State. ACPD Special Report. 2017. URL: <https://www.state.gov/can-public-diplomacy-survive-the-internet/> (дата обращения 21 сент. 2020).

Инструментарий дата-дипломатии

Еще в 2010 г. Дэниел Зенг и его коллеги из Университета Аризоны заявили об особой роли анализа пользовательской активности в социальных сетях при реализации проектов цифровой дипломатии. Авторы подчеркнули, что социальные сети стали источником общедоступной «полезной информации», которую нужно использовать для достижения внешнеполитических целей [Zeng, Chen, Lusch, Li 2010].

Это утверждение лежит в основе исследования Сесил Чуа и ее коллег из Университета Джорджии и новозеландского Оклендского университета. Авторы отмечают, что для достижения результатов дипломату необходимо понимать свою аудиторию, однако самостоятельное изучение аккаунтов пользователей в социальных сетях не представляется возможным. Именно поэтому *сбор данных социальных сетей (mining social media data)* может считаться не только главным инструментом дипломатии данных, но и основной целью современной дипломатии. В международных отношениях понятие «сбор данных» (*data mining*) может интерпретироваться как процесс обнаружения в большом объеме данных скрытых закономерностей, ранее неизвестных, нетривиальных, практически полезных и доступных знаний, необходимых для принятия решений во внешнеполитической деятельности. В основе исследования авторов находится анализ аккаунта премьер-министра Новой Зеландии Джона Ки в социальной сети Facebook. Авторы делают выгрузку из 499 публикаций политика за трехмесячный период и на основании синтаксического разбора и семантизации кластеров ключевых слов анализируемых текстов проектируют образ «идеального сообщения» для профиля общественного деятеля [Chua, Li, Kaul, Storey 2016].

Благодаря дипломатии данных каждый поставленный пользователем «лайк», оставленный комментарий или сделанная в микро-блоге запись может использоваться зарубежным государством для формирования «идеального сообщения», т. е. необходимой информационной повестки дня.

В 2018 г. Барбара Якобсон и ее коллеги перечислили основные инструменты дипломатии больших данных, среди которых: *анализ хештегов (hashtag tracking)*, *сетевой анализ (network analysis)*, *сентимент-анализ (sentiment analysis)* и *анализ мнений и взглядов (opinion mining)*. Анализ хештегов необходим для выявления наиболее популярных тем посредством количественных измерений. Сетевой анализ применяется для поиска ключевых блогеров и каналов международного вещания, которые создают информаци-

онный дискурс. Сентимент-анализ крайне эффективен для оценки закономерностей в поведении пользователей. Анализ мнений и взглядов заключается в работе с текстами и изучении часто употребляемых слов, терминов и эпитетов, что формирует знание о содержании постов и комментариев. Авторы констатируют, что подобная аналитическая деятельность позволяет выявлять закономерности в международных отношениях, повышает эффективность действующих методов цифровой дипломатии и кардинально меняет «дипломатический ландшафт» мировой политики [Jacobson, Hone, Kurbalija 2018].

Data diplomacy: данные для дипломатии или дипломатия ради данных?

В 2019 г. политолог Энди Бойд, автор термина «дипломатия данных» Тимоти Дай и их коллеги из Сиракузского и Рочестерского университетов опубликовали исследование в журнале “Diplomacy and Science”, где задумались о структуре дата-дипломатии и задались вопросом: что стало важнее, дипломатия и получаемые с ее помощью данные или сами данные, результаты анализа которых получают благодаря дипломатии? Свое исследование авторы начинают с рассмотрения концепции «научной дипломатии», состоящей из трех компонентов:

- *наука в дипломатии* (эксперты участвуют в дипломатическом процессе, стремясь помочь выявить и решить актуальные проблемы мировой политики);
- *наука для дипломатии* (научное взаимодействие служит инструментом для установления и развития отношений между странами);
- *дипломатия ради науки* (взаимодействие дипломатов для реализации совместных научных проектов).

Авторы задаются вопросом: возможно ли структуру научной дипломатии применить к концепции дипломатии больших данных? Чтобы получить искомые категории, продолжают исследователи, необходимо заменить «науку» на «данные». В результате авторы описывают следующие компоненты:

- *данные в дипломатии* (получаемые сведения способствуют развитию межгосударственных отношений на уровне традиционной дипломатии);
- *данные для дипломатии* (эксперты по данным из разных стран взаимодействуют друг с другом для создания площадок по взаимоотношению между государствами);

– *дипломатия ради данных* (стейкхолдеры работают ради получения, продвижения и использования на практике результатов анализа больших данных).

Понятие «*дипломатия ради данных*» стало совершенно новым взглядом на саму сущность внешней политики. Ведь теперь важен не результат дипломатического процесса, а анализ этого результата, который позволит прогнозировать дальнейшие внешнеполитические действия. Дипломатия данных, считают авторы, является «коллаборацией источников, государственных интересов и общества». При этом, полагают исследователи, данная концепция будет кардинально отличаться от методов традиционной дипломатии, «закрытой» от посторонних. Ведь анализом государственной активности в социальных сетях смогут заниматься все заинтересованные в этом вопросе акторы, а не только профессиональные дипломаты [Boyd, Gatewood, Thorson, Dye 2019].

Функции дата-дипломатии: от регулирования консульских вопросов до манипулирования избирательными процессами

Несмотря на то что основной акцент в исследованиях американских экспертов делается на применении анализа данных в качестве инструмента повышения эффективности проектов публичной дипломатии, отмечаются и другие направления для реализации data diplomacy.

Кэтрин Ашбрук, руководитель проекта «Будущее для дипломатии» Школы управления им. Дж.Ф. Кеннеди Гарвардского университета, в своей статье для издания “International Politics and Society” отмечает, что агрегирование данных скоро станет незаменимым аспектом внешнеполитической деятельности большинства стран. Автор приводит в пример использование «чат-ботов», имитирующих реальный разговор с пользователем программ, способных обрабатывать поступающие запросы в круглосуточном режиме. Такие программы уже успешно интегрированы в *консульскую службу* МИД Канады. Боты успешно выполняют часть «утомительных» функций: обеспечивают процессы регистрации для мигрантов или оказывают помощь по сбору документов для беженцев⁶.

⁶Ashbrock C. From Digital Diplomacy to Data Diplomacy [Электронный ресурс] // International Politics and Society. 2020. Jan. 14. URL: <https://www.ips-journal.eu/regions/global/article/show/from-digital-diplomacy-to-data-diplomacy-3993/> (дата обращения 21 сент. 2020).

Для основы традиционной дипломатии, *переговоров*, возможность задействовать аналитику больших данных может служить для устранения предвзятости во время обсуждения двусторонних и многосторонних проблем. Агрегирование данных о возможных последствиях переговоров и объединение данных для большего сбора объективной и фактологической информации, по мнению экспертов, способствуют принятию эффективных и объективных решений⁷.

Николас Аркос и его коллеги из Национального центра экологической информации США говорят о важности дата-дипломатии для *гуманитарных миссий* и *международного экологического сотрудничества*. Данные, которыми владеет одна заинтересованная сторона, могут иметь жизненно важное значение для другой, считают авторы. Они берут за основу своего исследования катастрофу 1960 г., когда обширное цунами в Тихом океане унесло жизни более 2 тыс. человек и подтолкнуло представителей 12 стран (в том числе США и СССР) к началу разработки совместной международной системы предупреждения о цунами. Результатом такого сотрудничества стало создание локальных, региональных и глобальных баз данных. Американские ученые из Национального объединения океанических и атмосферных исследований и исследователи из Академии наук СССР совместными усилиями создали каталоги цунами, являющиеся актуальными для мировой общественности и сегодня. Поэтому, констатируют авторы, дипломатия данных может помочь мировому сообществу решить множество насущных проблем⁸. Следует добавить, что такими проблемами могут быть не только климатические катастрофы. Например, обмен результатами больших данных социальных сетей между спецслужбами России и США мог бы способствовать разоблачению лидеров террористических организаций, активно вербующих сторонников по всему миру именно посредством интернет-ресурсов.

Несмотря на это, анализ социальных сетей в первую очередь «работает на политические интересы» государств, считает генеральный директор консалтинговой компании HSE Роберт ван

⁷Ashbrock C. From Digital Diplomacy to Data Diplomacy [Электронный ресурс] // International Politics and Society. 2020. Jan. 14. URL: <https://www.ips-journal.eu/regions/global/article/show/from-digital-diplomacy-to-data-diplomacy-3993/> (дата обращения 21 сент. 2020).

⁸Arcos N., Dunbar P., Gusiakov V., Kong L., Aliaga B., Yamamoto M., Stroker K. Tsunami Data and Scientific Data Diplomacy [Электронный ресурс] // American Geophysical Union Fall Meeting. 2016. URL: <https://agu.confex.com/agu/fm16/meetingapp.cgi/Paper/139342> (дата обращения 21 сент. 2020).

Лун. Он подчеркивает роль анализа больших данных во *влиянии на избирательные процессы* и рассматривает прошедшие в 2016 г. президентские выборы в США. Стоит отметить, что здесь речь пойдет о возможностях использования больших данных во внутриполитических процессах, а не во внешнеполитической активности. Однако выводы исследователя наглядно демонстрируют те возможности, которые США используют и в своих внешнеполитических проектах. Так, автор отмечает, что в июне 2016 г. кандидат от Республиканской партии Дональд Трамп, понимающий всю силу и эффективность социальных сетей и иных интернет-ресурсов, нанял специалистов по данным из аналитического центра “Cambridge Analytica” для выявления интересов своего электората. Анализ всего 69 профилей среди подписчиков Д. Трампа в социальной сети “Twitter” помог специалистам составить психологический портрет типичного избирателя-республиканца (пол, ориентация, национальность, политические предпочтения, проблемы и взгляды). Используя полученную информацию, избирательный штаб Д. Трампа разослал более 180 тыс. персональных электронных сообщений его избирателям, где затрагивались наиболее острые темы, выявленные аналитиками. Сделано это было в день финальных предвыборных дебатов между кандидатом от Демократической партии Х. Клинтон и Д. Трампом. После этого в своих выступлениях Д. Трамп начал делать особый акцент на выявленных у избирателей проблемах. Результатом этого, считает автор, стало существенное увеличение голосов, которые Трамп получил от сельских жителей. «Проще говоря, аналитика помогла Трампу победить», – констатирует Р. Ван Лун⁹.

Дипломатия данных как фактор внешнеполитических угроз США

Развитие дата-дипломатии и методов анализа больших данных в «авторитарных державах» является угрозой кибербезопасности не только США, но и всего демократического сообщества, отмечает Кэтрин Ашбрук. По состоянию на 2020 г. абсолютное большинство стран еще не оснащено диагностическим потенциалом для выявления больших данных, а также не способно

⁹Loon R. van. How Does Big Data Change Diplomacy? [Электронный ресурс] // The State of Digital Diplomacy. 2016. URL: <https://www.sodd16.com/how-does-big-data-change-diplomacy-ronald-van-loon/> (дата обращения 21 сент. 2020).

контролировать конфиденциальность собственной информации, считает автор¹⁰.

Так, угрозу национальной безопасности США в условиях цифровизации дипломатии авторы видят в действиях России. Они обвиняют руководство РФ в организации кибератак, а также в «наступлении армии троллей» на американских пользователей в социальных сетях, что характеризуется «новым лицом международной мощи Москвы»¹¹. Солидарность с таким мнением высказывают Уильям Кортни и Мартин Либики в своей статье для аналитического издания RAND. Авторы подчеркивают, что руководство США вынуждено признать «искусность работы российских спецслужб в киберпространстве», и обвиняют российское руководство в совершении серии кибератак на информационную систему Национального комитета Демократической партии США в 2016 г.¹² Политологи Чад Серина и Колин Кларк в своей статье для издания “Defence One” отмечают, что военные расходы руководства США побуждают «ИГИЛ¹³, Аль-Каиду, Россию, Китай и, возможно, Иран» заниматься подрывной деятельностью в киберпространстве, используя информацию об интернет-пользователях из социальных сетей¹⁴. А в 2019 г. «информационное сдерживание» России было главной повесткой дня на специальных слушаниях в Конгрессе США¹⁵.

Цифровая политика Китая вызывает особую обеспокоенность американских экспертов. В 2017 г. руководство КНР инвестировало 150 млрд долл. в разработку искусственного интеллекта. Крупнейшим «сравнительным игроком» являются США, где общий объем инвестиций в ИИ достигает всего 4,9 млрд долл. Китай

¹⁰ *Ashbrock C.* Op. cit.

¹¹ *Ibid.*

¹² *Courtney W., Libicki M.* How to Counter Putin's Subversive War on the West [Электронный ресурс] // RAND. 2016. Aug. 01. URL: <https://www.rand.org/blog/2016/08/how-to-counter-putins-subversive-war-on-the-west.html> (дата обращения 21 сент. 2020).

¹³ Запрещена в Российской Федерации.

¹⁴ *Serena Ch.C., Clarke C.P.* America's Cyber Security Dilemma – and a Way Out [Электронный ресурс] // Defence One. 2016. Dec. 22. URL: <https://www.defenseone.com/ideas/2016/12/americas-cyber-security-dilemma-and-way-out/134105/> (дата обращения 21 сент. 2020).

¹⁵ *United States Efforts to Counter Russian Disinformation and Malign Influence.* 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://appropriations.house.gov/events/hearings/united-states-efforts-to-counter-russian-disinformation-and-malign-influence> (дата обращения 21 сент. 2020).

активно задействует дипломатию больших данных для сбора и анализа информации об интернет-пользователях государств Азии и Африки. Такую деятельность экспертное сообщество США называет «цифровым колониализмом», делающим Китай лидером по информированности о потребностях зарубежной аудитории¹⁶. В своей статье для “Foreign Affairs” Элиза Каниа также говорит о Китае как новом «мировом центре искусственного интеллекта». Основная опасность, считает исследователь, кроется в открытом желании руководства страны задействовать результаты data mining не в проектах публичной дипломатии, а в военной сфере. Результаты обработки больших данных китайских противников (в том числе США) помогают КНР выйти на новый уровень своего военного развития¹⁷.

Однако в 2020 г. Соединенные Штаты и их союзники все еще могут сохранить свою способность противостоять китайским возможностям в области ИИ, пишет доцент Джорджтаунского университета Бен Бунчанан в журнале “Foreign Affairs”. «При всей своей, казалось бы, геополитической сложности» конкуренция в области ИИ сводится к успехам в простой технической триаде: данные, алгоритмы и вычислительная мощность. И если по первым двум пунктам у Китая нет равных из-за сбора огромных объемов данных благодаря «тотальной правительственной бюрократии», то в вопросе вычислительной мощи Китай не конкурент США. Американские компании доминируют на рынке программного обеспечения и компьютерных технологий, констатирует автор¹⁸.

Вызовы развитию дата-дипломатии

С 2016 г. американские эксперты начали анализировать препятствия, с которыми сталкивается руководство Соединенных Штатов в вопросе реализации дипломатии больших данных. Например, они отмечают, что у большинства дипломатов отсут-

¹⁶ *Ashbrock C.* Op. cit.

¹⁷ *Kania E.* Artificial Intelligence and Chinese Power [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. 2017. Dec. 05. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-12-05/artificial-intelligence-and-chinese-power> (дата обращения 21 сент. 2020).

¹⁸ *Bunchanan B.* The U.S. Has AI Competition All Wrong [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. 2020. Aug. 07. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-08-07/us-has-ai-competition-all-wrong> (дата обращения 21 сент. 2020).

ствуует *практический опыт* использования инструментов больших данных и сейчас аналитика такого уровня является прерогативой экспертов в области политического маркетинга и дата-специалистов. Поэтому необходимо *профессиональное обучение* студентов социальных и гуманитарных направлений (будущих сотрудников Госдепартамента США и американских международных СМИ) в области анализа больших данных и компьютерного программирования¹⁹. Учитывая новизну концепции, отмечают исследователи, дипломатам не хватает навыков и опыта для эффективного «взаимодействия» с данными [Boyd, Gatewood, Thorson, Dye 2019]. Эльза Каниа призывает руководство США позаботиться не только о профессиональном образовании в области дата-дипломатии, но и о привлечении лучших мировых талантов в области ИИ для работы в Соединенных Штатах²⁰.

Стоит отметить, что к 2020 г. большинство университетов США прислушалось к мнению специалистов и начало предлагать курсы по науке о данных (data science) студентам многих гуманитарных направлений. Например, уже более 25 высших учебных заведений ввели курсы по «журналистике данных» (data journalism). Будущих американских дипломатов обучают критическому осмыслению большого объема информации, прививают навыки работы по очистке и обработке данных, учат работать с электронными сетями и программами по аналитике социальных сетей [Неренц 2020]. Дэн Нгуен, автор курса «Связи с общественностью и журналистика данных» Стэнфордского университета, отмечает, что основная цель курса заключается в «понимании данных как источника осознания принципа работы власти и, при необходимости, как средства для высказывания критики относительно решений, основанных на данных, в государственных делах»²¹. Можно сделать вывод, что следующее поколение американских дипломатов будет готово к полноценной работе в сфере дипломатии больших данных.

Однако проблема с образованием не является единственной. Особую роль играет *необходимость популяризации аналитики больших данных в социальных науках и международной сфере*, счи-

¹⁹ Loon R. van. Op. cit.

²⁰ Kania E. Artificial Intelligence and Chinese Power [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. 2017. Dec. 05. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-12-05/artificial-intelligence-and-chinese-power> (дата обращения 21 сент. 2020).

²¹ CAR and Data Syllabi [Электронный ресурс] // Investigative Journalism Education Consortium. URL: <https://ijec.org/car-and-data-syllabi/> (дата обращения 21 сент. 2020).

тает Роберт ван Лун. Он говорит о необходимости организации научно-популярных конкурсов, целью которых станет выявление новых методов сбора и анализа цифровых Big Data. Ведь выводы молодых ученых могут помочь профессиональным дипломатам из Государственного департамента США осуществлять их деятельность еще эффективнее, констатирует автор²².

Заключение

Американские эксперты имеют общую позицию относительно определения дипломатии данных. Data diplomacy – это новый этап развития цифровой дипломатии, комплекс инструментов, содержащий в себе элементы науки о данных, социальных наук и международных отношений и предлагающий государствам новые возможности для достижения результатов в вопросах внутренней и внешней политики, дипломатической и консульской службы, кибербезопасности и технологическом прогрессе благодаря результатам анализа больших данных социальных сетей и других интернет-ресурсов. Дипломатия данных способна как объединять государства для решения общих гуманитарных проблем, так и разобщать путем дискредитации и подрывной деятельности в сети Интернет.

Основным методом дипломатии данных, по мнению экспертов, является сбор и анализ «больших» и «малых» данных социальных сетей, блогов и иных Web-ресурсов. Основными функциями дипломатии данных являются:

- 1) повышение эффективности проектов цифровой дипломатии (благодаря анализу больших данных социальных сетей руководство США может определять психологический портрет своей целевой аудитории, узнавать о ее потребностях и проблемах, создавать «идеальные сообщения» для вовлечения зарубежных пользователей в свою повестку дня);
- 2) использование данных для информационного противостояния в сети Интернет;
- 3) гуманитарное сотрудничество (обмен результатами анализа больших данных между государствами должен помочь странам взаимодействовать в сферах экологической безопасности, борьбы с терроризмом и т. д.);
- 4) упрощение дипломатической и консульской службы (результаты анализа больших данных и использование программ

²²Loon R. van. Op. cit.

по их считыванию (чат-ботов) способствуют автоматической обработке поступающих в дипломатические представительства запросов, содействуют переговорному процессу и процедуре принятия внешнеполитических решений).

Единую позицию занимают американские эксперты и в отношении внешнеполитических угроз для кибербезопасности США из-за развития дата-дипломатии и использования сбора и анализа больших данных социальных сетей. Среди них могут быть выделены:

- 1) становление Китая в качестве мирового лидера в области ИИ, что способствует созданию новых технологий для развития его военного потенциала;
- 2) информационные атаки со стороны России, Китая, Ирана и террористических группировок (активность «троллей», хакеров и иная «подрывная деятельность», направленная на разрушение стабильности американского общества);
- 3) отсутствие международных законов о легитимности информационных операций и правил поведения в киберпространстве.

Среди проблем, связанных с развитием ИИ и дипломатии данных, американскими экспертами были выделены:

- 1) неумение дипломатов работать с большими данными;
- 2) необходимость профессионального обучения студентов-гуманитариев (будущих американских дипломатов) основам работы с аналитикой больших данных;
- 3) незаинтересованность молодых специалистов в анализе внешнеполитической активности США.

Таким образом, несмотря на констатацию серьезных проблем в сфере кибербезопасности, американское экспертное сообщество позитивно оценивает развитие такого направления, как дипломатия больших данных, и подчеркивает ее несомненную пользу для развития как внешней политики США, так и всей системы международных отношений.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ № 19-014-00042

Acknowledgements

The research is carried out in the framework of research project RFBR no. 19-014-00042

Литература

- Кузнецов 2020 – *Кузнецов Н.М.* Актуальные методы цифровой дипломатии США в отношении // Россия и мир: Мировая экономика и международные отношения в эпоху многополярного мира: Сб. науч. статей / Под ред. О.В. Архиповой, А.И. Климина. СПб.: Фора-принт, 2020. С. 98–111.
- Неренц 2020 – *Неренц Д.В.* «Журналистика данных» в медиасреде США: современное состояние // США и Канада: экономика, политика, культура. 2020. № 50 (5). С. 113–126.
- Петров 2019 – *Петров К.Е.* Цифровая дипломатия в работе консульской службы США // Международная аналитика. 2019. № 3 (28). С. 7–15.
- Стадник, Цветкова 2018 – *Стадник И.Т., Цветкова Н.А.* Политика кибербезопасности США // Международные процессы. 2018. Т. 16. № 3. С. 157–169.
- Цветкова 2020 – *Цветкова Н.А.* Феномен цифровой дипломатии в международных отношениях и методология его изучения // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 2. С. 37–47.
- Boyd, Gatewood, Thorson, Dye 2019 – *Boyd A., Gatewood J., Thorson S., Dye T.* Data Diplomacy [Электронный ресурс] // Science and Diplomacy. 2019. Vol. 8. No. 1. URL: <http://sciencediplomacy.org/article/2019/data-diplomacy> (дата обращения 21 сент. 2020).
- Chua, Li, Kaul, Storey 2016 – *Chua C., Li X., Kaul M., Storey V.* Mining social media data from sparse text: an application to diplomacy // Parsons J., Tuunanen T., Venable J.R., Helfert M., Donnellan B., Kenneally J. (eds.) Breakthroughs and Emerging Insights from Ongoing Design Science Projects: Research-in-progress papers and poster presentations from the 11th International Conference on Design Science Research in Information Systems and Technology (DESRIST). 2016. Ireland: DESRIST, 2016. P. 51–58.
- Dye 2015 – *Dye T.* Data Diplomacy // American Association for the Advancement of Science: Science Diplomacy Conference. Wash., D.C.: AAAS. P. 19–20.
- Jacobson, Hone, Kurbalija 2018 – *Jacobson B., Hone C., Kurbalija J.* Data Diplomacy. Updating Diplomacy to the Big Data Era. Geneva: Diplo Foundation. 2018. 70 p.
- Tsvetkova, Rushchin, Shiryaev, Yarygin, Tsvetkov 2020 – *Tsvetkova N., Rushchin D., Shiryaev B., Yarygin G., Tsvetkov I.* Sprawling in Cyberspace: Barack Obama’s Legacy in Public Diplomacy and Strategic Communication [Электронный ресурс] // Journal of Political Marketing. 2020. March 09. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/15377857.2020.1724425> (дата обращения 21 сент. 2020).
- Tsvetkova, Kheifets, Sytnik, Tsvetkov 2019 – *Tsvetkova N., Kheifets V., Sytnik A., Tsvetkov I.* Venezuela in U.S. Public Diplomacy, 1950s–2000s: The Cold War, Democratization, and the Digitalization of Politics // Cogent Social Sciences. 2019. Vol. 5. No. 1. P. 1–15.
- Zeng, Chen, Lusch, Li 2010 – *Zeng D., Chen H., Lusch R., Li S.* Social media analytics and intelligence // Intelligent Systems. 2010. Vol. 25. No. 6. P. 13–16.

References

- Boyd, A., Gatewood, J., Thorson, S., Dye, T. (2019) "Data Diplomacy", *Science and Diplomacy*, vol. 8, no. 1 [Online], available at: <http://sciencediplomacy.org/article/2019/data-diplomacy> (Accessed 21 Sep 2020).
- Chua, C., Li, X., Kaul, M., Storey, V. (2016), "Mining social media data from sparse text: an application to diplomacy", in: Parsons, J., Tuunanen, T., Venable, J.R., Helfert, M., Donnellan, B., & Kenneally, J. (eds.) *Breakthroughs and Emerging Insights from Ongoing Design Science Projects: Research-in-progress papers and poster presentations from the 11th International Conference on Design Science Research in Information Systems and Technology*, Ireland: DESRIST, 2016, pp. 51–58.
- Dye, T. (2015), "Data Diplomacy", in *American Association for the Advancement of Science: Science Diplomacy Conference*, Wash., D.C.: AAAS, pp. 19–20.
- Jacobson, B., Hone, C., Kurbalija, J. (2018), "Data Diplomacy", *Updating Diplomacy to the Big Data Era*, DiploFoundation, Geneva, Switzerland.
- Kuznetsov, N. (2020), "Actual trends of U.S. digital diplomacy in Russia", in Atchipo, O.V. and Klimin, A.I. (eds.), *Rossiya i mir. Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya v epokhu mnogopolyarnogo mira* [Russia and the world. World economics and international relations in the era of multipolar world], Saint-Petersburg, Russia, pp. 98–111.
- Nerents, D. (2020), "Current state on Data Journalism in media of USA", in *SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura* [USA and Canada: economics, politics and culture], vol. 50, no. 5, pp. 113–126.
- Petrov, K. (2019), "Digital Diplomacy and US Consular assistance", in *Mezhdunarodnaya analitika*, no. 3, pp. 7–15.
- Stadnik, I. and Tsvetkova, N. (2018), "U.S. Cybersecurity policy", in *Mezhdunarodnye protsessy*, vol. 16, no. 3, pp. 157–169.
- Tsvetkova, N., Rushchin, D., Shiryayev, B., Yarygin, G., Tsvetkov, I. (2020), "Sprawling in Cyberspace: Barack Obama's Legacy in Public Diplomacy and Strategic Communication", *Journal of Political Marketing*, [Online], available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/15377857.2020.1724425> (Accessed 21 Sep 2020).
- Tsvetkova, N.A. (2020), "The digital diplomacy as a phenomenon of international relations: Research methodology", in *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 37–47.
- Tsvetkova, Kheifets, Sytnik, Tsvetkov (2019), "Venezuela in U.S. Public Diplomacy, 1950s–2000s: The Cold War, Democratization, and the Digitalization of Politics," *Cogent Social Sciences*, no. 1, pp. 1–15.
- Zeng, D., Chen, H., Lusch, R., Li, S. (2010), "Social media analytics and intelligence", *Intelligent Systems*, vol. 25, no. 6, pp. 13–16.

Информация об авторах

Наталья А. Цветкова, доктор исторических наук, доктор философии в области социальных наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; n.tsvetkova@spbu.ru

Никита М. Кузнецов, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; nmkuznetsov@list.ru

Information about the authors

Natal'ya A. Tsvetkova, Dr. of Sci. (History), Ph.D. in Social and Behavioral Studies, professor, St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 1/3, Smol'nyi Street, Saint Petersburg, Russia, 191060; n.tsvetkova@spbu.ru

Nikita M. Kuznetsov, St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 1/3, Smol'nyi Street, Saint Petersburg, Russia, 191060; nmkuznetsov@list.ru

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 327.7

DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-45-56

Вступление Ирана в ШОС: энергетические и социально-политические аспекты

Эбрахимиторкман Али

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, Ali.Adelante@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается история возникновения Шанхайской организации сотрудничества, взаимодействие с ней Ирана, а также преимущества и выгоды, которые он получит в случае вступления в эту организацию. По мнению автора, среди них – преодоление изоляции на международной арене, возможность успешно противостоять давлению Запада, укрепление мира, безопасности и добрососедства в огромном регионе Евразии, а также активизация политических и экономических отношений с культурно близкими государствами Центральной и Южной Азии. Кроме того, вступление в ШОС принесет Ирану экономическую стабилизацию: он получит возможность нарастить экспорт основного источника доходов – нефти, а также начать активно поставлять свои товары в страны–члены ШОС. Это приведет к усилению его экономической мощи, значительному повышению уровня жизни, а значит, и политического веса в регионе и мире.

Ключевые слова: Иран, Шанхайская организация сотрудничества, нефть, газ, национальные интересы

Для цитирования: Эбрахимиторкман А. Вступление Ирана в ШОС: энергетические и социально-политические аспекты // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 45–56. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-45-56

© Эбрахимиторкман А., 2020

Iran's accession to the SCO: energy and socio-political aspects

Ebrahimitorkaman Ali

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,

Ali.Adelante@gmail.com

Abstract. The article covers the history of founding the Shanghai Cooperation Organization, the interaction of Iran and this organization, as well as the prospects and benefits that Iran will receive if it joins it. The author supposes that if such a union happens, among the advantages and benefits of Iran in foreign policy there will be overcoming of isolation on the international arena, the ability to successfully resist the Western pressure, strengthening of peace, security and good neighborliness in the vast region of Eurasia, as well as intensifying of political and economic relations with the culturally close states of Central and South Asia. Furthermore, Iran's entry into the organization will bring about its economic stabilization: Iran will have the opportunity to increase exports of its main source of income – oil, and begin to actively export its goods to the member countries of the Shanghai Cooperation Organization. This will lead to a significant increase in the standard of living within Iran, as well as to an increase in its economic power, and therefore to its political weight in the region and the world.

Keywords: Iran, Shanghai Cooperation Organization, oil, gas, national interests

For citation: Ebrahimitorkaman, A. (2020), "Iran's accession to the SCO: energy and socio-political aspects", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 45–56, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-45-56

Введение

Настоящая работа посвящена актуальной, но малоисследованной в российской науке теме – взаимоотношениям Исламской Республики Иран (ИРИ) с Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС). Автор ставит своей целью оценить те преимущества, которые страна может получить от членства в этой организации.

Возникновение ШОС

Шанхайская организация сотрудничества была создана в 2001 г. с целью укрепления стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и обеспечения безопасности в Центральной Азии и близ-

лежащих территориях [Kulayı 2006, p. 36; Zahedi-Anaraki 2006, p. 55]. Лидеры пяти стран – России, Китая, Казахстана, Киргизии и Таджикистана – приняли решение сформировать пояс добрососедства ШОС для развития многостороннего регионального сотрудничества и создания нового мирового полюса в противовес США [Anvari, Rahmani-Movahhed 2009, p. 2]. В июле 2005 г. Иран был принят в организацию в качестве наблюдателя [Vozorgi, Hoseyni 2010, p. 2], а также подал заявку на постоянное членство, которое создаст потенциал для обеспечения интересов страны в политической, военной, культурной, экономической и торговой сферах.

Значимость ШОС

Важнейшие преимущества данной организации заключаются в следующем:

- 1) ШОС возникла как результат роста сотрудничества между Россией и Китаем, важными мировыми политическими и экономическими центрами, имеющими право вето в Совете Безопасности ООН. Государства–члены ШОС обладают большим потенциалом для корректировки и изменения баланса сил в международной системе отношений. Являясь одним из основных критиков США на международной арене, ШОС со своим многосторонним подходом намерена всерьез противодействовать однополярной системе под властью США, в частности американскому влиянию в Центральной Азии;
- 2) географическая близость ШОС к Европе имеет особую значимость для перспектив ЕС в сфере безопасности;
- 3) создание этой организации может оказать большое влияние на теоретические воззрения о международных отношениях, а также о новых формах баланса сил [Moradi 2008, p. 130];
- 4) ШОС играет огромную роль в формировании ядерных коалиций. Пять государств из числа стран-участниц обладают ядерными технологиями, а еще четыре (Россия, Китай, Индия и Пакистан) – ядерным оружием;
- 5) ШОС способствует интеграции трех центров цивилизации: буддийской, православной и исламской. Это одна из немногих организаций, в которую не входят страны англосаксонской цивилизации;
- 6) выгодное геостратегическое расположение стран ШОС позволяет применять геополитику «Хартленда»;
- 7) члены организации хорошо дополняют друг друга в сфере энергетического сотрудничества, так как крупнейшие

производители и потребители энергоресурсов и важнейшие транспортные пути находятся в их юрисдикции. Достоин внимания и тот факт, что ШОС была сформирована из стран второго эшелона развития, предпринимающих меры для изменения существующего баланса сил на мировой арене, в том числе в энергетической сфере.

После своего возникновения ШОС могла рассматриваться как шаг к образованию союза против США [Šaf'i, Kamayizade 2008, p. 58]. Однако вопреки всем преимуществам ШОС на региональном и мировом уровнях публичная деятельность и политика данной организации демонстрирует, что ее члены не желают разрывать отношения с западными странами, в особенности с США, придерживаясь стратегии игры с нулевой суммой [Нақиқи 2009, p. 24].

Иран и ШОС: возможности и выгоды в случае вступления

После образования ШОС ряд серьезных игроков, находящихся в регионе и за его пределами, таких как Афганистан, Иран и США, выразили желание взаимодействовать с этой организацией в различных сферах [Haji-Yusefi, Alvand 2008, p. 182]. Региональное сотрудничество, играющее важную роль для обеспечения международных целей, уже долгое время занимает значимое место во внешнеполитической доктрине Исламской Республики Иран в качестве базовой стратегии для преодоления вызовов, созданных трансрегиональными державами, в особенности западными. Проявлением этого постоянного курса стала заинтересованность Ирана в дальнейшем развитии ШОС и присоединении к этой организации [Anvari, Rahmani-Movahhed 2009, p. 83], вызванная следующими причинами.

Во-первых, ШОС является международной структурой, стратегически развивающейся вне рамок однополярной модели миропорядка, которую пытаются выстроить США [Haji-Yusefi, Alvand 2008, p. 182]. В этой связи вступление Ирана в данную организацию станет дополнительным фактором усиления его защиты от потенциальных угроз, исходящих от США и НАТО [Snyder 2001, p. 295]. С учетом географического положения Ирана особенно ценна первоочередная сосредоточенность ШОС на ситуации в стратегически важном для него регионе Центральной Азии [Наққўшенас, Ваїри 2011, p. 92].

Во-вторых, членство в ШОС облегчит для Ирана борьбу с такими нетрадиционными и имеющими трансграничный характер

угрозами, как перемещение наркотических и взрывчатых веществ, боевиков, и в целом с международным терроризмом¹. Со странами-участницами ШОС, и прежде всего Россией, Иран осуществляет не только общеполитическое, но и военное сотрудничество, ведя борьбу со структурами международного терроризма (прежде всего с «Исламским государством») на сирийско-иракском направлении. О серьезности усилий ШОС в данной сфере говорит принятие ею Конвенции по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также создание Региональной антитеррористической структуры (РАТС) для координации совместных действий [Конаровский 2015, с. 106]. Присоединение к ШОС демонстрирует международному сообществу, что Иран сделал одним из основных направлений своей внешней политики противостояние упомянутым трем региональным и мировым угрозам, и тем самым сведет на нет пропаганду США и некоторых их западных союзников [Haqqşenas, Başiri 2011, p. 91]. Для защиты и укрепления позиций Ирана значима идея о проведении круглых столов на тему борьбы с терроризмом [Anvari, Rahmani-Movahhed 2009, p. 103–104].

В-третьих, за счет сближения региональных политических игроков исламские страны, опираясь на относительные преимущества и многочисленные возможности в сфере экономики, могут создать условия для противодействия глобализации [Najarzade, Şaqaqi-Şahri 2006, p. 337]. Вступление в ШОС позволит ИРИ существенно углубить дву- и многостороннее сотрудничество со странами-участницами [Haqqşenas, Başiri 2011, p. 91–92]. Задачи расширения потребительского рынка, обеспечения стабильного импорта нефти и иных товаров, получения необходимых технологий и материальных ресурсов для развития промышленности являются серьезными факторами заинтересованности Ирана в членстве в данной организации². Оно открывает для Ирана дополнительные возможности для диверсификации своего экспорта, что становится исключительно важным в условиях растущего санкционного давления США и других стран Запада на Исламскую Республику Иран.

В-четвертых, усиление регионализации в системе международных отношений оказывает влияние на принятие значимых политических решений в мире. Достижение успеха в этом вопросе зависит от внутренней сплоченности в рамках процесса интеграции. В том смысле, что элита и государственные деятели на уровне

¹*Ehsani R.* Zerurat-e hamgerayi-ye mantaqeyi dar mobareze ba terrorism // Afqanestan-e ma. 30.01.2017.

²*Xalili A.* Ra'isjomhur va eqtesad-e keşvarha-ye nowzohur // Şarq. 13.07.2015.

страны и региона, осознав свою взаимозависимость, увеличивающуюся вместе с ростом интеграционных процессов, станут единым фронтом [Azami, Zarqani, Heydari 2012, p. 1]. Региональная интеграция, расширение региональных и международных союзов рассматриваются как эффективная стратегия для противодействия стремлению США к унилатерализму и контролю над системой международных отношений [Anvari, Rahmani-Movahhed 2009, p. 121]. Членство Ирана в ШОС и связь этой организации с западными странами станут важными факторами формирования региональной подсистемы без участия стран Запада, во многом направленной на противодействие их экспансионистским устремлениям.

Наконец, в-пятых, присоединение к ШОС укрепит позиции Ирана на мировой арене, поскольку, с одной стороны, эта организация придерживается политики неприсоединения и соблюдения Устава ООН, а с другой – имеет в числе своих участников две великие державы – Россию и Китай [Omidi 2007, p. 46].

Рассмотренные выше причины предполагают извлечение Ираном из полноправного членства в этой организации целого ряда выгод и появление новых возможностей.

1) Политические выгоды и возможности

Учитывая наступление конца гегемонии США и появившиеся организационные возможности в структуре системы международных отношений, Иран как член ШОС сможет избавиться от международной изоляции и обеспечить свою безопасность. Это расширит его возможности для тактического и стратегического маневрирования на Ближнем и Среднем Востоке. Причем это будет происходить на фоне растущих у США трудностей с обеспечением своего присутствия в данных регионах [Haji-Yusefi, Alvand 2008, p. 189]. Некоторые из политических преимуществ ИРИ от членства в ШОС заключаются в следующем:

- возможность получить благодаря сотрудничеству с Китаем и Россией свою выгоду из конфликтов этих стран с США;
- усиление регионализации в международной системе отношений с высокой вероятностью того, что данный процесс окажет влияние на международную макрополитику;
- укрепление духа доверия, добронамеренности, сотрудничества, стабильности и положительного образа Ирана в различных сферах;
- возможность создания плодотворных союзов с целью противостояния санкциям и получения доступа к технологиям [Rezaei, Salehi 2010, p. 67]. Одним из важнейших преимуществ

щество является поддержка Китаем и Россией развития технологии мирного атома Ирана и их упорное противодействие введению каких-либо санкций против ИРИ, в том числе на глобальном уровне.

2) Выгоды и возможности в сфере безопасности

Присоединение Ирана к ШОС приведет к обузданию глобальных угроз его национальным интересам, а создание противовеса этим угрозам станет фактором сдерживания могущества Запада. Ниже представлены некоторые из преимуществ в сфере безопасности:

- рост возможностей Ирана в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом;
- представление плана системы коллективной безопасности стран-участниц с целью противодействия постоянно нарастающему присутствию трансрегиональных сил;
- более тщательное соблюдение правового режима и режима безопасности Каспийского моря.

3) Выгоды и возможности в сфере экономики

Несмотря на быстрый рост торгово-экономического сотрудничества Ирана со странами ШОС, его потенциал пока реализован далеко не полностью. Импорт Ирана из этих стран значительно превышает экспорт, поэтому ИРИ сталкивается с серьезным внешнеторговым дефицитом. Кроме того, объемы торговли Ирана с отдельными странами различаются в десятки раз, а в иранском экспорте в ШОС очень низка доля современных высокотехнологичных товаров, в том числе машин и оборудования [Филин, Кокликов, Ходунов 2019, с. 21–25].

Вступление в ШОС, обладающую огромным потенциалом (на страны–члены организации приходится более 60% территории Евразии, около половины населения планеты и свыше 20% мирового ВВП, ее участниками являются два из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН), сулит Ирану ряд экономических преимуществ [Rezayi, Salehi 2010, p. 55–56], среди которых:

- доступ к крупному и надежному рынку экспорта нефти и иных товаров;
- диверсификация торгово-экономических связей со странами–членами ШОС;
- увеличение объема иностранных инвестиций, в том числе прямых;
- извлечение выгод из экономической мощи и возможностей Китая;

- создание зоны свободной торговли с расширением общего рынка ШОС;
- создание облегченной таможенно-тарифной сетки, предполагающей свободный транзит товаров и предоставление тарифных преференций. Иран обладает уникальным геополитическим преимуществом и может стать подходящим путем транзита для стран Центральной Азии. Он играет ключевую роль в существующих крупных транзитных путях региона, таких как Шелковый путь, Трансазиатская железная дорога, транспортный коридор ТРАСЕКА и коридор «Север–Юг». Расположение Ирана на пути международных коридоров «Север–Юг», а также прямая связь с открытыми судоходными каналами подтверждают, что он превосходит другие страны региона в возможностях транзита товаров и туристов [Amir-Ahmadiyan, Salehi-Dowlatabad 2016, p. 27–30; Azami, Dabiri 2012, p. 28–30; Omid 2007, p. 46–47]. Об этом прямо говорил президент ИРИ Хасан Рухани, выступая на саммите ШОС в 2018 г.: «Стратегическое положение Ирана дает возможность связать восток с западом, север с югом. Страны Центральной и Восточной Азии с помощью Ирана могут связаться с регионом Персидского залива»³;
- подготовка экономики страны к вступлению в ВТО [Omid 2007, p. 46–48];
- частичное удовлетворение потребности в технологиях;
- участие в новом «энергетическом клубе», который предполагается создать для координации действий членов ШОС–экспортеров нефти и газа, конкурирующих друг с другом на рынках Китая и других развивающихся стран Восточной и Южной Азии. О планах России по формированию такого клуба заявили представитель МИД РФ после конференции «Шанхайская организация сотрудничества: итоги и перспективы» (Алматы, 2006 г.) и В.В. Путин на встрече лидеров стран ШОС в 2006 г. Основное отличие нового клуба от Организации стран–экспортеров нефти (ОПЕК) заключается в том, что в его составе будут не только нефте- и газодобывающие страны, но и крупные потребители этих энергоресурсов, например Китай, Индия и Пакистан;
- развитие туризма и рост обмена торговыми делегациями [Bozorgi, Hoseyni 2010, p. 74].

³Израелин А.Г. Иранские оценки саммита ШОС в Китае [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. 2018. 15 июня. URL: <http://www.iimes.ru/?p=45190> (дата обращения 27 марта 2020).

4) Выгоды и возможности в сфере науки, образования и культуры

Укрепление культурных отношений с членами ШОС, придерживающимися ислама и имеющими с Ираном много общего [Ja'farpur-Moqaddam 2017, p. 33], стало одной из причин его интереса к взаимодействию с этой организацией. Вот некоторые возможности и выгоды в сфере науки, образования и культуры, которые сулит ИРИ членство в ШОС:

- участие в создании Совета евразийских цивилизаций, в который предполагается включить общественных и культурных деятелей;
- укрепление диалога цивилизаций с участием представителей четырех мировых религий (ислам, христианство, синтоизм и буддизм);
- развитие сотрудничества в сфере университетского и школьного образования и культуры, а также обмен опытом в области трудоустройства молодежи;
- налаживание научного сотрудничества: создание исследовательских центров, взаимодействие в сфере нанотехнологий и т. д. [Anvari, Rahmani-Movahhed 2009, p. 106];
- нейтрализация пропаганды СМИ, направленной на международную изоляцию Ирана и распространение иранофобии;
- укрепление социокультурных и политических связей группы персоязычных стран, включая Таджикистан, и рост вероятности присоединения к ШОС Афганистана [Rezayi, Salehi 2010, p. 70].

Заключение

Шанхайская организация сотрудничества была создана для обеспечения различных видов кооперации крупнейших стран евразийского региона. Одной из важнейших ее целей стало противостояние новому мировому порядку, навязываемому США. Присоединение к ШОС поможет Ирану реализовать свои национальные интересы в самых разных сферах. В области внешней политики он получит возможность укрепить лидирующие позиции в Ближневосточном регионе и углубить связи с Центральной Азией, которая культурно и лингвистически весьма близка к Ирану. Оказавшись под надежной защитой ядерных держав (России, Индии и Китая), Иран будет способен эффективно противостоять давлению Запада и в значительной мере нейтрализовать влияние санкций. В области безопасности после вступления в ШОС Иран сможет еще более успешно противодействовать наркотрафику,

терроризму и экстремизму и доказать ошибочность представления о себе как стране, поддерживающей терроризм. В области экономики ИРИ ожидает серьезный рост иностранных инвестиций, иранские производители смогут легко выйти на рынки России, Китая, Индии и Центральной Азии, а территория Ирана послужит самым простым и коротким путем для доступа к крупным мировым рынкам для тех стран-членов ШОС, которые не имеют выхода к южным морям. И наконец, после присоединения к данной организации Иран сможет активно участвовать в развитии культурных и духовных связей между разными религиями и цивилизациями, а также в плодотворном сотрудничестве в сфере науки, образования и культуры, что будет способствовать стабилизации обстановки в Евразийском регионе.

Литература

- Конаровский 2015 – *Конаровский М.А.* Расширение ШОС: возможности и проблемы // *Международная аналитика.* 2015. № 1. С. 105–118.
- Филин, Кокликов, Ходунов 2019 – *Филин Н.А., Кокликов В.О., Ходунов А.С.* Иран и Шанхайская организация сотрудничества // *Вестник РГГУ.* 2019. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». № 2. С. 12–29.
- Amir-Ahmadiyan, Salehi-Dowlatabad 2016 – *Amir-Ahmadiyan B., Salehi-Dowlatabad R.* Ebtekar-e jade-ye abrišam-e jadid, Ćin (ahdaf, mavane-o ĉalešha) // *Motaleat-e ravabet-e beyn-ol-mellal.* 2016. Vol. 9. No. 26. P. 9–42.
- Anvari, Rahmani-Movahhed 2009 – *Anvari H.-R., Rahmani-Movahhed M.* Sazman-e hamkari-ye Šanghay: ĉašmandazi be su-ye jahan-e ĉandqotbi. Tehran: Daftar-e motaleat-e siyasi va beyn-ol-mellali, 2009. 164 p.
- Azami, Dabiri 2012 – *Azami H., Dabiri A.-A.* Arzyabi-ye forsatha va ĉalešha-ye žeopolitiki-ye Iran dar Asya-ye Markazi // *Faza-ye joqrfayavi.* 2012. Vol. 12. No. 26. P. 25–47.
- Azami, Zarqani, Heydari 2012 – *Azami H., Zarqani S.H., Heydari J.* Tahlil-e model-e naqš-e hamgerayi-ye melli be unvan-e mabani-ye hamgerayi-ye mantaqeyi dar jahan-e eslami, motalee-ye mowredi-ye Xavar-e Miyane // *Panjomin kongre-ye beyn-ol-mellali-ye joqrafidan-e jahan-e islam.* Tabriz: Danešgah-e Tabriz, 2012. 18 p.
- Bozorgi, Hoseyni 2010 – *Bozorgi V., Hoseyni S.-A.* Sazman-e hamkari-ye Šanghay, tahavolat-e gozašte va ĉašmandaz-e ayande // *Motaleat-e Owrasya-ye Markazi.* 2010. Vol. 3. No. 7. P. 1–27.
- Ja'farpur-Moqaddam 2017 – *Ja'farpur-Moqaddam M.* Ahdaf-e rahbordi-ye Iran dar qebal-e Sazman-e hamkari-ye Šanghay // *Karayi.* 2017. Vol. 9. No. 34. P. 163–200.
- Haji-Yusefi, Alvand 2008 – *Haji-Yusefi A.M., Alvand M.C.* Iran-o Sazman-e hamkari-ye Šanghay: hežemoni va zedd-e hežemoni // *Pažuhešname-ye olum-e siyasi.* 2008. Vol. 3. No. 2. P. 163–194.

- Haqiqi 2009 – *Haqiqi A.* Iran-o Sazman-e hamkari-ye Šanghay // *Gozareš-e sal-e sistem.* 2009. No. 208. P. 24–25.
- Haqqšenas, Baširi 2011 – *Haqqšenas M.-J., Bashiri S.* NATO va gerayeš-e Iran be Sazman-e hamkari-ye Šanghay // *Ettelaat-e siyasi-eqtessadi.* 2011. Vol. 25. No. 284. P. 78–95.
- Kulayi 2006 – *Kulayi E.* Sazman-e hamkari-ye Šanghay va amniyat-e Asya-ye Markazi // *Pažuheš-e olum-e siyasi.* 2006. Vol. 2. No. 3. P. 29–46.
- Moradi 2008 – *Moradi F.* Sazman-e hamkari-ye Šanghay qodrati tavazonbaxš // *Motaleat-e Asya-ye Markazi va Qafqaz.* 2008. Vol. 17. No. 62. P. 129–154.
- Najarzade, Šaqaqi-Šahri 2006 – *Najarzade P., Šaqaqi-Šahri V.* Hamgerayi-ye mantaqeyi va ta'sir-e an bar sarmayegozari-ye mostaqell-e hareji // *Tahqiqat-e eqtesadi.* 2006. Vol. 41. No. 72. P. 337–362.
- Omidi 2007 – *Omidi A.* Forsatha va čalešha-ye tejari-ye ozviyyat-e Iran dar Sazman-e hamkari-ye Šanghay // *Barrasiha-ye bazargani.* 2007. Vol. 4. No. 26. P. 42–55.
- Rezayi, Salehi 2010 – *Rezayi A., Salehi A.* Sazman-e hamkari-ye Šanghay va ozviyyat-e dayem-e Jomhuri-ye eslami-ye Iran // *Motaleat-e siyasi.* 2010. Vol. 3. No. 9. P. 51–76.
- Snyder 2001 – *Snyder Ch.* Saxtar-e amniyyat-e mantaqeyi. Transl. Mahmud Askari // *Rahbord.* 2001. Vol. 10. No. 21. P. 281–300.
- Šafi'i, Kamayizade 2008 – *Šafi'i N., Kamayizade Yu.* Ta'yin-e ravabet-e Čin-o Amrika dar barabar-e Sazman-e hamkari-ye Šanghay bar asas-e nazariye-ye movazene-ye qova-ye narm // *Motaleat-e Owrasya-ye Markazi.* 2008. Vol. 3. No. 7. P. 51–76.
- Zahedi-Anaraki 2006 – *Zahedi-Anaraki M.* Sazman-e hamkari-ye Šanghay az teori ta amal // *Motaleat-e Asya-ye Markazi.* 2006. Vol. 15. No. 55. P. 53–70.

References

- Azami, H. and Dabiri, A.-A. (2012), “Assessment of the possibilities and geopolitical challenges of Iran in Central Asia”, *Faza-ye joqrafyayi*, vol. 12, no. 26, pp. 25–47.
- Azami, H., Zarqani, S.H. and Heydari, J. (2012), “Modeling the role of national cooperation as the basis of regional cooperation in the Islamic world by the example of the Middle East”, *5th International Congress of the Geographers of the Islamic World*, Tabriz, 2012, 18 p.
- Amir-Ahmadiyan, B. and Salehi-Doulabad, R. (2016), “The Chinese New Silk Road Initiative: Goals, Obstacles and Challenges”, *Motaleat-e ravabet-e beyn-ol-mellal*, vol. 9, no. 26, pp. 9–42.
- Anvari, H.-R. and Rahmani-Movahhed, M. (2009), *Sazman-e hamkari-ye Šanghay: čašmandazi be su-ye jahan-e čandqotbi* [Shanghai Cooperation Organization: Prospects for a Multipolar World], Bureau of Political and International Studies, Tehran, Iran.
- Bozorgi, V. and Hosseini, S.-A. (2010), “Shanghai Cooperation Organization: its development in the past and prospects for the future”, *Motaleat-e Owrasya-ye Markazi*, vol. 3, no. 7, pp. 1–27.

- Filin, N.A., Koklikov, V.O. and Khodunov, A.S. (2019), "Iran and the Shanghai Cooperation Organization", *Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series "Eurasian Studies. Story. Political science. International relationships*, no. 2, pp. 12–29.
- Ja'farpur-Moqaddam, M. (2017), "Strategic goals of Iran in relation to the Shanghai Cooperation Organization", *Karayi*, vol. 9, no. 34, pp. 163–200.
- Haji-Yousefi, A.M. and Alvand, M.S. (2008), "Iran and the Shanghai Cooperation Organization: hegemony and opposition to hegemony", *Pažuhešname-ye olum-e siyasi*, vol. 3, no. 2, pp. 163–194.
- Haqiqi, A. (2009), "Iran and the Shanghai Cooperation Organization", *Gozareš-e sal-e sistem*, no. 208, pp. 24–25.
- Haqqshenas, M.-J. and Bashiri, S. (2011), "NATO and Iran's desire to become a member of the Shanghai Cooperation Organization", *Ettelaat-e siyasi-eqtesadi*, vol. 25, no. 284, pp. 78–95.
- Konarovsky, M.A. (2015), "The expansion of the SCO: opportunities and challenges", *International analytics*, no. 1, pp. 105–118.
- Kulayi, E. (2006), "Shanghai Cooperation Organization and Security of Central Asia", *Pažuheš-e olum-e siyasi*, vol. 2, no. 3, pp. 29–46.
- Moradi, F. (2008), "Shanghai Cooperation Organization: A Balancing Force", *Motaleat-e Asya-ye Markazi va Qafqaz*, vol. 17, no. 62, pp. 129–154.
- Najarzadeh, R. and Shaqayi-Shahri, V. (2006), "Regional convergence and its impact on foreign direct investment", *Tahqiqat-e eqtesadi*, vol. 41, no. 72, pp. 337–362.
- Omidi, A. (2007), "Opportunities and problems of the Iranian trade sphere with its membership in the Shanghai Cooperation Organization", *Barrasiha-ye bazargani*, vol. 4, no. 26, pp. 42–55.
- Rezai, A. and Salehi, A. (2010), "Shanghai Cooperation Organization and Iran's Permanent Membership in it", *Motaleat-e siyasi*, vol. 3, no. 9, pp. 51–76.
- Snyder, K. (2001) "Regional Security Structure", *Rahbord*, vol. 10, no. 21, pp. 281–300.
- Shafii, N. and Kamaizade, Yu. (2008), "Definition of US-China Relations in the Aspect of the Shanghai Cooperation Organization Based on the Theory of Soft Power Balance", *Motaleat-e Ovarasya-ye Markazi*, vol. 3, no. 7, pp. 51–76.
- Zahedi-Anaraki, M. (2006), "Shanghai Organization for Cooperation: from theory to practice", *Motaleat-e Asya-ye Markazi*, vol. 15, no. 55, pp. 53–70.

Информация об авторе

Эбрахимиторкаман Али, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ali.adelante@gmail.com

Information about the author

Ebrahimitorkaman Ali, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; ali.adelante@gmail.com

Влияние различий между государствами–членами ЕС
на их отношения с Российской Федерацией:
2014–2019 гг.

Денис О. Вакарчук

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, vakarchuk.d@rggu.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются отношения между Россией и государствами–членами Европейского союза в период с 2014 по 2019 гг. В методологическом плане автор исходит из того, что ЕС представляет собой неоднородную структуру, что оказывает влияние на российско-европейские отношения. Особенно это характерно для сферы внешней политики, в которой каждое государство ЕС преследует свои собственные интересы. Автор поставил задачу изучить влияние различий между государствами–членами ЕС на динамику их отношений с Россией посредством количественного анализа. В рамках эмпирического исследования зависимая переменная, в качестве которой выступает состояние отношений между странами ЕС и РФ, операционализирована при помощи инвент-анализа. Для идентификации различий между государствами ЕС предлагается использовать набор факторов, характеризующих давность членства в ЕС, зависимость от торговли с РФ, тип демократии, принадлежность к великим державам. Взаимосвязи между переменными исследуются при помощи статистического U-критерия Манна–Уитни. Результаты количественного анализа показывают, что в исследуемый период только фактор наличия у ряда стран ЕС статуса великой державы оказывал значимое влияние на их отношения с Россией.

Ключевые слова: Россия, Европейский союз, государства–члены ЕС, инвент-анализ, количественный анализ

Для цитирования: Вакарчук Д.О. Влияние различий между государствами–членами ЕС на их отношения с Российской Федерацией: 2014–2019 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 57–73. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-57-73

Differences among the member states
of the European Union and its influence
on their relations with the Russian Federation:
2014–2019

Denis O. Vakarchuk

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, vakarchuk.d@rggu.ru*

Abstract. The article examines the relations between Russia and the member states of the European Union in the period from 2014 to 2019. Methodologically, the author assumes that the European Union is a heterogeneous structure that affects the Russian-European relations. This is especially true for the foreign policy field where each EU state pursues its own interests. The author sets a task to study the impact of the differences between the EU member states on the dynamics of their relations with Russia through quantitative analysis. Within the confines of the empirical study, the dependent variable is presented as the state of the relations between the EU countries and the Russian Federation, and it is operationalized by an event study. To identify the differences between the EU states, the author proposes to use a set of factors such as the duration of EU membership, dependence on the trade with the Russian Federation, the type of democracy and the great power identification. Mann-Whitney U-test is the tool to investigate the connections between the variables. The result of the quantitative analysis demonstrates that in the period under review it was only the factor of belonging of a number of EU member states to the great powers that had a significant impact on their relations with Russia.

Keywords: Russia, European Union, EU member states, event study, quantitative analysis

For citation: Vakarchuk, D.O. (2020), “Differences among the member states of the European Union and its influence on their relations with the Russian Federation: 2014–2019”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 57–73, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-57-73

Введение

Отношения России и Европейского союза с 2014 г. пребывают в состоянии глубокой стагнации. Отмена саммитов Россия–ЕС, отсутствие прогресса в решении украинского вопроса, обоюдные экономические санкции, укрепление НАТО у западных границ России, подозрения в шпионаже – все это накладывает отпечаток на тональность и результативность российско-европейского взаи-

модействия. При этом нельзя не учитывать влияние на него такого фактора, как отсутствие солидарности государств–членов ЕС в сфере внешней политики. Вступление в ЕС стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) в 2000-е гг. только усилило политическую и экономическую неоднородность Союза и способствовало тому, что достижение его внешнеполитического единства превратилось в перманентную проблему.

Российско-европейское взаимодействие стабильно привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Большинство работ посвящено анализу его общеполитических аспектов [Громько 2013; Борко 2015; Фишер, Тимофеев 2018; Maass 2017], идентификации сложностей двусторонних отношений, в частности проблем европейской безопасности на примере перспективы решения украинского кризиса [Ковальчук 2014], санкций [Тимофеев 2018], сотрудничества в энергетической сфере [Симония, Торкунов 2015]. Таким образом, тематический спектр исследований весьма разнообразен, однако в методологическом плане многие авторы делают акцент на анализе двусторонних отношений между Россией и странами ЕС, отодвигая на второй план проблему гетерогенности внешнеполитических интересов государств–членов Евросоюза.

В настоящей статье сделана попытка осмыслить различия между государствами–членами ЕС и идентифицировать влияние этих различий на отношения с Россией с 2014 по 2019 г.

Методология исследования

В качестве методологии в исследовании применяется ивент-анализ, позволяющий наиболее объективно измерить всю совокупность двусторонних отношений и сделать вывод о динамике их развития. Для осуществления ивент-анализа использовалась база данных проекта “Global Database of Events, Language and Tone” (GDELT)¹. В рамках этого проекта в режиме реального времени на более чем 100 языках со всего мира отслеживаются и фиксируются новостные публикации, имеющие акторную, тематическую и источникную привязки. Каждому событию, актору, географической территории присваивается свой уникальный код. Таким образом обеспечивается беспрепятственный доступ к любой информации в этой базе данных.

¹The GDELT Project [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gdelt-project.org> (дата обращения 15 июля 2020).

При осуществлении ивент-анализа были заданы следующие параметры для извлечения данных. В качестве нижней границы исследования был взят 2014 г., в качестве верхней границы – 2019 г. Такие хронологические рамки обусловлены тем, что 2014 г. является точкой отсчета кризиса в отношениях между Россией и государствами-членами ЕС. Именно в этом году Евросоюз ввел ограничительные меры в отношении России в ответ на кризис в Украине, за которыми последовало введение ответного перечня российских ограничений в отношении государств-членов ЕС. В свою очередь, выбор 2019 г. обусловлен тем, что в этом году произошли определенные перемены в европейском политическом пространстве, связанные с изменением состава Европейской комиссии и выборами в Европейский парламент.

В качестве актора-инициатора отношений выбирались государства-члены ЕС, а в качестве актора-реципиента – Российская Федерация. Все извлеченные события были взвешены по шкале «сотрудничество–соперничество» Дж. Гольдштейна [Goldstein 1990, pp. 376–377].

Помимо ивент-анализа для исследования влияния различного рода факторов на состояние отношений между государствами-членами ЕС и Россией использовался статистический U-критерий Манна–Уитни, при помощи которого представляется возможным сравнить несколько выборок, значения распределения которых переведены в ранговую шкалу.

Переменные и данные

В качестве зависимой переменной в нашем исследовании выступает оценка отношений между странами-членами ЕС и РФ, которая была операционализирована посредством проведения ивент-анализа с последующим шкалированием полученных результатов. После этого измеренные значения состояния отношений каждой пары стран за каждый год были суммированы. Запросы к базе данных GDELT осуществлялись при помощи языка программирования структурированных запросов SQL. Итоговые данные представлены на рис. 1.

Следует отметить, что по указанным выше параметрам не были извлечены данные по оценке состояния российско-словенских отношений. Это объясняется тем, что в GDELT отсутствуют данные по Словении. В результате была получена оценка отношений 27 государств-членов ЕС с Россией (см. рис. 1).

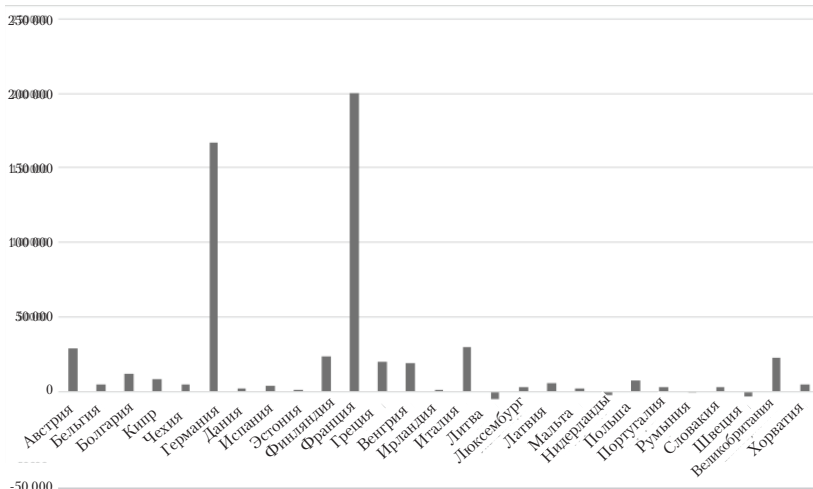

Рис. 1. Гистограмма частот распределения показателя оценки отношений между странами–членами ЕС и РФ (2014–2019 гг.)

Ввиду того что гипотезой исследования является изучение влияния различий между странами–членами ЕС на их отношения с Россией, в качестве предикторов выступают отличительные особенности членов Союза, значимые в контексте их отношений с Россией.

Первым предиктором была выбрана длительность пребывания государства в организационной структуре ЕС. Точкой отсчета для проведения классификации по этому признаку был взят 2004 г. – год первого расширения Европейского союза в XXI в. Следовательно, страны, вступавшие в Союз в результате расширений 2004, 2007, 2013 гг., были отнесены к «новым» членам ЕС; в свою очередь, государства, вступавшие в ЕС до расширения 2004 г., – к «старым» членам.

Деление государств ЕС на «старых» и «новых» членов имеет принципиальную важность для анализа российско-европейских отношений. Как показывает внешнеполитическая практика, отношения с Россией «новых» членов ЕС, к которым относятся преимущественно государства из региона ЦВЕ, с 2004 по 2013 г. в значительной степени были осложнены историческим прошлым – пребыванием этих стран в коммунистическом блоке. Таким образом, характерной чертой внешней политики большинства из них был антироссийский дискурс. Что касается «старых» государств-членов, то их правительства в указанный период склонны были придерживаться преимущественно прагматичной линии в отношении России.

Вторым предиктором было выбрано членство государств ЕС в НАТО. Важно понимать, что принадлежность страны к Североатлантическому альянсу вводит в модель еще один аргумент – внешнеполитический интерес США, которые также являются членом Альянса и прямым образом влияют на процесс принятия решений в этой организации. Наиболее критикуемой российским руководством деятельностью НАТО в постбиполярную эпоху развития международных отношений было его расширение на Восток Европы².

Третий предиктор – внешнеэкономическая зависимость государств–членов ЕС от торговли с Россией. Тезис о наличии взаимозависимости в рамках торгово-экономического взаимодействия России и европейских стран никогда не подвергался сомнению и перманентно находил отражение во внешнеполитических документах как России, так и ЕС³. Более того, интенсивный товарообмен между государствами по общему правилу является индикатором, как минимум, стабильности политических отношений. Тем не менее далеко не для всех государств–членов ЕС Россия является ведущим торговым партнером. В рамках данного исследования при оценке двустороннего товарооборота были использованы данные технического агентства ООН “International Trade Centre”⁴. Наличие внешнеэкономической зависимости государства–члена ЕС от торговли с Россией фиксировалось при условии, что последняя входила в пятерку его ведущих торговых партнеров в период с 2014 по 2019 гг.

²Указ Президента Российской Федерации от 10.01.2000 г. № 24 «О Концепции национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальное интернет-представительство Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/14927> (дата обращения 25 июля 2020).

³Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским союзом на среднесрочную перспективу (2000–2010 гг.) (Хельсинки, 22 октября 1999 г.) [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901773061> (дата обращения 26 июля 2020); Common strategy of the European Union of 4 June 1999 on Russia/999/414/CFSP [Электронный ресурс] // Official Journal of the European Communities. 1999. June 24. URL: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:1be2c668-1089-4c73-848d-440c44e30076.0008.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения 26 июля 2020).

⁴International Trade Centre [Электронный ресурс] // intracen.org. URL: <https://www.intracen.org> (дата обращения 26 июля 2020).

Четвертый предиктор – тип политического режима рассматриваемых государств. В выбранный для анализа период государства–члены ЕС столкнулись с множеством проблем внутреннего и внешнего характера, в первую очередь связанных с негативными последствиями финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., ошибками миграционной политики и политики мультикультурализма. Неэффективность решения этих проблем привела к разочарованию части избирателей в традиционных демократических институтах и партиях и, как следствие, к росту поддержки и влияния популистских партий в Западной Европе и консервативных партий в Восточной Европе («Движение пяти звезд» и «Северная лига за независимость Падании» в Италии, Австрийская партия свободы в Австрии, Партия свободы в Нидерландах, «Национальное объединение» (бывший «Национальный фронт») во Франции, «Альтернатива для Германии» в Германии, «Фидес» в Венгрии, «Право и справедливость» в Польше). Примечательным является тот факт, что некоторые из этих партий в указанный период заявляли о необходимости пересмотреть внешнеполитический курс в отношении России в сторону его улучшения. Речь идет в первую очередь о партиях «Движение пяти звезд»⁵, «Национальное объединение»⁶, «Фидес»⁷ и об Австрийской партии свободы⁸.

Обозначенные проблемы и их последствия в виде усиления популистских и консервативных партий привели к снижению Индекса демократии (Democracy Index)⁹ государств–членов ЕС.

⁵Против мигрантов и за дружбу с Россией: как популисты собираются править Италией [Электронный ресурс] // Русская служба BBC. 2018. 19 мая. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-44178511> (дата обращения 30 июля 2020); Россия, план партии «Движение пяти звезд» на съезде «Единой России» [Электронный ресурс] // ИноСМИ.RU. 2016. 29 июня. URL: <https://inosmi.ru/politic/20160629/237028702.html> (дата обращения 30 июля 2020).

⁶Марин Ле Пен выразила надежду на нормализацию отношений России и Европы [Электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ. 2019. 19 мая. URL: <https://ria.ru/20190519/1553610144.html> (дата обращения 30 июля 2020).

⁷Орбан и «Йоббик»: ненадежные венгерские друзья Москвы [Электронный ресурс] // Русская служба BBC. 2018. 11 апр. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-43704679> (дата обращения 30 июля 2020).

⁸«Единая Россия» заключила союз с австрийскими ультраправыми [Электронный ресурс] // Русская служба BBC. 2016. 19 дек. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-38363935> (дата обращения 30 июля 2020).

⁹Democracy Index [Электронный ресурс] // The Economist Intelligence Unit. URL: <https://www.eiu.com/topic/democracy-index> (дата обращения 26 июля 2020).

В его основе лежат 60 показателей, сгруппированных по пяти категориям. Исходя из средневзвешенных значений, все государства делятся на четыре типа политических режимов: полноценные демократии, несовершенные демократии, гибридные режимы, авторитарные режимы.

С 2014 по 2019 г. среднегодовое значение данного индекса для государств–членов ЕС упало с 7,98 до 7,92 пункта (рис. 2). Минимальный показатель среднего значения пришелся на 2017 г. и составил 7,89 пункта. Было также подсчитано среднее значение индекса по каждой стране за исследуемый период и предыдущие шесть лет (табл. 1). Из таблицы видно, что показатели Индекса демократии ряда государств в исследуемый период стали ниже по сравнению с предыдущим периодом. Это относится к Польше, Чехии, Венгрии, Дании, Нидерландам и т. д.

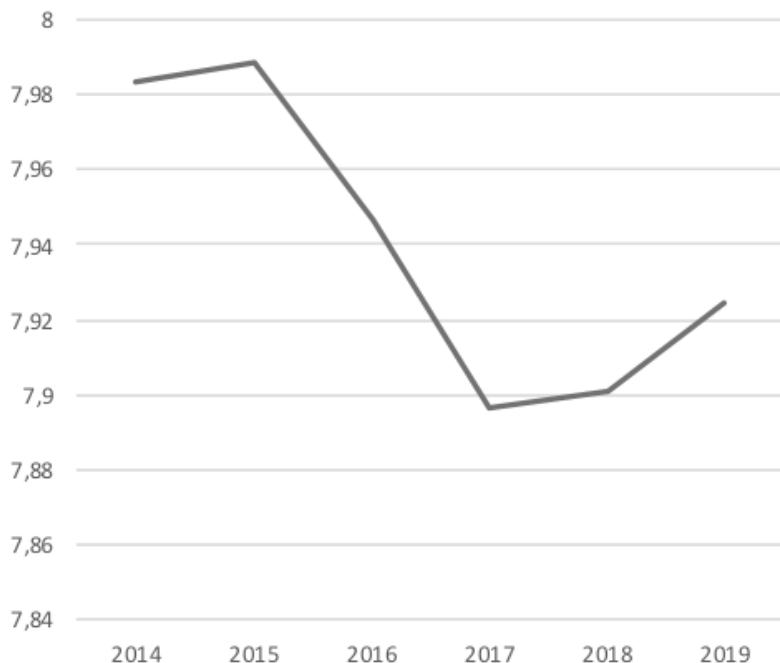

Рис. 2. Среднее значение Индекса демократии государств–членов ЕС (2014–2019 гг.)

Таблица 1

Динамика Индекса демократии государств–членов ЕС

Страна	Среднее значение индекса (2008–2013 гг.)	Среднее значение индекса (2014–2019 гг.)	Тип демократии (2014–2019 гг.)
Австрия	8,51	8,42	Полноценная
Бельгия	8,07	7,81	Несовершенная
Болгария	6,84	7,00	Несовершенная
Кипр	7,37	7,56	Несовершенная
Чехия	8,16	7,78	Несовершенная
Германия	8,44	8,65	Полноценная
Дания	9,49	9,18	Полноценная
Испания	8,13	8,17	Полноценная
Эстония	7,64	7,85	Несовершенная
Финляндия	9,12	9,09	Полноценная
Франция	7,81	7,93	Несовершенная
Греция	7,76	7,36	Несовершенная
Венгрия	7,12	6,73	Несовершенная
Ирландия	8,72	9,04	Полноценная
Италия	7,80	7,84	Несовершенная
Литва	7,32	7,49	Несовершенная
Люксембург	8,88	8,83	Полноценная
Латвия	7,09	7,38	Несовершенная
Мальта	8,30	8,25	Полноценная
Нидерланды	9,07	8,91	Полноценная
Польша	7,14	6,89	Несовершенная
Португалия	7,89	7,86	Несовершенная
Румыния	6,66	6,55	Несовершенная
Словакия	7,35	7,23	Несовершенная
Швеция	9,67	9,46	Полноценная
Великобритания	8,20	8,43	Полноценная
Хорватия	6,89	6,73	Несовершенная

Источник: составлено автором на основе данных Democracy Index.

Особо следует отметить *пятый предиктор* – принадлежность государства–члена ЕС к великим державам. Данный фактор является значимым, так как, несмотря на позиционирование ЕС как дееспособного на международной арене актора, что отмечено в принятой в 2016 г. глобальной внешнеполитической стратегии Союза¹⁰, среди стран–членов Союза есть государства, которые исторически относятся к великим державам и вплоть до настоящего времени играют весомую роль в мировой политике. Внешняя политика таких государств принципиально отличается от внешней политики держав иного порядка.

Для идентификации великих держав среди государств–членов ЕС использовался рейтинг военной мощи Global Firepower (GFP)¹¹, который рассчитывается на основе более чем 50 отдельных показателей. Был проанализирован топ-10 мировых держав с 2014 по 2019 г. Для каждого государства было подсчитано количество попаданий в десятку рейтинга. Сводный перечень топ-10 мировых держав за указанный выше временной промежуток представлен в табл. 2.

Таблица 2

Динамика Global Firepower Index топ-10 стран мира

Страна	Количество мест в топ-10 с 2014 по 2019 г.
США	7 из 7
РФ	7 из 7
КНР	7 из 7
Индия	7 из 7
Франция	7 из 7
Великобритания	7 из 7
Япония	7 из 7
Германия	6 из 7
Турция	6 из 7
Южная Корея	5 из 7

Источник: составлено автором на основе данных Global Firepower Index.

¹⁰ A Global strategy for the European Union’s foreign and security policy [Электронный ресурс] // An official website of the European Union. URL: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (дата обращения 26 июля 2020).

¹¹ Firepower Index [Электронный ресурс] // Global Firepower 2020. URL: <https://www.globalfirepower.com> (дата обращения 15 июля 2020).

Как можно увидеть из табл. 2, только три европейских государства за последние шесть лет стабильно входили в десятку великих держав: Франция, Великобритания и Германия.

Таблица 3

Переменные и их значения, включенные в выборку

Страна	Оценка отношений	Давность членства в ЕС	Членство в НАТО	Зависимость от торговли с РФ	Тип демократии	Принадлежность к великим державам
Австрия	28 481,6	Старое	Нет	Не зависит	Полноценная	Нет
Бельгия	4290,8	Старое	Да	Не зависит	Несовершенная	Нет
Болгария	11 464,5	Новое	Да	Зависит	Несовершенная	Нет
Кипр	7735,4	Новое	Нет	Не зависит	Несовершенная	Нет
Чехия	4558,9	Новое	Да	Не зависит	Несовершенная	Нет
Германия	167 276,4	Старое	Да	Не зависит	Несовершенная	Да
Дания	2231,5	Старое	Да	Не зависит	Полноценная	Нет
Испания	3551,7	Старое	Да	Не зависит	Полноценная	Нет
Эстония	214,4	Новое	Да	Зависит	Несовершенная	Нет
Финляндия	23502,5	Старое	Нет	Зависит	Полноценная	Нет
Франция	200 350,4	Старое	Да	Не зависит	Несовершенная	Да
Греция	19 573,8	Старое	Да	Зависит	Несовершенная	Нет
Венгрия	19 263,7	Новое	Да	Не зависит	Несовершенная	Нет

Окончание табл. 3

Страна	Оценка отношений	Давность членства в ЕС	Членство в НАТО	Зависимость от торговли с РФ	Тип демократии	Принадлежность к великим державам
Ирландия	421,5	Старое	Нет	Не зависит	Полноценная	Нет
Италия	29 742,4	Старое	Да	Не зависит	Несовершенная	Нет
Литва	-5016,0	Новое	Да	Зависит	Несовершенная	Нет
Люксембург	2484,4	Старое	Да	Не зависит	Полноценная	Нет
Латвия	5890,5	Новое	Да	Зависит	Несовершенная	Нет
Мальта	1973,0	Новое	Нет	Не зависит	Полноценная	Нет
Нидерланды	-2321,7	Старое	Да	Не зависит	Полноценная	Нет
Польша	6903,6	Новое	Да	Зависит	Несовершенная	Нет
Португалия	2618,1	Старое	Да	Не зависит	Несовершенная	Нет
Румыния	-2	Новое	Да	Не зависит	Несовершенная	Нет
Словакия	2976,3	Новое	Да	Не зависит	Несовершенная	Нет
Швеция	-3717,0	Старое	Нет	Не зависит	Полноценная	Нет
Великобритания	22 200,8	Старое	Да	Не зависит	Полноценная	Да
Хорватия	4501,9	Новое	Да	Не зависит	Несовершенная	Нет

Источник: составлено автором.

Таким образом, для исследования были получены значения зависимой переменной – оценка отношений между странами–членами ЕС и РФ – и пяти независимых переменных: давность членства в ЕС, членство в НАТО, зависимость от торговли с РФ, тип демократии, принадлежность к великим державам (табл. 3). Все расчеты производились при помощи языка программирования R.

Результаты исследования

Как видно из гистограммы частот (см. рис. 1), распределение зависимой переменной отличается от нормального, в том числе по причине наличия двух выбросов, которые обеспечивают показатели состояния германо-российских и франко-российских отношений. Это предположение подтверждается при использовании статистического критерия Шапиро–Уилка ($p = 1.608e-08$). Кроме того, на основе гистограммы распределения зависимой переменной можно допустить, что только *пятый предиктор* обеспечивает статистически значимые межгрупповые различия. Однако для получения точных результатов влияния принадлежности государства–члена ЕС к великим державам на его отношения с Россией необходимо использовать статистический U-критерий Манна–Уитни. Результаты применения этого критерия для каждого предиктора представлены в табл. 4 (уровень значимости $p < 0,05$).

Применение U-критерия Манна–Уитни продемонстрировало, что только один предиктор – принадлежность к великим державам – является статистически значимым. Данный тезис также подтверждают диаграммы, изображенные на рис. 3. Как видно из графика, медианы двух выборок сильно отличаются друг от друга.

Полученный результат позволяет сделать вывод о том, что в исследуемый период только фактор наличия у ряда стран ЕС статуса великой державы оказывал значимое влияние на их отношения с Россией. Если еще раз обратиться к распределению результатов инвент-анализа, то очевидно, что лишь германо- и франко-российские отношения демонстрировали положительную динамику, тогда как отношения остальных государств–членов ЕС с Россией либо переживали сложный период, либо демонстрировали отрицательную динамику развития.

Ввиду того что и Франция, и Германия являются великими державами, их внешняя политика носит глобальный характер и затрагивает большое количество проблем в области как «высокой», так и «низкой» безопасности. Следовательно, точек соприкосновения для кооперативного взаимодействия с Россией у этих стран

Таблица 4

Результаты применения U-критерия Манна-Уитни

Независимая переменная	Давность членства в ЕС	Членство в НАТО	Зависимость от торговли с РФ	Тип демократии	Принадлежность к великим державам
Зависимая переменная					
Оценка отношений	p = 0,3229	p = 0,8425	p = 0,85	p = 0,5765	p = 0,004786

Источник: составлено автором.

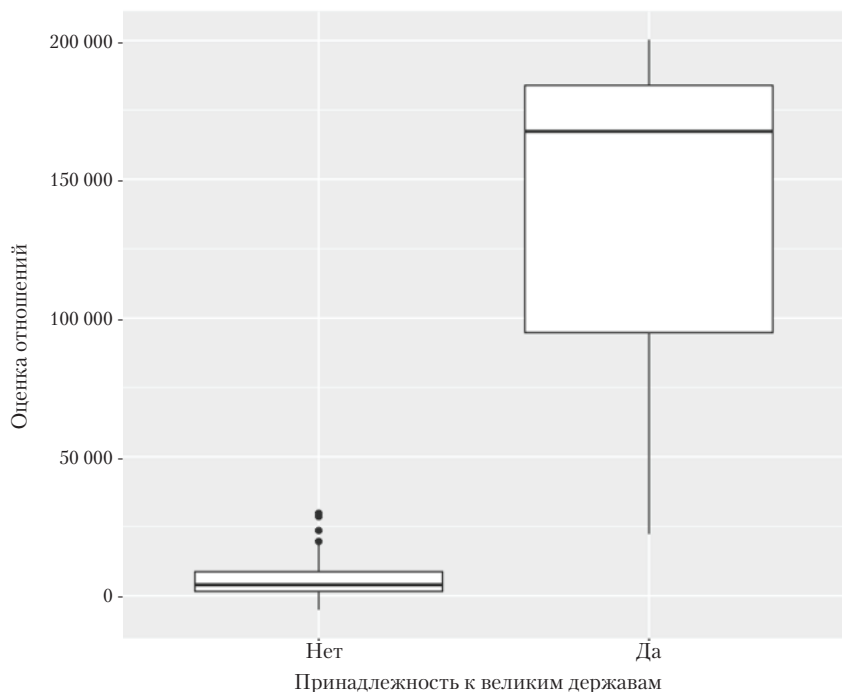

Рис. 3. Диаграммы типа «ящик с усами» для распределения значений зависимой переменной для великих держав (правый ряд) и держав иного порядка (левый ряд)

значительно больше. К числу совпадающих интересов Германии и Франции, с одной стороны, и России, с другой стороны, по которым в исследуемый период между этими странами был диалог, можно отнести: а) обеспечение европейской безопасности, в частности урегулирование украинского кризиса, а также заинтересованность в сохранении Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности; б) решение иранской ядерной проблемы посредством приверженности Совместному всеобъемлющему плану действий 2015 г.; в) достижение стабильности на Ближнем Востоке и в Северной Африке; г) борьбу с международным терроризмом и нарко-трафиком. Важнейшей точкой сопряжения российско-германских интересов является также вопрос энергетической безопасности. Руководство ФРГ заинтересовано в сохранении экспорта углеводородов из России в Европу, о чем свидетельствует поддержка

правительством Германии проекта «Северный поток-2» в рассматриваемый период.

В свою очередь, отношения между Великобританией и Россией в исследуемый период, за редким исключением, оставались напряженными. Значительное негативное влияние на них оказало «дело Скрипалей», в результате которого из Великобритании были высланы четыре российских дипломата и было прекращено двустороннее взаимодействие по линии спецслужб. Кроме того, исторически Великобритания является главным союзником США в Европе и следует в фарватере внешней политики Вашингтона. Тем не менее показатель состояния британо-российских отношений, который по результатам ивент-анализа составил 22 200,8 пункта, статистически не повлиял на значимость *пятого предиктора* в контексте исследования.

Таким образом, в результате проведенного анализа нам удалось подтвердить гипотезу о влиянии различий между государствами-членами ЕС на их отношения с Россией в рассматриваемый период.

Литература

- Борко 2015 – *Борко Ю.А.* Европейский союз–Россия: прошлое, настоящее, будущее // Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность / Под общ. ред. А.А. Громыко, М.Г. Носова. М.: Весь Мир, 2015. С. 60–92.
- Громыко 2013 – *Громыко А.А.* Россия и Евросоюз: динамика отношений // Россия–Европейский союз: возможности партнерства / Под ред. И.С. Иванова. М.: Спецкнига, 2013. С. 4–17.
- Ковальчук 2014 – *Ковальчук А.* Отношения между Россией и ЕС через испытание украинским кризисом // Международные процессы. 2014. № 3 (38). С. 83–92.
- Симония, Торкунов 2015 – *Симония Н.А., Торкунов А.В.* Энергобезопасность ЕС и Россия // Вестник МГИМО. Международные отношения. 2015. № 4 (43). С. 18–26.
- Тимофеев 2018 – *Тимофеев И.Н.* Санкции против России: подходы США и ЕС // Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: Хрестоматия / Под ред. И.С. Иванова, А.В. Картунова, И.Н. Тимофеева. М.: НП РСМД, 2018. С. 83–91.
- Фишер, Тимофеев 2018 – *Фишер З., Тимофеев И.Н.* Выборочное сотрудничество между ЕС и Россией [Электронный ресурс] // EUREN. 2018. С. 1–10. URL: https://russiancouncil.ru/papers/EU-Russia-Network-Interim-Report_RUS.pdf (дата обращения 2 авг. 2020).
- Goldstein 1990 – *Goldstein J.S.* A Conflict-Cooperation Scale for WEIS Events Data // The Journal of Conflict Resolution. 1992. Vol. 36. No. 2. P. 369–385.
- Maass 2017 – *Maass A.-S.* EU-Russia Relations, 1999–2015: From Courtship to Confrontation. NY: Routledge, 2017.

References

- Borko, Yu.A. (2015), "Russia and the European Union: the dynamics of relations", in Gromyko, A.A. and Nosova, M.G. (ed.), *Russia – the European Union: opportunities for partnership*, Ves Mir, Moscow, Russia, pp. 60–92.
- Gromyko, A.A. (2013), "Russia and the European Union: the dynamics of relations", in Ivanova, I.S. (ed.), *Russia – the European Union: opportunities for partnership*, Spetskniga Moscow, Russia, pp. 4–17.
- Kovalchuk, A. (2014), "Relations between Russia and the EU through the test of the Ukrainian crisis", *Mezhdunarodnye protsessy*, no. 3 (38), pp. 83–92.
- Simoniya, N.A. and Torkunov, A.V. (2015), "Energy security of the EU and Russia", *MGIMO Review of International Relations*, no. 4 (43), pp. 18–26.
- Timofeev, I.N. (2018), "Sanctions against Russia: the approaches of the US and the EU in Ivanova", in Ivanov, I.S., Kortunov, A.V. and Timofeev, I.N. (ed.), *Politika sanktsii: tseli, strategii, instrumenty: khrestomatiya* [Sanctions policy: goals, strategies, tools: a reader], NP RSMD, Moscow, Russia, pp. 83–91.
- Fisher, Z. and Timofeev, I.N. (2018), "Selective cooperation between the EU and Russia" [Online], *EUREN*, pp. 1–10, available at: https://russiancouncil.ru/papers/EU-Russia-Network-Interim-Report_RUS.pdf (Accessed 2 Aug. 2020).
- Goldstein, J.S. (1992), "A Conflict-Cooperation Scale for WEIS Events Data", *The Journal of Conflict Resolution*, vol. 36, no. 2, pp. 369–385.
- Maass, A-S. (2017), *EU-Russia Relations, 1999–2015. From Courtship to Confrontation*, NY, Routledge.

Информация об авторе

Денис О. Вакарчук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; vakarchuk.d@rggu.ru

Information about the author

Denis O. Vakarchuk, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; vakarchuk.d@rggu.ru

Вызовы национальной безопасности РФ в Арктическом регионе

Павел А. Анисимов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, anisimov.p@rggu.ru*

Аннотация. В статье исследуются основные вызовы национальной безопасности Российской Федерации в Арктическом регионе. В частности, проанализированы причины поведенческих паттернов России и стран НАТО в отношении Арктики сквозь призму реалистической парадигмы теории международных отношений. Именно комплексный подход к рассмотрению арктической ситуации обуславливает новизну и актуальность исследования.

В связи с открытием и освоением крупных месторождений полезных ископаемых роль региона в современных мирополитических процессах возросла. Также с конца XX – начала XXI в. Арктика находится в фокусе повышенного внимания международных акторов благодаря своему геополитическому значению. Все это делает ее приоритетом и для России.

Активизация хозяйственной деятельности РФ в Арктике, а также реализация таких проектов, как Северный морской путь, становится причиной нарастания напряженности в регионе. США и другие страны НАТО, чьи геополитические интересы оказываются затронуты, не только усиливают антироссийскую риторику, но и наращивают свое военное присутствие. В свою очередь, это воспринимается российской стороной как стратегическая угроза и приводит к зеркальным мерам, включающим в себя развертывание объектов военной инфраструктуры и увеличение числа военных учений. Однако, несмотря на рост напряженности в Арктике, Россия последовательно демонстрирует готовность к открытому диалогу и сотрудничеству с западными партнерами.

Ключевые слова: Арктика, энергетические ресурсы, Северный морской путь, милитаризация, национальная безопасность, Россия, НАТО

Для цитирования: Анисимов П.А. Вызовы национальной безопасности РФ в Арктическом регионе // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 74–83. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-74-83

National Security Challenges of the Russian Federation in the Arctic Region

Pavel A. Anisimov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
anisimov.p@rggu.ru*

Abstract. The article examines the main challenges to the national security of the Russian Federation in the Arctic region. In particular, the author analyzes the reasons for the behavioral patterns of Russia and the NATO countries in relation to the Arctic through the prism of a realistic paradigm in the theory of international relations. It is the comprehensive approach to the consideration of the Arctic situation that determines the novelty and relevance of the study.

In connection with the discovery and development of large mineral deposits, the role of the Arctic region in modern world political processes has increased. Also, since the late 20th – early 21st century, the Arctic has been in the focus of increased attention of international actors due to its geopolitical importance. All this makes it a priority for Russia.

The intensification of the economic activity of the Russian Federation in the Arctic, as well as the implementation of such projects as the Northern Sea Route, has become the cause of the growing tensions in the region. The United States and other NATO countries, whose geopolitical interests are affected, are not only strengthening their anti-Russian rhetoric, but also increasing their military presence. In turn, this is perceived by the Russian side as a strategic threat and leads to mirror measures, including the deployment of a military infrastructure and an increase in the number of military exercises. However, despite growing tensions in the Arctic, Russia has consistently demonstrated its readiness for open dialogue and cooperation with its Western partners.

Keywords: Arctic, energy resources, Northern Sea Route, militarization, national security, Russia, NATO

For citation: Anisimov, P.A. (2020), “National Security Challenges of the Russian Federation in the Arctic Region”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 74–83, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-74-83

Введение

В настоящее время роль Арктики в мировой политике существенно возрастает, что обусловлено такими процессами, как изменение климата и развитие технологий в области добычи углеводородов, позволяющими более активно эксплуатировать ресурсы и развивать транспортную деятельность. Арктику принято считать

стабильным регионом, где существуют возможности сотрудничества и соблюдения норм международного права. Однако из-за сталкивающихся экономических и политических интересов России и других арктических стран наблюдается усиление напряженности, которое угрожает региональной стабильности.

В статье изучаются национальные интересы, основы политики, а также вызовы национальной безопасности России в Арктике. Арктическая тематика популярна в академическом дискурсе российских и западных исследователей, в частности, работы посвящены роли Арктики в повестке международных отношений [Коньшев, Сергунин 2011], а также проблематике безопасности и сотрудничества в регионе [Загорский 2016]¹.

Арктическая политика России: прошлое и настоящее

Российская Федерация является самым крупным арктическим государством. Основы современной политики России в Арктике были заложены еще во времена СССР. Улучшение советско-американских отношений позволило М.С. Горбачеву в октябре 1987 г. выдвинуть «мурманские инициативы», послужившие прологом сотрудничества в Баренцевом/Евроарктическом регионе. В частности, предполагалось создать в Северной Европе безъядерную зону, ограничить военно-морскую активность в прилегающих морях и т. д.²

В 1997 г. Российская Федерация ратифицировала Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г., после чего внешняя политика страны на арктическом направлении активизировалась. В 2001 г. Президентом РФ была утверждена Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 г., в которой Арктика была выделена в отдельное региональное направление, что было обусловлено

¹Melino M., Conley H.A. The Ice Curtain: Russia's Arctic Military Presence [Электронный ресурс] // CCIS. URL: <https://www.csis.org/features/ice-curtain-russias-arctic-military-presence> (дата обращения 23 сент. 2020); Klimenko E. The Geopolitics of a Changing Arctic [Электронный ресурс] // SIPRI Background Paper, December 2019. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2019-12/sipribp1912_geopolitics_in_the_arctic.pdf (дата обращения 23 сент. 2020).

²Фокин Ю.Е., Смирнов А.И. Киркенесская декларация о сотрудничестве в Баренцевом/Евроарктическом регионе: взгляд из России 20 лет спустя. М., 2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/e4e/e4ee3b47adb64169c5912a294a394cac.pdf> (дата обращения 23 сент. 2020 г.).

важностью обеспечения свободного выхода сил Военно-морского флота России в Атлантический океан, а также богатствами исключительной экономической зоны и континентального шельфа. В документе также были обозначены долгосрочные задачи на Арктическом направлении, среди которых можно выделить защиту национальных интересов России в регионе, а также его освоение и исследование с ориентацией на развитие экспортных отраслей³.

В 2006 г. была представлена Концепция устойчивого развития Арктической зоны РФ, в которой она впервые выделялась в особый объект государственного регулирования.

В 2007 г. была организована российская научно-исследовательская экспедиция «Арктика-2007», в ходе которой учеными впервые было достигнуто дно Северного Ледовитого океана в точке географического Северного полюса, где был установлен Государственный флаг Российской Федерации. В сентябре 2008 г. на Земле Франца-Иосифа состоялось выездное совещание Совета безопасности РФ, на котором были приняты «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу». Установка флага России и проведение совещания Совета безопасности на арктической территории вызвали обеспокоенность западных стран. Так, например, по мнению премьер-министра Канады Стивена Харпера, эти события послужили подтверждением необходимости отстаивать свой суверенитет в Арктическом регионе⁴.

В марте 2020 г. Владимир Путин подписал Указ «Об Основах государственной политики России в Арктике на период до 2035 года»⁵. В документе четко сформулированы национальные интересы в регионе и угрозы национальной безопасности. Приоритетами российской политики в Арктике является сохранение мира и взаимовыгодного сотрудничества в регионе, развитие и рацио-

³Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1800> (дата обращения 23 сент. 2020).

⁴Лед и пламя: Канадский премьер проинспектирует Арктику [Электронный ресурс] // Российская газета. 2007. 9 авг. URL: <https://rg.ru/2007/08/09/arktika-kanada.html> (дата обращения 23 сент. 2020).

⁵Указ Президента Российской Федерации от 5 марта 2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003050019?index=1&rangeSize=1> (дата обращения 23 сент. 2020).

нальное использование его ресурсной базы в целях экономического роста страны, развитие Северного морского пути и др.

В настоящее время энергоресурсы играют определяющую роль в формировании экономического потенциала большинства стран. Ввиду истощения материковых месторождений нефтегазовых ресурсов актуальным становится развитие мест добычи в Арктике, обладающих богатым минерально-сырьевым потенциалом. С этой точки зрения регион имеет важное геополитическое значение для России и рассматривается как стратегическая ресурсная база, которая может обеспечить решение задач социально-экономического развития государства. Несмотря на постепенное увеличение доли возобновляемых источников энергии в энергоснабжении, нефтегазовые ресурсы продолжают иметь большое значение для России, так как поступления от добычи и экспорта углеводородов составляют не менее 42% доходов бюджета страны [Бортников 2015, с. 431]. В то же время, по разным оценкам, России принадлежит примерно 41% всех нефтегазовых ресурсов Арктики⁶.

Также на долю Арктики приходятся большие запасы минералов, редких металлов, руд и другого сырья, имеющие стратегическое значение для России. Важность наличия залежей металлов определяется не только вкладом в национальный бюджет, но и ролью в обеспечении ВПК.

Северный морской путь как фактор арктической политики России

Помимо развития ресурсной базы в Арктической зоне, интерес для России представляет Северный морской путь протяженностью около 3500 миль (5600 км), который простирается от Берингова пролива на востоке до Карских ворот на западе. В условиях продолжающегося таяния полярных льдов появляются перспективы для расширения навигации и открытия новых судоходных маршрутов через арктические воды. Ожидается, что это увеличит возможности для развития морской добычи нефти и газа, морского судоходства и туризма и, следовательно, темпы экономического роста. Транспортировка грузов через Северный морской путь, самый короткий маршрут между европейской частью России и Дальним Востоком, предоставляет значительную экономию топлива и времени.

⁶Запасы нефти российской арктической зоны оцениваются в 7,3 млрд тонн [Электронный ресурс] // ТАСС. 2019. 13 нояб. URL: <https://tass.ru/ekonomika/7109643> (дата обращения 23 сент. 2020).

Развитие Северного морского пути играет важную роль для развития региона и осуществления транспортных перевозок между Азией и Европой, что находит подтверждение и в Концепции внешней политики РФ 2016 г.

Северный морской путь в перспективе может стать трансконтинентальным евроазиатским морским коридором. В этой связи на проходившем в Пекине в апреле 2019 г. форуме «Один пояс – один путь» В. Путин высказался о возможности соединения Северного морского пути и китайского Морского шелкового пути, что позволит создать новый конкурентный маршрут, посредством которого получится связать Северо-Восточную, Восточную и Юго-Восточную Азию с Европой⁷.

Интерес России к Северному морскому пути определяется экономической выгодой. При дальнейшем развитии он станет более привлекательной альтернативой текущему трафику между портами Европы, Дальнего Востока и Северной Америки, в первую очередь через Суэцкий канал. Так, выступая на Арктическом форуме в Санкт-Петербурге в апреле 2019 г., В. Путин подчеркнул намерение России наращивать перевозки по Северному морскому пути⁸. Объем грузов, перевозимых по Северному морскому пути, в 2019 г. вырастет по сравнению с предыдущим годом с 20 млн тонн до 29–30 млн тонн⁹.

Стоит отметить, что Россия рассматривает Северный морской путь в качестве национальной транспортной коммуникации. Несмотря на это, военные корабли НАТО, и в частности США, периодически пытаются дестабилизировать ситуацию, устраивая разного рода провокации, так как руководство стран альянса считает, что маршрут должен быть открыт для свободной навигации. Так, например, 7 сентября 2020 г. в акваторию Баренцева моря вошли боевые корабли стран НАТО во главе с эсминцем США. В связи с этим за последнее время Россия внесла несколько важных изменений, связанных с использованием маршрута. В том числе к ним относятся новые правила плавания в акватории Северного морского

⁷Путин заявил о возможности стыковки Севморпути с Морским шелковым путем [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2019. 27 апр. URL: <https://ria.ru/20190427/1553104423.html> (дата обращения 23 сент. 2020).

⁸Россия будет наращивать перевозки по Северному морскому пути, заявил Путин [Электронный ресурс] // РИА Новости. 9 апр. URL: <https://ria.ru/20190409/1552515199.html> (дата обращения 23 сент. 2020).

⁹Грузопоток Севморпути в 2019 году вырастет до 29–30 миллионов тонн [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2019. 10 апр. URL: <https://ria.ru/20190410/1552552493.html> (дата обращения 23 сент. 2020).

пути, утвержденные постановлением Правительства РФ от 18 сентября 2020 г., согласно которым устанавливается разрешительный порядок плавания судов¹⁰. В связи с этим все иностранные суда и военные корабли обязаны уведомлять Москву о своих планах.

Нарастание напряженности в Арктике

Наращивание хозяйственной деятельности России в Арктике, а также активная реализация проектов в регионе затрагивает геополитические интересы США и НАТО. После периода адаптации России в новых международных реалиях в 1990-х гг. и упрочения своих позиций в системе международных отношений в начале 2000-х гг. Россия пытается вернуть свои позиции в Арктике, что вызывает недовольство западных стран. В целях сдерживания России и недопущения реализации ее проектов по освоению арктической территории страны НАТО наращивают антироссийскую риторику, военные учения и разведывательную деятельность в Арктике, что является одним из основных вызовов для России в сфере обеспечения национальной безопасности и приводит к возрастанию конфликтного потенциала в регионе. Так, командующий Северным флотом Александр Моисеев сообщил 27 декабря 2019 г. на селекторном совещании в Министерстве обороны РФ, что НАТО увеличила как количество, так и масштабность мероприятий оперативной и боевой подготовки. В целом количество подобных мероприятий НАТО возросло на 17%, а деятельность по разведке – на 15%¹¹. В качестве одного из примеров военной активности Североатлантического альянса можно привести широкомасштабные военные учения «Единый трезубец 2018» (“Trident Juncture 2018”), прошедшие с 25 октября по 23 ноября 2018 г. в Норвегии. В учениях, которые стали самыми крупными со времен окончания холодной войны, были задействованы 65 кораблей, 250 самолетов и около 50 тыс. военнослужащих. Цель заключалась

¹⁰Постановление Правительства Российской Федерации от 18 сент. 2020 г. № 1487 «Об утверждении Правил плавания в акватории Северного морского пути» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202009220024?index=0&rangeSize=1> (дата обращения 23 сент. 2020).

¹¹НАТО проводит в Арктике все больше учений – Северный флот [Электронный ресурс] // Regnum. 2019. 27 дек. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2819906.html> (дата обращения 23 сент. 2020).

в подготовке Сил быстрого реагирования НАТО и проверке обороноспособности альянса.

Помимо наращивания военных учений, происходит увеличение численности сил НАТО в Арктике. Так, например, на фоне конфликта вокруг Украины и усиления российской военной активности в Арктике власти Норвегии обратились к США в 2017 г. с просьбой усилить свое присутствие в их стране. Россия, в свою очередь, выражает озабоченность реализацией планов НАТО по наращиванию возможностей национальных вооруженных сил для действий в Арктическом регионе.

Ответ России на вызовы безопасности

Россия реагирует на меняющуюся обстановку в Арктике и возникающие вызовы национальным интересам и безопасности в регионе, намереваясь более надежно прикрыть северное стратегическое направление. С 2012 г. Министерство обороны РФ построило в регионе 475 объектов военной инфраструктуры общей площадью более 710 тыс. кв. метров, где сегодня размещены военнослужащие, техника и вооружение¹².

Военный потенциал России распределен между восточной и западной половинами ее арктической территории. В восточной части российской Арктики международные суда следуют из Азиатско-Тихоокеанского региона через узкий Берингов пролив, чтобы войти в Северный морской путь. В этом районе Россия построила радиолокационные станции, такие как «Сопка-2» на острове Врангеля и мысе Шмидта, для повышения осведомленности. Системы в восточной части Арктики создают купол, защищая обширную арктическую береговую линию России и улучшая ее общую способность обнаруживать и отслеживать суда и самолеты.

Военное присутствие России трансформируется по мере продвижения в центральный арктический регион, где было размещено более сложное оборудование для защиты воздушных и морских владений. Например, остров Котельный и архипелаг Новая Земля оснащены такими системами ПВО, как Бастион-П и Панцирь-С1. Эти системы создают сложную многоуровневую систему защиты побережья.

¹² Арктика 2008–2020: итоги 12-летней стратегии развития [Электронный ресурс] // Ритм Евразии. 2020. 17 янв. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2020-01-17--arktika-2008-2020-itogi-12-letnej-strategii-razvitiya-46994> (дата обращения 23 сент. 2020).

В ответ на действия западных стран Россия также нарастила количество мероприятий по боевой подготовке. За 2019 г. Северный флот провел 590 учений и свыше 900 тренировок. Кроме того, в июне 2020 г. В. Путин подписал указ, согласно которому с 1 января следующего года Северный флот станет отдельной военно-административной единицей – пятым военным округом (наравне с Западным, Южным, Центральным и Восточным).

Несмотря на нарастающую напряженность в регионе, международное сотрудничество и взаимный учет интересов должны лежать в основе политики, проводимой странами в Арктике. По мнению В. Путина, Арктика должна стать пространством для открытого диалога, базирующегося на всеобщей безопасности¹³. Россия активно и последовательно стремится к сотрудничеству с Западом в Арктике. Так, например, в России с 2010 г. проводится Международный арктический форум «Арктика – территория диалога», который является крупнейшей площадкой для совместного обсуждения с зарубежными партнерами актуальных проблем и перспектив развития региона. По распоряжению Правительства РФ от 24 сентября 2016 г. форум проходит раз в два года в Архангельске.

Заключение

Возросшая роль Арктики в современных мирополитических процессах главным образом обусловлена экономическими и политическими интересами арктических стран. Для России, являющейся самым крупным арктическим государством, регион имеет стратегическое значение. В качестве приоритетов своей политики в Арктике Россия ставит сохранение мира и взаимовыгодного сотрудничества, расширение ресурсной базы и ее рациональное использование в целях экономического роста страны, развитие Северного морского пути и др.

Попытки России вернуть занимаемые позиции в Арктике вызывают недовольство западных стран, что приводит к наращиванию антироссийской риторики и военной активности в регионе. Россия не оставляет без ответа недружественные шаги западных стран, предпринимая меры по укреплению северных рубежей. В ответ на действия западных стран Россия увеличила воинский контингент и количество мероприятий по боевой подготовке.

¹³ Путин призвал отказаться от геополитических игр в Арктике [Электронный ресурс] // Лента.ру. 2016. 30 авг. URL: https://lenta.ru/news/2016/08/30/nikakikh_igr (дата обращения 23 сент. 2020).

Однако, несмотря на нарастающую напряженность, Россия последовательно стремится к сотрудничеству с Западом в регионе. Арктическим странам необходимо преодолевать трудности, препятствующие сотрудничеству на взаимовыгодной и конструктивной основе, и прилагать совместные усилия по сохранению региона в качестве зоны стабильности и международного сотрудничества.

Литература

- Бортников 2015 – *Бортников Н.С.* Стратегические минеральные ресурсы Российской Арктики // Вестник Российской академии наук. 2015. Т. 85. № 5–6. С. 431–437.
- Загорский 2016 – *Загорский А.В.* Нестратегические вопросы безопасности и сотрудничества в Арктике. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 104 с.
- Коньшев, Сергунин 2011 – *Коньшев В.Н., Сергунин А.А.* Арктика в международной политике: сотрудничество или соперничество? М.: РИСИ, 2011. 194 с.

References

- Bortnikov, N.S. (2015), “Strategic Mineral Resources of the Russian Arctic”, *Vestnik Rossiiskoi Akademii Nauk*, 2015, vol. 85, no. 5–6, pp. 431–437.
- Konyshov, V.N. and Sergunin, A.A. (2011), *Arktika v mezhdunarodnoi politike: sotrudnichestvo ili sopernichestvo?* [The Arctic in International Politics: Cooperation or Rivalry?], RISS, Moscow, Russia.
- Zagorskii, A.V. (2016), *Nestrategicheskie voprosy bezopasnosti i sotrudnichestva v Arktike* [Non-strategic issues of security and cooperation in the Arctic], IMEMO RAS, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Павел А. Анисимов, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; anisimov.p@rggu.ru

Information about the author

Pavel A. Anisimov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; anisimov.p@rggu.ru

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 308(410)

DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-84-98

Борьба за Британию: Лондон в коммеморациях его жителей

Людмила А. Халилова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, khal.lyudmila2012@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена коммеморациям жителей Лондона, связанным с тем периодом в истории столицы Великобритании, который именуется «Блиц». Подобные воспоминания о Второй мировой войне очень ценны, так как они дают реальное представление о поведении, чувствах и опыте непосредственных участников событий. Реминисценции глубоко погружают нас в разные события Блица, демонстрируя как невероятную жестокость врага, так и благородный порыв жителей столицы Великобритании сохранить свою человеческую сущность. Период Блица породил множество свидетельств о масштабах бомбардировок. Данная статья анализирует воспоминания знаменитых писателей, военных корреспондентов, художников, а также тех, кто занимался ликвидацией последствий налетов – пожарных, волонтеров. Среди свидетелей тех событий есть и обычные жители – взрослые и дети. Известный журналист Эрни Пайл оставил нам описание массированных ночных бомбардировок; в результате одной из них в городе вспыхнул пожар, который назовут Вторым Великим пожаром Лондона. Вирджиния Вульф не только описала свои чувства во время налета немецкой авиации, но и представила свои размышления о мире. Показания очевидцев свидетельствуют о разрухе, страданиях, страхе. И в то же время люди проявляли стойкость, героизм и неповиновение врагу, они продолжали жить среди руин – укрываясь в убежищах, создавая в метро органы самоуправления, играя в крикет среди обломков зданий, разбивая огороды всюду, где это возможно. Кроме того, как пишет другой известный журналист и путешественник, Генри Мортон, жители Лондона, несмотря на безжалостные бомбардировки, не утратили и присущее британцам чувство юмора. Документальные источники подтверждают, что моральный дух населения был очень высок: старики и молодежь, богатые и бедные – все сплотились в едином порыве побе-

© Халилова Л.А., 2020

дять. Эти люди не собирались сдаваться, они готовы были идти до конца. Многие исследователи считают, что мужество британцев, проявленное во время Блица, твердость духа и уверенность в победе способствовали формированию их национальной идентичности.

Ключевые слова: коммеморации, воспоминания, Блиц, Вторая мировая война, Второй Великий пожар Лондона, жители Лондона, свидетель, бомбардировка, бомбоубежище, Вирджиния Вульф, Эрн Пайл, Генри Мортон, пожарные, районные бригады волонтеров

Для цитирования: Халилова Л.А. Борьба за Британию: Лондон в коммеморациях его жителей // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 84–98. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-84-98

Battle of Britain: London in Londoners' Commemorations

Lyudmila A. Khalilova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
khal.lyudmila2012@yandex.ru*

Abstract. The article is devoted to the Blitz commemorations of the citizens of London. Such WWII memoirs are extremely precious since they give the reader a first-person view of the witness's actions, feelings, experiences. Reminiscences make us deeply involved in different events of the Blitz, showing both the unbelievable ruthlessness of the enemy and the endeavor of the citizens of the British capital to retain their human nature. The Blitz period has originated a lot of accounts connected with the scale of bombardment. The present paper tackles the recollections of renowned writers, war correspondents, artists, people at work – firefighters and local defense volunteers. Ordinary citizens – grown-ups and children – were also among the onlookers. Ernie Pyle, a famous journalist, presented a description of blanket night bombings, one of which resulted in the Second Great Fire of London. Virginia Woolf did not only describe her feelings during an air raid but also reflected on future peace. Eyewitnesses' accounts convey the images of devastation, sufferings, horror. And, at the same time, people stayed heroic and defiant, they continued living among the ruins – sheltering, developing their own mini-governments in the Tube, playing cricket amidst debris, digging for victory. Moreover, as Henry Morton, another famous journalist and traveler, reported, Londoners had not lost their sense of humor even under unrelenting bombardment. The documentary sources indicate that the spirits were high: the old and the young, the rich and the poor were getting along, joined together. Those people were

not going to give up, they turned out to be staunch to the end. Many scholars tend to think that the courage of Britons during the Blitz, their determination and confidence in victory have brought about the British national identity.

Keywords: commemorations, reminiscences, Blitz, WWII, Second Great Fire of London, citizens of London, eyewitness, bombardment, shelter, Virginia Woolf, Ernie Pyle, Henry Morton, firefighters, local defense volunteers

For citation: Khalilova, L.A. (2020), “Battle of Britain: London in Londoners’ Commemorations”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 84–98, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-84-98

Введение

Любой советский человек, попавший в Лондон в 80-х гг. прошлого века и пожелавший осмотреть собор Св. Павла, испытал то, что можно назвать “defeated expectioncy” – «обманутое ожидание». До момента посещения восхитительного творения великого английского архитектора Кристофера Рена представлялось, что эта глыба из камня стоит в окружении красивых старинных зданий на улице Ладгейт Хилл. Однако взору путешественника открывалась совсем иная картина: рядом с этим величественным сооружением во многих местах зияли пустоши. Конечно, это были облагороженные пустоши – красивая зеленая трава, элегантно подстриженная, но все-таки – трава.

А причина такого запустения была проста – следствие страшных массированных бомбардировок Лондона. В советских учебниках по истории тема «Битва за Британию» практически не затрагивалась, а столица Великобритании упоминалась лишь вскользь. Правда, несколько фраз было сказано о Ковентри. Вероятно, потому, что это был город с развитой автоиндустрией и, следовательно, с большим количеством working class people. А о них, трудовом народе, об ужасах бомбардировок, которые пришлось испытать рабочему люду, писать было разрешено.

Временные рамки и описание отдельных событий «Битвы за Британию» (“Battle of Britain”, июль – сентябрь 1940 г.) и «Блица» (“The Blitz”, сентябрь 1940 г. – май 1941 г.) невозможно оставить за рамками данного исследования, так как они неразрывно связаны и перекликаются с воспоминаниями и высказываниями очевидцев тех событий.

Считается, что Блиц ограничивается периодом с 7 сентября 1940 г. по 10 мая 1941 г. Несмотря на то что видные государствен-

ные деятели Запада «забывают» в последнее время упомянуть о СССР как об одном из главных акторов Второй мировой войны, в работах многих английских историков конечная дата авианалетов Люфтваффе связывается именно с подготовкой Германии к войне против Советского Союза, а не с тем, что военно-воздушные силы Соединенного Королевства могли к маю 1941 г. оказывать адекватный отпор врагу. Именно к такому выводу о причинах завершения массированных бомбардировок Лондона приходят авторы важного документа – учебно-методического пособия по преподаванию в средних учебных заведениях Соединенного Королевства истории Второй мировой войны и периода Блица. Они, научные работники музея Королевских военно-воздушных сил (Royal Air Force Museum, London), считают, что жестокие и жесткие бомбардировки столицы Великобритании авиацией гитлеровской Германии утихли в связи с необходимостью переброски ряда авиационных отрядов на Восточный фронт для последующего наступления на СССР¹.

Второй Великий пожар Лондона

Массированные бомбардировки не прекращались с сентября 1940 г. Тем не менее в преддверии и во время Рождества в небе Лондона наступило некоторое затишье. Однако 29 декабря в 18.15 (GMT, среднее время по Гринвичу) немецкие бомбардировщики появились вновь, и то, что они оставили после себя, именуется Вторым Великим пожаром Лондона (the Second Great Fire of London). Тысячи тонн зажигательных бомб и авиамин обрушились на центр британской столицы. К 18.30 Лондонский Сити был охвачен огнем, разрушено огромное количество зданий. И это были те же самые улицы, которые были объаты огнем в далеком 1666 г. И именно в этот момент военный корреспондент одной из американских газет телеграфировал из Лондона: «Начался Второй Великий пожар Лондона»². Если бы не туман, который неожиданно окутал Ламанш и заставил летчиков вернуться домой, разрушений и огня могло бы быть гораздо больше.

¹Teacher Resource Pack: Life in the Blitz – Life in the Blitz – RAF Museum [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tes.com/teaching-resource/3-life-in-the-blitz-12229055> (дата обращения 19 окт. 2020).

²How St Paul's Cathedral survived the Blitz [Электронный ресурс] // BBC News. 2010. December 29. URL: <https://www.bbc.com/news/magazine-12016916> (дата обращения 19 окт. 2020).

Одним из самых известных корреспондентов военного времени считается Эрни Пайл (Ernie Pyle). В 1941 г. выходит его книга *Ernie Pyle in England*. Здесь собраны репортажи Пайла периода бомбардировок Лондона. Воспоминания журналиста о памятном всем лондонцам дне – 29 декабря 1940 г. – представляют собой одно из лучших и близких к реальности описаний той ночи, когда Лондон, как повествует Пайл, «убивали огнем»: «Они прилетели сразу после наступления темноты, и по тому, как часто и ожесточенно стреляли орудия, можно было определить, какой нележкой будет сегодняшняя ночь. Сразу после того, как прекратился вой сирен, послышался гул самолетов, размальбывающих небо над нашими головами. В моей комнате с задернутыми черными шторами чувствовалось сотрясение орудий. Можно было слышать рокот, гул, грохот тяжелых снарядов, которые вершили свою черную работу, разрывая здания на куски»³ [Pyle 2017, p. 25].

Все вокруг собора Св. Павла стояло в руинах. Были разрушения и в соборе, но он выжил. Как случилось так, что шедевр архитектуры уцелел? Вряд ли причиной могло стать указание Уинстона Черчилля – чего бы это ни стоило, защитить собор Св. Павла, хотя, конечно же, сохранение великого творения Кристофера Рена, считало правительство, должно поднять боевой дух англичан.

Ситуация действительно была чрезвычайно сложной: городской водопровод разрушен, на Темзе – отлив, в прибрежной полосе – огромное количество неразорвавшихся мин. Над головами пожарных – непрерывный град из бомб, тлеющей древесины, обломков зданий. В ту ночь было дежурство пожарного Сэма Шавё (Sam Chauveau). Из его воспоминаний: «К тому времени, когда мы на крыше Фондовой биржи погасили огонь, небо, которое было сначала черным-черно, меняло свой цвет на желто-оранжевый. Было такое впечатление, что пламенем объята и собор Св. Павла, и окружающий его церковный двор»⁴.

С этими свидетельствами перекликается описание Эрни Пайла: «Самый крупный из пожаров был непосредственно напротив нас. Казалось, пламя взлетало в небо на сотни футов. Бело-розовый дым, как воздушный шар, поднимался в виде огромного облака, и из этого облака постепенно проступал – сначала едва различимо, что мы даже не могли поверить своим глазам – гигантский купол собора Св. Павла. Со всех сторон собора пылало пламя, а он стоял. Он был

³Здесь и далее перевод – мой (Л. Х.).

⁴*Richards J.* The Blitz: Sorting the Myth from the Reality [Электронный ресурс]. URL: https://www.bbc.co.uk/history/british/britain_wwtwo/blitz_01.shtml (дата обращения 19 окт. 2020).

там, и его размеры казались огромными – он вырисовывался все больше и больше, как обретают форму объекты на рассвете. Точно так же перед глазами солдата, жаждущего мира, появляется на поле битвы чудодейственный образ Спасителя» [Pyle 2017, p. 27].

Бомбы буквально «сыпались» на собор Св. Павла. Пожарные и волонтеры с мешками песка и водяными насосами в руках бегали по бесчисленным коридорам здания, гася языки пламени. Около 9 часов вечера на крышу собора упала зажигательная бомба. Свинцовая облицовка купола задымилась и стала плавиться. Добраться до купола не представляло никакой возможности. Однако удача оказалась на стороне добровольцев пожарной охраны. Бомба не удержалась на крыше и упала на пол Stone Gallery. Усилиями людей она была потушена. Собор был спасен благодаря отваге сотен пожарных и волонтеров – обычных жителей Лондона.

Во время войны весь мир поразила фотография – собор Св. Павла, хотя и объятый клубами дыма, на фоне остовов зданий и зияющих пустотами окон, но – «живой». Он оказал сопротивление и не поддался врагу. Этот фотодокумент – тоже коммеморация, свидетельство того времени, совпадающее с вербальными повествованиями очевидцев событий. Автор фотографии – Герберт Мейсон (Herbert Mason), журналист газеты *The Daily Mail*. Фотография сделана им в ту же ночь страшных бомбардировок Лондона 29 декабря 1940 г. и была опубликована под заголовком “War’s Greatest Picture”. В газете утверждалось, что фотодокумент символизирует волю лондонцев к победе, торжество справедливости над злом. Чтобы придать большее величие собору Св. Павла как символу стойкости и отваги, остовы зданий на переднем плане ретушировали.

Каково же было удивление редакционной коллегии, когда эта же фотография появляется через несколько дней на передней полосе немецкой газеты *Berliner Illustrierte Zeitung* с пометкой “Die City von London brennt!” (Сити Лондона – в огне!). Ретушь была убрана, и в газете утверждалось, что финансовый «становой хребет» Британии (“britischen Hochfinanz”) объят пламенем, самым значительным со времени “Jahre 1666”. Здесь уже не столько собор, сколько намеренно скорректированные и выделенные черным цветом разрушенные каркасы домов символизировали полное превосходство и скорую победу Германии⁵. Одно документальное свидетельство и какая разная интерпретация!

⁵London Blitz – 29th December 1940 – Iconic Photos [Электронный ресурс]. URL: <https://iconicphotos.wordpress.com/2010/11/12/london-blitz-29th-december-1940/> (дата обращения 19 окт. 2020).

Маршал военно-воздушных сил Великобритании Артур Харрис (Arthur “Bomber” Harris), который на следующий день объезжал город, чтобы оценить ущерб, нанесенный налетом Люфтваффе, сурово заметил: «Они посеяли ветер». Именно под его руководством через некоторое время ВВС Великобритании станут бомбить немецкие города. Перед одним из налетов Харрис скажет репортерам: «Теперь они будут пожинать бурю», завершив тем самым, известную всем поговорку: «Посеешь ветер – пожнешь бурю» (“*Sow the wind and reap the whirlwind*”).

Через 30 лет после победы в одном из интервью А. Харриса спросят, не жалеет ли он о том, что был одним из тех, кто стер с лица земли Дрезден. Не выказав ни тени покаяния, маршал ответил, что сделал бы это еще раз⁶. Второй Великий пожар Лондона никому забыть было не дано.

Воспоминания детей и взрослых

Из коммемораций того периода особо впечатляют истории детей. Лен Джоунс (Len Jones) вспоминает, какая картина открылась перед его глазами, когда он вышел из своего убежища после первой ночи бомбардировок. Он пишет: «Все было разорвано на куски и представало в красном зареве, потому что все еще тлели дома. Я обернулся и увидел, что там, где укрывался отец, теперь была гора щебня. Я увидел головы двух людей. Одного из них я узнал, это был наш сосед, китаец, мистер Сей. Его один глаз был закрыт, и я понял, что он был мертв. У меня случились конвульсии, меня всего трясло. И я подумал, что и я тоже мертв, потому что мертвы они. И я зажег спичку и попытался поджечь свой палец. Я продолжал жечь палец, чтобы проверить, жив ли я все еще. Хотя я чувствовал, что жив, я подумал, что такого не может быть. Это было как конец света» [Gardiner 2011, p. 9].

Бомбы не щадили ни обычных жителей Лондона, ни членов королевской семьи. Букингемский дворец подвергся налету в первый же день Блица, 7 сентября 1940 г. Из воспоминаний короля Георга VI: «Вдруг мы услышали нарастающий звук истребителя, увидели, как две бомбы упали на противоположной стороне Бу-

⁶Hills S. ‘I would have destroyed Dresden again’: Bomber Harris was unrepentant over German city raids 30 years after the end of World War Two [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-2276944/I-destroyed-Dresden-Bomber-Harris-unrepentant-German-city-raids-30-years-end-World-War-Two.html> (дата обращения 19 окт. 2020).

кингемского дворца, а затем услышали грохот еще двух бомб, взорвавшихся во внутреннем дворе в 30 ярдах от нас. Мы взглянули друг на друга и стремглав выскочили в коридор. Все произошло за доли секунды...»⁷.

Восприятие тех страшных ночей выражалось не только вербально, но и в произведениях искусства. Авторы этих работ сами были свидетелями массированных бомбардировок Лондона. Художник Леонард Роусман (Leonard Henry Rosoman) с начала войны служил пожарным. В одну из ночей он по окончании дежурства передал смену своему товарищу по команде. Не успел тот приступить к тушению пожара, как обрушилась стена, под которой еще минуту назад стоял Роусман. Эту трагедию художник запечатлел в картине: «A House Collapsing on Two Firemen, Shoe Lane, London, EC»⁸. В настоящее время всемирно известное полотно является важным экспонатом Imperial War Museum в Лондоне.

В те военные годы Микель Бассет (Mikael Thurstan Bassett) был совсем еще молодым человеком. Испытав все тяготы военного времени, написал ряд стихотворений, в которых передает свое восприятие войны. В одной из своих работ – *Vignettes of Boyhood* (Воспоминания детства) – поэт сравнивает происходящее с битвой при Трафальгаре и описывает пылающий Лондон: «...another Trafalgar – here. The stench of a burning city; And the rolling banks of smoke...»⁹.

В 1940 г. Вирджиния Вульф (Virginia Woolf) написала эссе для американского журнала *New Republic*, озаглавив его так: «Вирджиния Вульф, размышляющая о мире во время воздушных налетов» («Virginia Woolf reflecting on peace during an air raid»): «Немцы летали над этим домом вчера ночью и позавчера. И вот они опять здесь. Довольно странно лежать в темноте и прислушиваться к жужжанию шершня, который в любой момент может вонзить в тебя свое жало, и ты погибнешь. Этот звук прерывает твои мысли о мире... Там, высоко в небе, молодой англичанин и молодой немец сражаются друг с другом... Сейчас гул самолета напоминает звук пилы; такое ощущение, что пилат сук над твоей головой. И этот

⁷The 80th anniversary of bombing of Buckingham Palace during the Blitz [Электронный ресурс]. URL: <https://www.royal.uk/80th-anniversary-bombing-buckingham-palace-during-blitz> (дата обращения 19 окт. 2020).

⁸A House Collapsing on Two Firemen, Shoe Lane, London, EC [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iwm.org.uk/collections/item/object/23296> (дата обращения 19 окт. 2020).

⁹Morton H.V. D-day recollections [Электронный ресурс]. URL: <https://hvmorton.com/2014/06/07/d-day-recollections/> (дата обращения 19 окт. 2020).

звук кружится и кружится над тобой, и пилит, и пилит ветку дерева прямо над домом... Те, кто хотят поработить нас, – сами рабы... Падает бомба. Все окна дрожат. Начинают действовать зенитные установки... В любой момент бомбы могут упасть на эту комнату. Одна, две, три, четыре, пять, шесть... проходят секунды. Бомба не упала. Во время этих секунд неизвестности все мысли останавливаются. И все ощущения тоже, за исключением одного – тупого ужаса...» [Woolf 2009, pp. 243–246]. В марте следующего года Вирджиния Вульф покончит жизнь самоубийством. К ней стали возвращаться признаки психического расстройства, которое она испытала в молодости. Предполагают, что «тупой ужас» от налетов был одной из причин ухудшения ее душевного состояния.

Непреклонный дух Лондона

В период Блица на головы лондонцев обрушились, только во время самых сильных бомбардировок, 24 тысячи тонн взрывчатых веществ, после 7 сентября налеты продолжались еще 56 дней подряд, в одну из самых страшных ночей погибло 1500 жителей. И погибали сотнями и тысячами каждую ночь.

Пали ли лондонцы духом после этого? Прекрасные воспоминания об этом оставил другой известный журналист, Генри Мортон.

Мортон пишет, что жители стали привыкать к бомбардировкам. По звуку самолета и свисту бомб они даже научились распознавать, какого типа бомбы будут сброшены и на каком расстоянии от их местоположения. Практически все записывались в районные бригады волонтеров L.D.V. (Local Defence Volunteers). Несмотря на карточную систему, магазины были открыты, а прохожие, как и в прежние времена, могли подолгу останавливаться у витрин, разглядывая товары [Morton 1941].

После бомбардировок служащие и рабочие, не задерживаясь в убежищах, прокладывали путь сквозь только что превращенные в руины дома и спокойно возвращались на свои рабочие места. Все больше и больше жителей стали посещать места сильнейших бомбардировок; они хотели убедиться, что с всемирно известными достопримечательностями Лондона все было в порядке. Согласно воспоминаниям волонтеров, порой эти походы превращались в «туристические маршруты», мешая проведению спасательных работ [Field 2002, pp. 15–18].

Считают, что суть игры в крикет доступна только британцам. Они впитали правила игры с молоком матери, и никакая другая нация не может сравниться с жителями туманного Альбиона в искусстве

владения мячом и крикетной битой. Разве имели право лондонцы отказать от крикета во время Блица? Конечно же, нет. Им удавалось среди развалин обустроить крикетные площадки, на которых не только играли сами, но и собирали толпы зевак и болельщиков.

Неотъемлемой частью и основой основ традиции, быта и характера лондонцев всегда был паб. Таковым это заведение оставалось и в период Блица. Несмотря на введение карточной системы и всевозможные запреты, потребление пива в период Блица никогда не ограничивали. Количество посетителей пабов в период войны значительно увеличилось: здесь стирались классовые различия и границы и появлялась еще одна возможность почувствовать единение нации. Писатель Теодора Фитцгibbon (Theodora FitzGibbon), после кошмара первой ночи бомбардировок с 7 на 8 сентября, оказалась в пабе в одном из районов Лондона, Челси. Посетителей много, они «шутят, чтобы снять напряжение; пивные кружки с грохотом ставят на столы, чтобы заглушить другие звуки. Нас всех сплотил страх»¹⁰.

Несмотря на бомбардировки, Рождество 1940 г. лондонцы праздновали – там, где прятались от налетов. Украшали эти места, как и в мирные годы, традиционно целовались под кустиком омелы. Власти ряда районов Лондона даже устраивали конкурсы на лучшее оформление убежищ.

Надежное пристанище

А бомбоубежища были разных видов и размеров, вспоминают жители Лондона. Прежде всего, это, конечно же, станции метро – the Tube, причем некоторые из станций в центре города были полностью превращены и переоборудованы под убежища, хотя в начале войны, чтобы не нарушать транспортные потоки и систему логистики, власти пытались отказаться от планов использования метро в качестве укрытия от налетов авиации. Осталось огромное количество фотодокументов – коммемораций, свидетельств того, как платформы, рельсы, эскалаторы и залы подземки заполнены людьми лежащими, сидящими, стоящими, спящими вповалку, беседующими друг с другом, что-то обсуждающими. Волонтеры,

¹⁰ Mayo J. The night Hell was unleashed on London: 80 years ago, Nazi Germany launched the biggest bombing raid ever seen [Электронный ресурс] // The Daily Mail. September 6, 2020. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-8703869/Sent-unleash-hell-London-JONATHAN-MAYO-documents-week-Blitz.html> (дата обращения 19 окт. 2020).

если налеты происходили ближе к 5 часам дня, разливали традиционный 5 o'clock tea. Выездные бригады устраивали концерты и представления¹¹.

Хаос первых дней пребывания в метро постепенно перерастал в разумно организованную общинную структуру с органами самоуправления. На собранные средства закупали санитайзеры, организовывали досуг, присматривали за детьми. Органы самоуправления разных станций метрополитена устраивали конференции по обмену опытом. Создавались комитеты, которые должны были вести переговоры с администрацией столицы по улучшению условий пребывания лондонцев в подземке. Официальные лица были даже обеспокоены подобной активностью жителей, а органы внутренней разведки докладывали, что жители Лондона, которые проводят ночи в метро, «все чаще и чаще создают общества, во многом коммунистические по своему характеру, для защиты своих интересов, организации развлечений и танцев»¹².

Очевидцы тех событий вспоминают, что было еще два типа убежищ – Андерсона и Моррисона (the Anderson Shelter, the Morrison Shelter). Убежищ Андерсона насчитывалось свыше двадцати миллионов, и их строили во дворе дома или на улице из листов гофрированного железа. Такие небольшие постройки, способные вместить не более 4–6 человек, закапывали в грунт и сверху присыпали землей. Убежища Моррисона предназначались для использования непосредственно в доме. Они представляли собой металлический короб, в котором люди прятались во время налетов. В остальное время семья использовала это сооружение в качестве обеденного стола. Оба типа убежищ спасли жизнь многим лондонцам.

Участки крыши убежищ Андерсона с присыпанной землей служили небольшим огородом для выращивания овощей. Это было частью кампании под названием «Копай ради Победы» (the “Dig for Victory” campaign). В центре Лондона на очищенных от кирпичей, дерева и щебня участках разводили огороды, о чем в Национальном архиве Великобритании (Public Record Office) хранится много документальных свидетельств – фотографий того времени. Одним из таких фотодокументов является широко известная фотография,

¹¹ Blitz saw 180.000 Londoners shelter from bombs in Tube... [Электронный ресурс] // Daily Mail. 2020. January 3. URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-7650629/Blitz-saw-180-000-Londoners-shelter-bombs-Tube-stations-despite-official-advice.html> (дата обращения 19 окт. 2020).

¹² Gershon L. What Life Was Like During the London Blitz [Электронный ресурс] // JSTOR Daily. August 20, 2018. URL: <https://daily.jstor.org/what-life-was-like-during-the-london-blitz/> (дата обращения 19 окт. 2020).

запечатлевшая молодую женщину, возделывающую землю у мемориала принцу Альберту в Kensington Gardens¹³.

Всевозможные государственные организации регулярно проводили мониторинг ситуации в городе и публиковали результаты. Они оставили свидетельства того, например, что пьянство в Лондоне значительно сократилось; практически не наблюдалось случаев неврозоз, связанных с бомбардировками. Жители стали отказываться от эвакуации в более безопасные северные графства и предпочитали оставаться дома, считая, что семья и дом являются лучшим способом сохранять самообладание [Field 2002, pp. 19–20].

Моральный дух нации был на высоком уровне. Об этом написал Генри Мортон в книге «Я увидел две Англии» (“I Saw Two Englands”), опубликованной в 1942 г.: «Если я зазвоню в колокол, сбегится вся округа – с винтовками, готовые защитить свои дома. Такого бедствия не случалось в Британии со времен Средних веков... И даже если падет вся Британия, наш приход будет сражаться до последнего» [Morton 1990].

Опрос общественного мнения, проводимый тогда почти каждый месяц Институтом Гэллопа, установил, что в мае 1940 г. не верили в победу только 3% британцев и считали, что войну они проиграют; количество рабочих дней, потерянных из-за забастовок, было самым низким в истории, и, более того, рабочие по собственному желанию увеличили продолжительность рабочей смены. Политику правительства в октябре 1940 г. поддерживали около 90% населения [Maskau 2002, pp. 62–78].

А правительство – в свою очередь – и делами, и словами поддерживало дух нации. Чего стоит великолепная речь Уинстона Черчилля 4 июня 1940 г. в палате Общин “We shall fight on the beaches”, заканчивающаяся эмоциональным призывом к победе “...we shall never surrender”¹⁴.

Британский юмор в Блitz

Коммеморации – не только в воспоминаниях отдельных людей, но и в коллективном творчестве. Создается впечатление, что во время налетов у жителей Лондона выработался «коллективный иммунитет».

¹³ It is 80 years since the Dig for Victory campaign, a war-time. [Электронный ресурс] // BBC. September 16, 2019. URL: <https://www.bbc.com/news/in-pictures-49715638> (дата обращения 19 окт. 2020).

¹⁴ We Shall Fight on the Beaches, 1940 // Winston Churchill's Speeches [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nationalchurchillmuseum.org/we-shall-fight-on-the-beaches.html> (дата обращения 19 окт. 2020).

В выработке этого иммунитета помогало и присущее британцам чувство юмора, которое не оставляло их и в суровой обстановке Блица. Они утверждали, что с течением времени стали относиться к бомбардировкам, как к погоде, замечая, что день сегодня очень или не очень “blitzу” [Mackay 2002, pp. 75, 261]. Бомбоубежища тоже превращались в предмет шуток: домашние хозяйки говорили, что им нравится перерыв в работе, вызываемый бомбардировками, и им хотелось бы продлить этот «отдых».

Как уже упоминалось ранее, после налетов жители Лондона посещали памятные места, чтобы убедиться в их сохранности. Придя посмотреть на собор Св. Павла, они были горды тем, что, несмотря на небольшие разрушения, он – в удовлетворительном состоянии. При этом лондонцы не забывали, как всегда, связывать в отношении французов и с сарказмом заметить: «Пусть собор Св. Павла будет в таком состоянии в свободном Лондоне, чем целый и невредимый Нотр Дам – в оккупированном Париже» [Pyle 2017, p. 30].

Другая «невинная» шутка жителей Лондона касалась мемориала, воздвигнутого королевой Викторией в честь ее супруга, принца Альберта (Albert Memorial, Kensington Gardens). Эрни Пайл с иронией замечает, что лондонцы «денно и ночью молились, чтобы хоть какая-нибудь немецкая бомба упала на мемориал»; они бы приняли эту потерю «невозмутимо и хладнокровно» и очень сожалели, что в результате бомбардировок только маленькие кусочки мрамора откололись от памятника [Pyle 2017, p. 30]. Такое отношение лондонцев следует объяснить немецким происхождением супруга королевы Виктории – принца Саксонского из Саксен-Кобург-Готской династии.

Все распевали детскую песенку – кумулятивный стишок “This is the house that Jack built”. Слова этой песенки переделали с учетом «текущей ситуации» еще в Первую мировую войну, но особо популярным этот каламбур – почти что речевка – становится во время Блица:

“This is the house that Jack built.

This is the bomb that fell on the house that Jack built.

This is the Hun who dropped the bomb that fell on the house that Jack built.

This is the gun that killed the Hun who dropped the bomb that
fell on the house that Jack built...”¹⁵.

¹⁵ Оригинальная версия стихотворения выглядит следующим образом:

This is the house that Jack built.

This is the malt that lay in the house that Jack built.

This is the rat that ate the malt that lay in the house that Jack built...

Заключение

Можно ли сказать, что Блиц объединил лондонцев? Ответ, скорее всего, будет положительным. Сотни тысяч жителей прошли через невзгоды, близость смерти, гибель близких. И это запечатлено в документальных источниках, фото- и фономатериалах, произведениях искусства. Марк Коннелли, ученый-историк, занимающийся проблемами военной истории Великобритании, обращает внимание на то, что в научных трудах последних лет предпочтение отдают изучению славных страниц Блица, забывая о пролитой крови. Но именно совместные страдания и скорбь потерь, испытания, которые выпали во время Блица на долю лондонцев всех поколений и сословий, воля людей к победе и яростное сопротивление мощи Германии всех жителей Лондона и народа Соединенного Королевства, считает исследователь, способствовали формированию британской национальной идентичности. Ученый пишет: «Я уверен, что Блиц является решающим фактором в самоидентификации и самовосприятии британцев. Год 1940-й стал триптихом войны для британцев – Дюнкерк, Битва за Британию и Блиц; и все это произошло в течение одного памятного года» [Connelly 2004, p. 263].

Литература

- Connelly 2004 – *Connelly M.* We Can Take It! Britain and the Memory of the Second World War. Harlow: Pearson Longman, 2004. VII + 328 p.
- Gardiner 2011 – *Gardiner J.* The Blitz: The British Under Attack. London; New York: HarperCollins Publishers, 2011. 352 p.
- Field 2002 – *Field G.* Nights Underground in Darkest London: The Blitz, 1940–1941 // International Labour and Working-Class History. 2002. Autumn. No. 62. P. 11–49.
- Mackay 2002 – *Mackay R.* Half the Battle: Civilian Morale in Britain during the Second World War. Manchester: Manchester University Press, 2002. 282 p.
- Morton 1941 – *Morton H.V.* H.V. Morton's London. London: Methuen & Co Ltd; 3d ed., 1941. 435 p.
- Morton 1990 – *Morton H.V.* I Saw Two Englands. London: Methuen; Revised Edition, 1990. 240 p.
- Pyle 2017 – *Pyle E.* Ernie Pyle in England. Auckland, New Zealand: Pickle Partners Publishing, 2017. 172 p.
- Woolf 2009 – *Woolf V.* Thoughts on Peace in an Air Raid // The Death of the Moth and Other Essays. London, 2009. 248 p.

References

- Connelly, M. (2004), *We Can Take It! Britain and the Memory of the Second World War*, Pearson Longman, Harlow, UK.
- Gardiner, J. (2011), *The Blitz: The British Under Attack*, HarperCollins Publishers, London, New York.
- Field, G. (2002), "Nights Underground in Darkest London: The Blitz, 1940–1941", *International Labour and Working-Class History*, Autumn, no. 62, pp. 11–49.
- Mackay, R (2002), *Half the Battle: Civilian Morale in Britain during the Second World War*, Manchester University Press, Manchester, UK.
- Morton H.V. (1941), *H.V. Morton's London*, Methuen & Co Ltd, London, UK.
- Morton H.V. (1990), *I Saw Two Englands*, Methuen, London, UK.
- Pyle, E. (2017), *Ernie Pyle in England*, Pickle Partners Publishing, Auckland, New Zealand.
- Woolf, V. (2009), "Thoughts on Peace in an Air Raid", in *The Death of the Moth and Other Essays*, London, UK.

Информация об авторе

Людмила А. Халилова, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; khal.lyudmila2012@yandex.ru

Information about the author

Lyudmila A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; khal.lyudmila2012@yandex.ru

Экспертно-аналитические центры в США
в первой половине XX в.:
политические и социально-экономические
контексты развития

Яна В. Щетинская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ivshchet@gmail.com*

Аннотация. Экспертные сообщества и аналитические центры («фабрики мысли») в США существуют и развиваются на протяжении уже более ста лет. С момента их появления эти структуры претерпели множество изменений в результате воздействия внешних и внутренних факторов, расширяя спектр своих исследований и влияние на политический процесс. Начиная с 2010-х гг. активно публикуются работы, в которых осмысливается проблема кризиса внешнеполитической экспертизы в США. В связи с этим представляется актуальным изучение роли американского экспертного сообщества в исторической ретроспективе. В данной работе проводится анализ политических и социально-экономических предпосылок создания и развития аналитических центров в США с 1910-х до конца 1940-х гг. Автор исследует роль международных кризисов в развитии этих организаций, а также внутренние факторы, такие как влияние частного финансирования, институциональные изменения в рамках правительственных организаций и другие. Воздействие этих факторов на американские аналитические центры изучается на примерах Фонда Карнеги за международный мир (1910), Совета по международным отношениям (1921) и корпорации РЭНД (1948).

Ключевые слова: аналитические центры, «фабрики мысли», США, политическая экспертиза, корпорация РЭНД, Фонд Карнеги, Совет по международным отношениям

Для цитирования: Щетинская Я.В. Экспертно-аналитические центры в США в первой половине XX в.: политические и социально-экономические контексты развития // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 99–109. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-99-109

The Development of think tanks in the U.S. in the first half of the twentieth century: the political and socioeconomic context

Iana V. Shchetinskaia

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
ivshchet@gmail.com*

Abstract. Research institutions and specifically think tanks have existed and developed in the United States for more than 100 years. Since their inception, they have changed and evolved in many ways, while expanding their research foci and political impact. Since the 2010s, a few experts in the field have observed that the U.S. policy expertise is now in crisis. To understand current challenges of policy analysis institutions it is important to study them in a historical retrospective. This article explores the political and socioeconomic contexts in which think tanks emerged and developed from 1910 to the 1950-s. It particularly examines the role of international crises, as well as domestic political factors, such as the role of philanthropy organizations, institutional changes in the government, and others. It discusses how these domestic and foreign policy aspects affected the early development of the Carnegie Endowment for the International Peace (1910), the Council on Foreign Relations (1921) and the RAND Corporation (1948).

Keywords: think tanks, United States, RAND Corporation, Carnegie Endowment for International Peace, Council on Foreign Relations

For citation: Shchetinskaia, I.V. (2020), “The Development of think tanks in the U.S. in the first half of the twentieth century: the political and socioeconomic context”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 99–109, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-99-109

Введение

Экспертные сообщества существуют на протяжении уже более ста лет. Первые из них появились в США и Великобритании в конце XIX в. Это были небольшие неформальные организации и группы, состоявшие из журналистов и представителей элит, которые обсуждали общественно-политические проблемы и их возможные решения. В начале XX в. в США появляются первые аналитические центры («фабрики мысли») – непартийные, неправительственные организации, занимающиеся стратегическим анализом политических и социально-экономических явлений и процессов. Первой из

таких организаций в США считается Фонд Карнеги за международный мир, созданный в 1910 г. С момента своего появления экспертные сообщества в целом и аналитические центры в частности претерпели множество изменений под влиянием как внешних, так и внутренних факторов. Исследование развития деятельности экспертных сообществ и аналитических центров представляется актуальной задачей. В настоящее время США сталкиваются со сложными внешне- и внутривнутриполитическими проблемами, требующими глубокого профессионального осмысления. Кроме того, после 2010 г. все больше экспертов, представляющих разные политические и идеологические спектры, утверждают, что внешнеполитическая экспертиза в США переживает кризис и нуждается в трансформации для более эффективного влияния на политику [Drezner 2017, p. 9]. Для лучшего понимания того, каким образом будет формироваться американская внешнеполитическая экспертиза во времена международных кризисов, необходимо проанализировать факторы, под влиянием которых данный процесс происходил в прошлом.

В статье проводится анализ политических, институциональных и социально-экономических предпосылок создания и развития аналитических центров в США с 1910-х до начала 1950-х гг. Обозначенные временные рамки обусловлены, с одной стороны, периодом создания первых центров в США, а с другой – их переходом на качественно новый уровень начиная с 1950-х гг. [Higgott, Stone 1994, p. 20] Изучаются как внешние, так и внутренние факторы, оказывающие воздействие на процесс создания и развития экспертного ресурса в США. К первым можно отнести мировые войны, экономические кризисы, события начального этапа холодной войны, ко вторым – особенности политического курса, филантропические традиции, институциональные изменения в рамках правительственных организаций. Их влияние прослеживается на примерах Фонда Карнеги за международный мир (1910), Совета по международным отношениям (1921) и корпорации РЭНД (1948).

Экспертное сообщество и аналитические центры «первой волны» в США (1910–1940-е гг.)

До середины 1940-х гг. в экспертное сообщество США входили, в первую очередь, академические институты, неформальные форумы и эксперты при правительстве. Аналитические центры только начинали свое формирование как самостоятельные институты. Существуют различные точки зрения по поводу того, с какого момента начинается их развитие. Например, британский Королевский

объединенный институт оборонных исследований (*the Royal United Services Institute*), созданный в 1831 г., заявляет о своем статусе старейшего аналитического центра мира¹. Наиболее известный в России зарубежный исследователь аналитических центров Пол Диксон предлагает считать первым из них Франклиновский институт в Филадельфии, занимавшийся в первую очередь изучением проблем судоходства [McGann 2016, p. 23]. Однако функции этих институтов сильно отличались от деятельности современных аналитических центров. Поэтому многие исследователи относят к ним организации, занимающиеся более широкими стратегическими вопросами политики и экономики [Abelson 2006, McGann 2016, Istomin 2016]. Тем не менее специалисты сходятся в том, что ранний этап развития профессионального экспертного сообщества в США связан с «Прогрессивной эрой», периодом преобразований в политической и социально-экономической сферах в 1890–1920-х гг. В этот период экспертное изучение социально-политических и экономических процессов рассматривалось как часть проекта по профессионализации государственного аппарата США.

Расширение ресурсов американского экспертного сообщества было бы невозможно без частного финансирования и институциональных изменений на политическом и социально-экономическом уровнях. 19 апреля 1907 г. Маргарет Сейдж создала Фонд Расселла Сейджа (*the Russell Sage Foundation*) с капиталом в 10 млн долл., что стало одним из первых крупных проектов по финансированию исследований в социальных науках. В целом филантропическая деятельность играла значительную роль в жизни американского общества, начиная с колониальных времен, что было обусловлено религиозными традициями и динамичным развитием культуры взаимопомощи. Однако в начале XX в. благотворительность в США стала систематической благодаря новым ресурсам, полученным в результате динамичного развития сталелитейной и нефтяной промышленности, транспорта и коммуникаций. Так, 14 декабря 1910 г. «капитан индустрии» и филантроп Эндрю Карнеги перевел 10 млн долл. в Фонд мира Карнеги, что положило начало созданию Фонда Карнеги за международный мир, первого аналитического центра США².

¹About RUSI [Электронный ресурс] // Royal United Services Institute. URL: <https://rusi.org/about-rusi> (дата обращения 1 авг. 2020).

²Mr. Carnegie's letter to the trustees. December 14, 1910 [Электронный ресурс] // Carnegie Endowment for International Peace. URL: <https://carnegieendowment.org/about/pdfs/CarnegieLetter.pdf> (дата обращения 28 мая 2020).

Во время и после Первой мировой войны перед правительством США стояли новые задачи в связи с изменением глобальной роли страны в условиях экономического кризиса в Европе. В правительстве возросла потребность профессионального осмысления международных событий, что вызвало необходимость поддержки экспертно-аналитических организаций. В результате в 1919 г. масштабы частного финансирования аналитических центров возросли благодаря принятию закона, освобождающего благотворительные организации от налогов [LeClair 2014, p. 8]. Это позволило филантропам США увеличивать объемы пожертвований, а получателям грантов расширять области исследований и открывать новые возможности для своего влияния. Уже в 1918 г. Фонд Карнеги сотрудничал с библиотеками в США и за рубежом с целью создания международной коллекции материалов (*the International Mind Alcove collections*) для развития международных подходов к достижению мира и взаимопонимания между странами. За сорок лет своего существования проект вырос из небольшой неформальной коллекции в высокоорганизованный, регулярно финансируемый институт.

Особую роль в развитии экспертных знаний в сфере международных исследований сыграли видные политические деятели, разделявшие позицию интернационализма, в том числе и президент США В. Вильсон, активно привлекавший экспертов к разработке проектов послевоенного устройства. Например, в 1919 г. Фонд Карнеги принимал непосредственное участие в разработке проекта Лиги Наций. Причем президентом Фонда был назначен Э. Рут, бывший госсекретарь и военный министр при президенте Теодоре Рузвельте. Позже Рут стал одним из основателей Совета по международным отношениям, аналитического центра, созданного в 1921 г. До этого Совет представлял собой группу экспертов, собранную по инициативе Вильсона, под названием *the Inquiry*. Группа разрабатывала проекты послевоенного устройства мира и представляла США на Парижской мирной конференции.

По оценкам некоторых экспертов, с началом Великой депрессии роль аналитических центров снизилась в связи с тем, что производство знаний перестало быть приоритетной областью, уступив место решению проблем по удовлетворению базовых экономических нужд. Однако серьезный экономический кризис, требовавший незамедлительной разработки эффективных политических стратегий, стал важным стимулом для экспертов. Они перешли с позиций «советников» на более активные роли специалистов, формулирующих политический курс [McGann 2016, p. 25]. В это же время финансирование от благотворительных фондов продолжало расширяться. Например, в 1930-х гг. возможности Совета по

международным отношениям значительно расширились благодаря финансовой помощи от Фонда Рокфеллеров на сумму 350 тыс. долл. В конце 1930-х гг. Фонд финансировал работу Совета над проектом *“The War and Peace Studies”*. После 1935 г. к поддержке Совета по международным отношениям присоединился и Фонд Форда. В 1937 г. благодаря гранту в 50 тыс. долл., полученному от Корпорации Карнеги, Совет смог запустить масштабный проект по формированию сети исследовательских групп, получивших название «комитеты по международным отношениям».

Таким образом, в начале XX в. стимулами к созданию и развитию аналитических центров как отдельных экспертных организаций в США стали как внутренние, так и внешние факторы. Новые задачи по повышению компетентности американского политического истеблишмента в условиях кризисов способствовали росту спроса на аналитический продукт, который активно спонсировался частными филантропическими организациями. Работа последних, в свою очередь, поддерживалась институциональными изменениями на государственном уровне (например, принятием закона об освобождении от налогов). Усложнявшаяся международная обстановка наряду с интернационализмом президента Вильсона, привлекавшего экспертов к созданию международных институтов, также сыграли важную роль в развитии экспертных исследований и увеличении их политического влияния.

*Экспертные сообщества
во время Второй мировой войны
и в послевоенный период:
новые задачи и возможности*

Если период 1890–1930-х гг. характеризовался углублением связей между экспертным сообществом и государством, то Вторая мировая война способствовала беспрецедентному расцвету аналитических центров. Сам термин «фабрики мысли» (или аналитические центры, *“think tanks”*) появился именно тогда и использовался для обозначения организаций, занимающихся военно-политическими исследованиями.

Развитие аналитических центров в 1940-х гг. было обусловлено необходимостью подготовки программ послевоенного устройства, изучения Германии и СССР, а также анализа рисков, связанных с созданием атомной бомбы, и последствий внедрения других технологических разработок. Кроме того, продолжала нарастать поддержка аналитических центров и экспертного сообщества в целом со стороны частных организаций. Все больше аналитических цен-

тров могли получать гранты на исследования и расширять сферу своих научных интересов, уделяя повышенное внимание анализу политических и экономических проблем.

Так, в 1940 г. Фонд Рокфеллера выделил 1,499 млн долл. на исследования в области социальных наук. Около четверти от этой суммы (358 тыс. долл.) отводилось на исследования в области экономики и 240 тыс. долл. составляли гранты на исследования в сфере международных отношений. В начале 1940-х гг. гранты на международные исследования часто распределялись среди университетов или комитетов и институтов. В тот период гранты Фонда Рокфеллера получили следующие аналитические центры: Институт тихоокеанских отношений (*Institute of Pacific Relations*), Научно-исследовательский институт продовольствия в Стэнфордском университете (*the Food Research Institute of Stanford University*), Американский институт международных исследований (*the American Committee for International Studies*) и Шведский институт международных отношений в Стокгольме (*the Swedish Institute of International Affairs*)³. Однако к 1947 г. расходы Фонда на поддержку социальных наук выросли до 3 051 350 долл., и список центров, которым выделялось финансирование на международные исследования, расширился. Так, в 1947 г. в нем оказался Институт Брукинга, получивший 225 тыс. долл. на исследования в области внешней политики США и международных отношений, и Совет по международным отношениям, которому было выделено 60 тыс. долл. на исследования в области советско-американских отношений, американских политических и экономических интересов на Ближнем Востоке и проблем послевоенной Европы (табл.).

Окончание Второй мировой войны и начало биполярного противостояния с СССР мотивировали правительство США увеличить поддержку экспертного сообщества. В 1946 г. президент Г. Трумэн институционализировал процесс обеспечения Белого дома экспертным анализом. Во-первых, несмотря на многочисленные высказывания оппонентов, была создана группа экономических советников при президенте США (*Council of Economic Advisers*). Во-вторых, учреждались: Совет национальной безопасности (*The National Security Council*), группа планирования и координации Госдепартамента США (*The Policy Planning Staff, Department of State*), Центральное разведывательное управление (*Central Intelligence Agency*).

³The Rockefeller Foundation Annual Report, 1940. Social Sciences. P. 249–278 // The Rockefeller Foundation. URL: <https://www.rockefellerfoundation.org/wp-content/uploads/Annual-Report-1940-1.pdf> (дата обращения 20 июня 2020).

Таблица

Финансирование социальных наук Фондом Рокфеллера
(1940, 1947 гг.)

1940		1947	
Всего: 1 499 000 долл.		3 051 350 долл.	
Из них – на экономические исследования	Из них – на международные исследования	Из них – на экономические исследования	Из них – на международные исследования
358 000 долл.	240 000 долл.	588 350 долл.	Минимум 285 000 долл. (только на проекты Совета по международным отношениям и Института Брукинкса)

Источник: The Rockefeller Foundation Annual Report, 1940. Social Sciences. P. 249–278 // The Rockefeller Foundation. URL: <https://www.rockefellerfoundation.org/wp-content/uploads/Annual-Report-1940-1.pdf> (дата обращения 20 июня 2020); The Rockefeller Foundation Annual Report, 1947. Social Sciences. P. 181–219 // The Rockefeller Foundation. URL: <https://www.rockefellerfoundation.org/wp-content/uploads/Annual-Report-1947-1.pdf> (дата обращения 20 июня 2020).

Первоначально международными исследованиями занималось Управление стратегических служб США (*Office of Strategic Services*), организация – предшественница ЦРУ. Позже эксперты из государственных структур стали активно сотрудничать со специалистами из аналитических центров, что помогло последним расширить свое влияние на политику. Например, эксперты по экономике, сотрудничавшие с Управлением, – Александр Гершенкрон (*Alexander Gershenkron*), Абрам Бергсон (*Abram Bergson*), Норман Каплан (*Norman Kaplan*) – занимались исследованиями в области экономической продуктивности СССР в рамках РЭНД, в 1940-е гг. ставшей главным аналитическим центром страны.

Под влиянием новых внешних вызовов аналитические центры были вынуждены менять свою структуру и исследовательские приоритеты, что впоследствии стало одной из причин их динамичного развития. Например, корпорация РЭНД претерпела множество изменений в своей структуре, подходах и взаимоотношениях с государственными органами в послевоенный период. Изначально она представляла собой исследовательский проект, созданный

в октябре 1945 г. в рамках специального контракта с авиастроительной компанией «Дуглас Эйркрафт» (*Douglas Aircraft Company*). В 1946 г. проект РЭНД уже работал на отдельной территории и выпустил свой первый аналитический доклад “*Preliminary Design of an Experimental World-Circling Spaceship*”⁴. В 1948 г. корпорация РЭНД стала независимой некоммерческой организацией, что позволило ей самостоятельно инициировать проекты по исследованию ядерной угрозы и разработке стратегии гражданской безопасности в 1950-х гг.⁵ Позже благодаря организационной свободе корпорация перестала ограничиваться наймом физиков, математиков и инженеров и начала привлекать к работе исследователей из сферы социальных наук, что впоследствии помогло ей проводить анализ внутренней политики СССР и оценивать советскую угрозу не только с военно-стратегической точки зрения.

Заключение

В первой половине XX в. развитие аналитических центров в рамках экспертного сообщества в США происходило под влиянием совокупности взаимосвязанных внешних и внутренних политических и социально-экономических процессов. Осложнившаяся в ходе Первой мировой войны международная обстановка и выход США из международной изоляции поставили в правительственную повестку ряд новых задач, для решения которых потребовалось привлечение экспертных знаний. Президентские инициативы, поддержка филантропических организаций и децентрализованная политическая система США также обеспечили благоприятные условия для начального этапа развития аналитических центров. Несмотря на то что на раннем этапе они принимали участие в создании международных институтов, их исследовательская деятельность была ограничена и фрагментирована вплоть до 1940-х гг.

Вторая мировая война и послевоенный период стали поворотным этапом в развитии американского экспертного сообщества в целом и аналитических центров в частности. На основании новых законов увеличился объем расходов федерального правительства

⁴A Brief History of RAND [Электронный ресурс] // RAND Corporation. URL: <https://www.rand.org/about/history/a-brief-history-of-rand.html> (дата обращения 20 авг. 2020).

⁵Wohlstetter A., Hoffman F. Defending a Strategic Force after 1960 [Электронный ресурс] // RAND Corporation. 1954. URL: <https://www.rand.org/pubs/documents/D2270.html> (дата обращения 20 авг. 2020).

и негосударственных фондов на развитие исследований в социальных науках, были созданы новые государственные структуры и негосударственные организации. Благодаря дополнительным финансовым и институциональным ресурсам аналитические центры могли расширять свою автономию и сферу исследований, привлекать новых экспертов и использовать качественные и количественные методы при анализе политических процессов.

Благодаря этой совокупности факторов, а также способности правительства США и негосударственных структур реагировать на внутри- и внешнеполитические вызовы американское экспертное сообщество обрело современный облик и статус.

Литература

- Abelson 2006 – *Abelson D.* A Capitol Idea: Think Tanks and U.S. Foreign Policy. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2006. 391 p.
- Drezner 2017 – *Drezner D.* The Ideas Industry. Oxford: Oxford University Press, 2017. 361 p.
- Higgott, Stone 1994 – *Higgott R., Stone D.* The Limits of Influence: Foreign Policy Think Tanks in Britain and the USA // *Review of International Studies*. 1994. No. 20 (1). P. 15–34.
- Istomin 2016 – *Istomin I.* Expert Analysis Outsourced: “Think Tanks” as a Format of Support for Government Decision-Making Process // *Think Tank Atlas: Russian Studies Abroad*. 2016. P. 19–24.
- LeClair 2014 – *LeClair M.* *Philanthropy in Transition*. Berlin: Springer, 2014. 138 p.
- McGann 2016 – *McGann J.* *The Fifth Estate: Think Tanks, Public Policy, and Governance*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2016. 240 p.

References

- Abelson, D. (2002), *A Capitol Idea: Think Tanks and U.S. Foreign Policy*, McGill-Queen's University Press, Montreal, Canada.
- Drezner, D. (2017), *The Ideas Industry*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Higgott, R., Stone, D. (1994), “The Limits of Influence: Foreign Policy Think Tanks in Britain and the USA”, *Review of International Studies*, vol. 20, no. 1, Jan., pp. 15–34.
- Istomin, I. (2016), “Expert Analysis Outsourced: ‘Think Tanks’ as a Format of Support for Government Decision-Making Process”, *Think Tank Atlas: Russian Studies Abroad*, pp. 19–24.
- LeClair, M. (2014), *Philanthropy in Transition*, Springer, Berlin, Germany.
- McGann, J. (2016), *The Fifth Estate: Think Tanks, Public Policy, and Governance*, Brookings Institution Press, Washington, D.C.

Информация об авторе

Яна В. Щетинская, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; ivshchet@gmail.com

Information about the author

Iana V. Shchetinskaia, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; ivshchet@gmail.com

Проблема адаптации русских эмигрантов первой волны в Чехословакии: языковой аспект

Мария Е. Горохова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, gorokhova.m@rggu.ru*

Аннотация. На сегодняшний день существует множество работ, исследующих русское зарубежье и его всестороннее культурное наследие. В то же время документальные памятники истории и культуры России, привезенные русскими эмигрантами, являются наиболее ярким свидетельством духовности вынужденных переселенцев из России и их значимости в сохранении национального единства в эмигрантской общине. Кроме того, рассматривая данные памятники, мы можем оценить роль русской эмиграции в продолжении исторических традиций русской диаспоры. В настоящей статье проанализированы сведения о языковой адаптации русских эмигрантов первой волны в Первой Республике Чехословакия, что позволяет более глубоко рассмотреть все стороны эмиграции, а также узнать о повседневной жизни наших соотечественников на чужбине. Целью исследования является изучение языковой адаптации русских эмигрантов в Чехословакии в межвоенный период, выявление их отношения к необходимости знания чешского и словацкого языков и анализ способов их изучения. Автор приходит к выводу, что далеко не все эмигранты хотели изучать чешский и словацкий языки, не видели в этом необходимости, будучи уверенными в возвращении на родину. Однако с течением времени и крахом надежд на возвращение эмигранты, оставшиеся в Чехословакии, стали проявлять все больший интерес к изучению языка и культуры страны пребывания, ставшей им второй родиной.

Ключевые слова: эмиграция, первая волна, адаптация, Чехословакия, чешский язык, белочехи, Т.Г. Масарик, межвоенный период, словацкий язык, Россия, русский язык

Для цитирования: Горохова М.Е. Проблема адаптации русских эмигрантов первой волны в Чехословакии: языковой аспект // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 4. С. 110–121. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-110-121

The problem of adaptation of the Russian emigrants of the first wave in Czechoslovakia: the language aspect

Mariya E. Gorokhova

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
gorokhova.m@rggu.ru*

Abstract. Nowadays there exist many works dedicated to the Russian Abroad and its multifaceted cultural heritage. The Russian documentary historical and cultural legacy brought by Russian emigrants is the most striking evidence of the spirituality of the Russian emigration; it also demonstrates its significance in preserving the national unity in the emigrant community. Moreover, by reviewing those sources, we can evaluate the role of the Russian emigration in maintaining the historical traditions of the Russian Diaspora. This article will analyze the data connected with the language adaptation of the Russian emigrants of the first wave in the First Republic of Czechoslovakia; it is this aspect that can allow us a deeper look at all the aspects of emigration, as well as provide a possibility to learn about the everyday life of our compatriots in a foreign land. The aim of the research is to study the linguistic adaptation of the Russian emigrants in Czechoslovakia in the interwar period, to reveal their attitude towards the necessity to learn the Czech and Slovak languages and to analyze the methods of mastering those languages. As a result of the study, the author comes to the conclusion that not all emigrants wanted to learn the Czech and Slovak languages; they did not see any need for that, since they were confident they would return to their motherland. However, over time and with no hope of returning, the emigrants who had remained in Czechoslovakia started displaying a growing interest in learning the language and culture of the host country that was to become their second motherland.

Keywords: emigration, first wave, adaptation, Czechoslovakia, Czech language, White Czechs, T.G. Masaryk, interwar period, Slovak language, Russia, Russian language

For citation: Gorokhova, M.E. (2020), "The problem of adaptation of the Russian emigrants of the first wave in Czechoslovakia: the language aspect", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 110–121, DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-110-121

Введение

Прага в период между двумя мировыми войнами стала для русской общественности своеобразным интеллектуальным странством. С самого начала своего пребывания за рубежом многие

представители русской эмиграции понимали необходимость сохранения традиций и достояния русской истории и культуры.

Задачей данной статьи является изучение адаптации русских эмигрантов в Праге. При этом важно выяснить отношение к освоению чешского языка русскими и русского чехами.

Ни в отечественной, ни в зарубежной историографии эта тема не освещена в полной мере. Проблема адаптации в целом и языковой аспект в частности упоминаются в ряде общих работ по истории Чехословакии и «Русской акции» [Савицкий 2020, с. 113]. Однако до сих пор не было отдельного исследования по данному вопросу.

Привлеченные источники позволили раскрыть малоизученные страницы русского зарубежья, узнать об особенностях жизни эмигрантов, их следовании русским традициям и отношении к русским праздникам. Среди этих источников можно акцентировать внимание на следующих документах: «Воспоминания профессора Новгородцева П.М. из Праги»¹; «Отчеты о деятельности представительства белоэмигрантского Российского общества Красного Креста в Чехословакии»²; заметки из журнала «Воля России»³.

Россия за рубежом: попытка сохранения русского языка

В течение многих столетий чешские владения являлись местом соприкосновения различных культурных традиций. Особенно ярко эту характерную особенность можно было заметить в столице Чехии – Праге. Культура этого города сочетала в себе славянские, германские и еврейские компоненты. Вполне справедливой можно считать точку зрения американского исследователя Д. Сайера, который отмечал, что в чешской столице проблема соотношения лингвистической принадлежности и национальной идентичности в течение двух последних столетий продолжала быть своевременной и злободневной [Рейтман 1999, с. 56]. Важная роль в процессе

¹Воспоминания профессора Новгородцева П.М. из Праги // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5919. Оп. 1. Д. 122. Л. 2.

²Отчеты о деятельности представительства белоэмигрантского Российского общества Красного Креста в Чехословакии // ГАРФ. Ф. 5857. Оп. 1. Д. 2. Л. 14.

³Воля России (Volja Rossii) / Ред. И. Давид; изд. Е. Лазарев, при близ. участии В.М. Зензинова, В.И. Лебедева, О.С. Минора. 1920. 12 сент.; 1921. 9 окт.

этнического и государственного образования отводилась языку, так как, согласно мнению чешского филолога Т. Гланца, он являлся маркером самоидентификации, независимости, культурных и гражданских достоинств и национальной культуры в целом [Glanc 2003, pp. 5–9].

Именно язык всегда служил одним из главных признаков коллективной идентичности. П. Бёрк, британский историк культуры, медиевист, эксперт по истории культуры Нового и новейшего времени, заявлял, что «говорить на том же языке или диалекте, что и окружающие тебя люди, – простой и эффективный способ проявить солидарность; говорить на другом языке или диалекте – столь же эффективный способ противопоставить себя другим личностям или группам» [Burke 2004, p. 121]. Но как взаимодействуют разные языки в повседневной жизненной практике? И как эти отношения отражались в истории пражского многоязычия в судьбоносные для Чехословакии 1920–1930-е гг.?

Одним из ведущих факторов в процессе адаптации вынужденных переселенцев всегда являлся лингвистический. Знание иностранных языков, безусловно, играет существенную роль в ведении культурного диалога и социализации человека в новом обществе. Философы современности утверждают, что язык – важнейшая составляющая, которая объединяет в себе ценности и традиции определенной этнической общности [Соколов 1991, с. 187]. Немецкий философ-идеалист М. Хайдеггер определял язык как «дом бытия» [Хайдеггер 1997, с. 243]. Для русских эмигрантов жизнь в пространстве нового языка зачастую становилась весьма сложным испытанием. У многих из них возникла лингвистическая травма вследствие столкновения с новыми лингвистическими стандартами.

Современные исследователи неоднократно подчеркивали, что язык является одним из важнейших способов выражения этнической индивидуальности. Они утверждают, что национальное единство заключается не во владении языком всеми представителями диаспоры, а скорее в том, что благодаря языку в этнической группе формируется чувство единения и родственности в условиях межгрупповой дифференциации [Серапионова 2006, с. 94].

Эмигрантов из России в послереволюционный период во многих городах и странах, в том числе и в Праге, объединяла надежда на возвращение на родину. Главной задачей для вынужденных переселенцев стало сохранение и распространение культурных обычаев и традиций русского народа. Русский язык непосредственно участвовал в реализации данной задачи и, кроме того, по замечанию американского историка М. Раева, «был тем базовым элементом, который не просто воплощал в себе традицию современной

русской культуры, отражая ее в литературе, но также представлял собой существенный элемент самосознания «граждан» Зарубежной России» [Раев 1994, с. 127].

Русский язык помогал эмигрантам поддерживать связь с родиной и преодолеть национальную раздробленность и обособленность. Именно русский язык являлся важнейшим фактором национального и культурного единства русской эмигрантской общины. Кроме того, он стал значимым инструментом самовыражения и самоопределения в чужом и незнакомом для людей пространстве.

Необходимо отметить, что не все эмигранты являлись интеллигенцией. Часть из них была земледельцами, военными, казаками. Естественно, практически никто не владел чешским или словацким языками. Как чехи, так и словаки в XIX в. были русофилами: они хорошо знали русскую культуру, литературу и положительно относились к России, как и ко всем славянским странам, поэтому эмиграция пришла на подготовленную почву.

Чешская интеллигенция и государственные деятели, в первую очередь К. Крамарж и Т.Г. Масарик, были знатоками России. В большинстве своем людей, приехавших в Чехословакию, приглашало правительство, им оказывалась помощь. Важно, что те эмигранты не желали покидать Россию. Они хотели помогать ей, трудиться, были в основном людьми высокого морального склада и приверженцами избранных идей. Поэтому никакой вражды между коренным населением страны и русскими эмигрантами тогда не было⁴.

Естественно, чешская культура и русская эмиграция пересекались на разных уровнях. Русские эмигранты познавали чешскую культуру, создавая совместные организации. Одним из них стало «*Česko-ruská jednota*» («Чешско-русское единство»), в котором состояли чешские и русские переводчики, писатели. Они устраивали вечера, читали стихи. В то время стало традицией праздновать юбилей.

В Чехословакии русский язык поддерживался также и на институциональном уровне. Русские издательства, так же как и различные учебные, научные и культурно-просветительские организации, получали материальную поддержку от чешских властей. Русское издательство «Наша речь» появилось в Праге еще в 1919 г. «Наша речь» выпускала буквари, книги русских классиков, работы об искусстве России и т. д. В 1923 г. издательство переименовали в «Пламя», после чего оно получило известность не только на территории Чехословакии, но и в других европейских странах.

⁴Письма Вершинина В.М. о деятельности в Праге // ГАРФ. Ф. 5893. Оп. 1. Д. 85.

Впоследствии «Пламя» стало одним из самых крупных и знаменитых русских издательств за рубежом. Со временем в Чехословакии образовалась целая сеть русских издательских компаний. Кроме того, и чешские издательства, такие как «Орбис», стали выпускать русскоязычную литературу на постоянной основе. В 20–30-е гг. XX в. в чешской столице издавались такие газеты на русском языке, как «Огни», «Неделя», «Русское дело», «Славянская заря», а также журналы «Воля России», «Студенческие годы», «На чужой стороне», «Вольная Сибирь» и др. При содействии государственных структур в Чехии были созданы специальные читальные залы для представителей эмиграции. В 1920-е гг. под покровительством Министерства иностранных дел была открыта Славянская библиотека, в которой до сих пор хранится наибольшее количество русскоязычных книг в Европе⁵.

Самым надежным и фундаментальным методом сохранения русского языка за рубежом оставалось государственное образование. Для этого у детей представителей русской эмиграции была возможность обучения в Русской реальной гимназии в Праге или в Русской гимназии в Моравской Тржебове. Молодежь в свою очередь имела шанс получить образование на русском языке в одном из высших учебных заведений Праги, который был создан специально для реализации данных целей [Фирсов 1997, с. 89].

Многие интеллектуалы и политические деятели Чехии знали русский язык. Это объяснялось культурной традицией, которая была зарождена деятелями национального возрождения. То, что многие жители Чехословакии владели русским языком на довольно приличном уровне, безусловно, упрощало жизнь русской эмигрантской общины. Президент Чехословакии Т. Масарик еще в молодости начал изучать русский язык и даже вел переписку на нем [Шкаренок 1987, с. 184]. В.Ф. Булгаков вспоминал, как в 1923 г. он попал на прием к советнику Министерства иностранных дел Й. Благожу. Тогда Булгаков попросил у Благожу о встрече с президентом Т. Масариком. Советник в тот же день позвонил главе Канцелярии президента П. Шамалу: «Очевидно, из любезности ко мне, он и с “канцлером” ... вел разговор по-русски. Одно из ближайших к президенту лиц, бывший участник подпольной чешской антигабсбургской “мафии”, канцлер д-р Шамал также говорил по-русски! Что это за “иностранное” государство, в которое я попал?!»⁶

⁵ Доклад правления «Общества» годовичному общему собранию о работе правления // ГАРФ. Ф. 5880. Оп. 1. Д. 3.

⁶ Булгаков В.Ф. Как прожита жизнь. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 2226. Оп. 1. Д. 61. Л. 33.

*Чешский язык
как основа новой русской реальности*

Несмотря на то что многие славянские языки близки и имеют много общего, большинство русских ученых, приглашенных в Чехословакию в рамках «Русской акции», не владели чешским языком на достаточном уровне [Фирсов 1997, с. 101]. Стоит отметить, что не вся столичная интеллигенция – московская и петербургская – хотела изучать чешский язык. На этой почве возникли проблемы, но со временем они были улажены. Некоторые представители интеллигенции выучили чешский язык и даже стали на нем преподавать.

Одним из представителей русской интеллигенции в Праге, который в совершенстве знал чешский язык, был академик В.А. Францев. Некоторые его современники утверждали, что коренные жители Чехословакии были удивлены знанию Францевым изысканного чешского языка, на котором они сами уже давно потеряли навык говорить [Фирсов 1997, с. 103]. Свободное владение академиком и русским, и чешским языками выражалось и в преподавании. Лекции в Карловом университете он вел поочередно на двух языках. Крупнейший славист своего времени, В.А. Францев принадлежал к числу немногих русских ученых, которые в начале 1920-х гг. получили от чехословацкого правительства специальные приглашения для приезда на работу в республику. Для Чехии он был не чужим человеком: многократно посещал Прагу еще до революции 1917 г., имел там множество друзей, блестяще владел чешским языком и слыл большим знатоком истории чешского национального возрождения. Поэтому его знание Чехии и чехов было иным, нежели у его соотечественников, оказавшихся в Праге [Ульянкина 1998, с. 297]. В.А. Францев являлся скорее исключением из правил, чем примером общей закономерности.

Из-за отсутствия необходимых источников невозможно с точностью определить уровень владения чешским языком различных групп эмигрантской общины. Несмотря на сложность и комплексность сложившейся ситуации, в тот период не предпринималось попыток изучить эту проблему. Соответственно, отсутствуют какие-либо статистические исследования на данную тему. Тем не менее лингвистический вопрос был острым и злободневным для значительного количества русских эмигрантов, проживавших в Праге. Кроме того, чем дольше русские жители оставались в Чехословакии за неимением возможности вернуться на родину, тем более значительной становилась эта проблема.

Статус чешского языка заметно изменился после 1918 г., когда было создано независимое Чехословацкое государство. Это связа-

но с укреплением положения коренных жителей в качестве доминирующей части населения, а также обладанием реальной политической властью в новой стране⁷. Усиление чешского самосознания происходило по линии «язык – нация – государство». В то же время немецкий язык и немецкая культура стали восприниматься как враждебные.

Помимо этого, у многих чехов была возможность изучать русский язык в чешских образовательных учреждениях. Особенной популярностью он пользовался в высшей школе. Необходимость в русскоязычных специалистах была связана в основном не с личным желанием чехов общаться с представителями эмиграции на русском языке, а с потребностью поддерживать и развивать отношения, например торговые, с Советским Союзом. Для этих целей русский филолог-эмигрант Л.В. Копецкий участвовал в издании специализированного учебника русского языка для чехов. Копецкий во многом содействовал российско-чешскому сближению в научной сфере⁸. Он оказался в Чехословакии, еще будучи очень молодым человеком. Окончив Карлов университет, он включился в преподавательскую деятельность, начал работать в Высшем коммерческом училище. В 1930-е гг. Л.В. Копецкий сблизился с Пражским лингвистическим кружком и тогда же выпустил свои первые учебные пособия по русскому языку. Он полагал, что для чехов необходимо создать специальные программы обучения, основанные на сходстве двух языков.

Л.В. Копецкий также считал, что невозможно научиться чужому языку без знания истории и культуры. В конце 1930-х гг. он выпустил первое издание «Русско-чешского словаря», который быстро завоевал авторитет и популярность. В послевоенные годы Л.В. Копецкий продолжил свою работу. Его словари по сей день остаются непревзойденными.

Интересен тот факт, что многие представители русской интеллигенции, проживавшие в Чехословакии в межвоенный период, отдавали предпочтение общению со своими коллегами-интеллектуалами именно на русском языке⁹. Таким образом, можно прийти

⁷Письма Богумина о деятельности в Берлине и Праге // ГАРФ. Ф. 5893. Оп. 1. Д. 80.

⁸Славянская зоря / Ред.-изд. Ф.К. Шнепп. 1920. 10 сен. С. 7.

⁹Положение о чешско-русском белоэмигрантском кредитном учреждении «Социетас». Проект устава посреднической камеры примирения при Объединении русских белоэмигрантских организаций в ЧСР. Положение о постоянном третейском суде при Объединении Русских белоэмигрантских организаций ЧСР. Копии // ГАРФ. Ф. 5857. Оп. 1. Д. 5. Л. 15.

к выводу, что он оставался главным средством межнационального общения.

Лингвистические курсы также помогли уменьшить языковой барьер. Для более эффективной адаптации в новом языковом пространстве чешский язык постепенно стали вводить в учебные программы русских образовательных учреждений. Тот же подход осуществляли и в Чехословакии. Так, в 1921 г. были созданы Высшие русские дополнительные курсы в Праге для представителей русской эмиграции, которые уже являлись студентами высших учебных заведений Чехии. В программе данных курсов значительную роль играло изучение чешского языка, который преподавал В.А. Францев. Также в 1922 г. в Карловом университете был организован дополнительный курс чешского языка для студентов-филологов. По данным официальных документов, этот курс студенты «принимали с благодарностью и указывали, что он дал возможность систематизировать те разрозненные знания, полученные ими при прослушивании чешских курсов, сдачи коллоквиумов и путем конверсации» [Инов 2005, с. 77]. В Русском институте сельскохозяйственной кооперации чешский язык был введен как один из обязательных предметов. На изучение чешского языка там отводилось по 1–2 часа в течение двух первых курсов, и по его окончании студенты получали, кроме оценок, также специальное свидетельство о знании чешского языка. В Русском педагогическом институте им. Я.А. Коменского также вводилась программа изучения чешского языка (по 2 часа на протяжении двух семестров) [Инов 2005, с. 81].

Однако у некоторых русских эмигрантов было неоднозначное и пренебрежительное отношение к чешскому языку. В нем видели жаргон и примитивность, сравнивая его с родным языком. «Мы от души потешались... над меткими сравнениями чешских слов с русскими... Они были на самом деле очень похожи на русские, но имели порой совсем иной, неожиданный смысл, а их сходство казалось некой карикатурой, некрасивым примитивным жаргоном литературного русского языка. Рассказывалась масса анекдотов, случавшихся с нашими соотечественниками, легко путавшими чешские слова с русскими и наивно думавшими, что стоит слегка исковеркать свой язык, чтобы получился чешский»¹⁰. Такое отношение мало чем отличалось от мнения многих русскоязычных вынужденных переселенцев, для которых Чехия была лишь перевалочным пунктом, временной остановкой на пути к другим странам. Кто-то мечтал о возвращении на родину. Поднимался и

¹⁰ *Цветаева М.* Спасибо за долгую память любви... Письма к Анне Тесковой: 1922–1939. М.: Русский путь, 2009. 400 с.

вопрос значимости чешского языка в контексте европейской и общемировой культуры. Многие не считали его достойным изучения и не проявляли особого интереса к чешскому культурному и историческому наследию. В изучении языка было в основном заинтересовано молодое поколение, и прежде всего студенты.

Заключение

Языковая адаптация русской эмиграции, на примере Чехословакии 20–30-х гг. XX в., определялась культурным восприятием самими переселенцами из России себя и своих задач в условиях принявшей их страны. В период, когда у представителей русской эмиграции все еще была надежда на возвращение на родину, они жили довольно обособленно и не задумывались о приобщении к чешской культуре и общественной жизни. Однако, когда проходило достаточное количество времени и возможность уехать обратно в Россию уменьшалась, лингвистическая и культурная проблема приобретала все большую значимость. Постепенно она становилась причиной своеобразной культурной обособленности, которая «усиливалась попытками сохранить российскую идентичность» [Ковалев 2014, с. 87]. Вместе с тем следует признать, что для немногочисленных эмигрантов, остававшихся в Чехословакии к началу Второй мировой войны, языковой вопрос остро уже не стоял. За время пребывания на чужбине они в целом овладели чешским языком, используя его для работы и бытовых нужд.

Литература

- Инов 2005 – *Инов И.В.* Томаш Гарриг Масарик и российские литераторы и журналисты // Т.Г. Масарик и «русская акция» чехословацкого правительства: к 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика: По Материалам Международной научной конференции / Отв. ред. М.Г. Вандалковская. М.: Русский путь, 2005. С. 75–87. (Библиотека-фонд «Русское зарубежье»: материалы и исследования, вып. 5).
- Ковалев 2014 – *Ковалев М.В.* Повседневная жизнь российской эмиграции в Праге в 1920–1930-е годы: исторические очерки. Саратов: Саратов. гос. тех. ун-т им. Ю.А. Гагарина, 2014. 154 с.
- Раев 1994 – *Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919–1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. 293 с.
- Рейтман 1999 – *Рейтман М.* Знаменитые эмигранты из России. Ростов-н/Д.: Феникс, 1999. 256 с.

- Серापionoва 2006 – *Серапionoва Е.П.* Карел Крамарж и Россия: 1890–1937 годы: идейные воззрения, политическая активность, связи с российскими государственными и общественными деятелями. М.: Наука, 2006. 512 с.
- Соколов 1991 – *Соколов А.Г.* Судьбы русской литературной эмиграции в 1920-х гг. М.: Изд-во МГУ, 1991. 515 с.
- Фирсов 1997 – *Фирсов Е.Ф.* Опыт демократии в ЧСР при Томаше Масарике: коалиционный плюрализм (1928–1934). М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1997. 202 с.
- Хайдеггер 1997 – *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.
- Шкаренков 1987 – *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1987. 272 с.
- Burke 2004 – *Burke P.* Languages and Communities in Early Modern Europe. Cambridge University Press, UK, 2004. 228 p.
- Glanc 2003 – *Glanc T.* Trvá to celou věčnost! Praha: Malá Skála, 2003. 227 s.

References

- Burke, P. (2004), *Languages and Communities in Early Modern Europe*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Inov, I.V. (2005), “Tomash Garrig Masarik i russkie pisateli i zhurnalisty” [Tomash Garrig Masaryk and Russian writers and journalists], in M.G. Vandalkovskaya (ed.), *T.G. Masarik i “russkaya aktsiya” chekhoslovatskogo pravitel’sstva: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya T.G. Masarika: Po materialam mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [T.G. Masaryk and the “Russian action” of the Czechoslovak government: to the 150th anniversary of the birth of T.G. Masaryk. Proceedings of the international conference], Moscow, Russia, pp. 75–87. (Biblioteka-fond “Russkoe zarubezh’e”: materialy i issledovaniya, vyp. 5)
- Firsov, E.F. (1997) *Opyt demokrati v CHSR pri Tomashe Masarike: koalitsionnyi plyuralizm (1928–1934)* [Democracy experience in the Czechoslovak Republic under Tomas Masaryk: coalition pluralism], Institut slavyanovedeniya I balkanistiki RAN, Moscow, Russia.
- Glanc, T. (2003), *Trvá to celou věčnost!* [It takes forever!], Malá Skála, Praha, Czech Republic.
- Heidegger, M. (1997), *Being and Time*, Ad Marginem, Moscow, Russia.
- Kovalev, M.V. (2014), *Povsednevnyaya zhizn’ rossiiskoi emigratsii v Prage v 1920–1930-e gody: istoricheskie ocherki* [Everyday life of Russian emigration in Prague in the 1920s and 1930s: historical essays], Saratov State Technical University named after Yu.A. Gagarin, Saratov, Russia.
- Raev, M. (1994), *Rossiya za rubezhom. Istoriya kultury russkoi emigratsii 1919–1939* [Russia abroad. The history of the culture of the Russian emigration 1919–1939], Progress-Academiya, Moscow, Russia.

- Reitman, M. (1999), *Znamenitye emigranty iz Rossii* [Famous emigrants from Russia], Feniks, Rostov-on-Don, Russia.
- Serapionova, E.P. (2006), *Karel Kramarzh i Rossiya. 1890–1937 gody: ideinye vozreniya, politicheskaya aktivnost', svyazi s rossiiskimi gosudarstvennymi i obshchestvennymi deyatelyami* [Karel Kramarge and Russia. 1890–1937: ideological views, political activity, communication with Russian state and public figures], Nauka, Moscow, Russia.
- Shkarenkov, L.K. (1987), *Agoniya beloi emigracii* [The agony of white emigration], Mysl', Moscow, Russia.
- Sokolov, A.G. (1991), *Sud'by russkoi literaturnoi ehmigratsii v 1920-kh gg.* [The fate of the Russian literary emigration in the 1920s], Izdatel'stvo Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Мария Е. Горохова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; gorokhova.m@rggu.ru

Information about the author

Mariya E. Gorokhova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; gorokhova.m@rggu.ru

Дизайн обложки

Е.В. Амосова

Корректор

О.Н. Картамьшева

Компьютерная верстка

Н.В. Москвина

Подписано в печать 15.12.2020.

Формат 60×90^{1/16}.

Уч.-изд. л. 6,5. Усл. печ. л. 7,5.

Тираж 1050 экз. Заказ № 1070

Издательский центр

Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6

www.rgggu.ru

www.knigirgggu.ru